

Космос

4

АПРЕЛЬ

1964

Линогравюры
Коли Афошина
и Лени Обольского
Ленинград

Боря Моторин и Вова Выгодин делают макет шалаша В. И. Ленина в Разливе.
Макетно-конструкторский кружок Дзержинского Дома пионеров Ленинграда. Фото Б. Уткина

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА

*Василий Фетисов
Рисунок В. Звонцова*

Пересвисты!
Перепевы!
Переливы!
Трели!
До чего же говорливы
голоса в апреле!
И река широка!
И ручью не узко!
Над садами,
Над лугами,
над лесами
музыка!
Прилетели крошки —
в горлышке горошки,
на носу на кончике
звоны-колокольчики,
запорхали,
засвистали,
закатили глазки,
домоседкам рассказали
небылицы-сказки.
Про саванну! Про болота!
Про слона! Про бегемота!
И про джунгли — птичий
рай!
И про Конго — жаркий край!
Но заврались
и признались:
облетели белый свет,
но красивее березки
ничего на свете нет!
А вода журчит, струится,
затопляет лес, поля!
Ручейковою водицей
умывается земля!

ВОСЕМЬ ПРУТЬЕВ

ПОВЕСТЬ

Борис Раевский

Рисунки Г. Праксейна

ГОСПОДИН НЕИЗВЕСТНЫЙ

Во Владимирской тюрьме в первый же день Бабушкина привели к начальнику.

— Значит, господин Неизвестный? — сказал тот, с любопытством оглядывая нового арестанта. — Имя, фамилию — забыл? Откуда родом — забыл? Где живешь — забыл?

— Все забыл, — подтвердил Бабушкин. И чуть усмехнулся одними глазами: — У меня, ваше благородие, с детства память слабая!

Ух, как взорвался после такой же фразы жандарм, арестовавший его в Покрове! Но у начальника Владимирской тюрьмы нервы, очевидно, были покрепче.

— Ничего, голубок! Мы тебе память вправим, — бодро пообещал он. — У нас на сей счет — профессора!..

Бабушкина провели в соседнюю комнату. Заставили раздеваться.

Тюремщик — невысокий, толстенький — сел за стол и на листе бумаги сверху крупно написал: «Приметы господина Неизвестного». Другой тюремщик, помоложе, с усиками, подошел к Бабушкину и, обмеряя его рулеткой, как портной, стал диктовать:

— Рост два аршина четыре вершка, длина ног — аршин с вершком, длина рук — четырнадцать вершков с половиною, телосложение среднее...

Толстяк за столом быстро записывал.

— Форма головы, — продолжал усатый, — удлиненная. Цвет волос — русый.

Он диктовал долго. Как дотошный ветеринар о лошади, описал подробно все «статьи» Ивана Васильевича. Указал, что усы — широкие, без подусников, бороду бреет, очков не носит, нос — прямой, переносица с небольшим выступом...

«Ишь ты! — Бабушкин с удивлением ощущал пальцами свой нос. — И впрямь выступ...»

А тюремщик диктовал дальше. Заставил Бабушкина пройти по камере и отметил, что походка у господина Неизвестного «тихая, спокойная» и весь он производит «обманчивое впечатление человека кроткого».

Потом толстяк провел черту и записал: «Особые приметы». Жирно подчеркнул эти слова красным карандашом.

Усатый внимательно оглядел Бабушкина и продиктовал:

— Первое: припухлые, красноватые веки...

«Так, — подумал Иван Васильевич. — И тут мне купеческое наследство подпортило.»

Да, с детства, с тех пор, как он чуть не ослеп, работая в лавке у купца, слишком тяжелые ящики и бочки таскал на голове, они «на мозг давили» — сказал врач, — с тех пор на всю жизнь сохранились у Бабушкина воспаленные веки.

Усатый тюремщик заставил Бабушкина открыть рот и продиктовал:

— Второе: сломан нижний левый крайний коренной зуб.

Потом на Бабушкина нацелил свой аппарат маленький суетливый старичок — фотограф. Снял его и в профиль и анфас.

«Одну бы карточку матери послать, — подумал Бабушкин. — Все бы толк!»

Как сокрушалась мать, когда они виделись последний раз! Уговаривала хоть сфотографироваться. Чтоб портрет на память остался.

Ивану Васильевичу очень хотелось тогда хоть чем-то порадовать мать. Ведь так редко он видит ее. И так мало хорошего в ее жизни. Все стирает белье в чужих домах. Но он отвел глаза.

«Нет, — сказал матери. — И не проси...»

«Фотографироваться подпольщику нельзя. Суровы законы конспирации.»

Бабушкина увели в камеру.

Но перед тем начальник тюрьмы сказал ему:

— Вы у нас в «Неизвестных» долго не походите! Сделаем известным! На всю Россию!

Начальник велел напечатать триста листов с «приметами» господина Неизвестного и шестьсот фотографий его: триста — в профиль, и триста — анфас. На каждый листок с приметами наклеили по две фотографии и в конвертах со строгой надписью «совершенно конфиденциально» разослали по всей России.

Способ давно проверенный. В каком-либо из городов таинственного арестанта опознают.

«Да, — подумал Бабушкин. — Не удается мне долго морочить головы тюремщикам.»

Так оно и вышло. Дежурный в Екатеринославской охранке, получив запечатанный сургучом секретный пакет и взглянув на фотографию, чуть не подпрыгнул на стуле от радости. Так вот где беглец! А они-то искали его и в Смоленске, и в Питере, и в Москве.

Тотчас была отстукана телеграмма: «Неизвестный» — это особо важный государственный преступник Бабушкин.»

Начальник Владимирской тюрьмы приказал привести его к себе.

— Так-с! — улыбаясь сказал начальник. — Всегда приятно, когда неизвестное становится известным. В этом заключается познание мира. Не так ли... — и торжествуя добавил: — господин Бабушкин?!

Иван Васильевич промолчал.

— А мне даже жаль с вами расставаться, — любезно продолжал начальник. — Крайне редко в нашей глуши бывают «особо важные». Все больше мелюзга, шушера всякая.

— Мне тоже жаль расставаться, — в тон ему любезно ответил Бабушкин. — Я уже обмозговал план побега из вашей симпатичной тюрьмы и вот... — Он развел руками.

Начальник побагровел. Но сдержался. Не обругал, не затопал ногами. Позвал тюремщика.

— Отправь в Екатеринослав. По месту надзора. И усилить конвой. Да-с, — повернулся начальник к Бабушкину. — Два года назад вам удалось оттуда улизнуть. Но теперь не выйдет! Дудки!

СТУДЕНТ

Массивная железная дверь захлопнулась с лязгом, тяжело, как дверь несгораемого шкафа.

Бабушкин огляделся. В новой камере он был не один. На нарах сидел худощавый, болезненный на вид юноша с огромной лохматой шевелюрой и свалывшейся бородой. Парень раскачивался из стороны в сторону, и губы его шевелились, словно он читал стихи или молился. Рядом валялась синяя студенческая тужурка. На Бабушкина он не обратил никакого внимания, даже не поднял головы.

В камере было грязно, пол не подметен, на нарах разбросаны дырявые, скомканные носки, носовые платки, одеяло сползло на пол.

Бабушкин, ни слова не говоря, снял пиджак. Попросил у надзирателя ведро воды, тряпку и стал мыть щербатый каменный пол.

Студент поднял взлохмаченную голову, несколько минут удивленно наблюдал за Бабушкиным. Ехидно спросил:

— Выслужиться хотите? Заработать благодарность от начальника тюрьмы?

Иван Васильевич пропустил мимо ушей злую иронию студента.

— Жить надо по-человечески! Всегда и везде, — спокойно ответил он, продолжая мыть пол.

Два дня заключенные почти не говорили друг с другом. Бабушкин недоверчиво приглядывался к лохматому студенту.

— Кто вы? — однажды спросил он студента. — За что сидите?

— Исай Горовиц, — студент шутиливо щелкнул каблуками. — Задержан за участие в манифестации.

— Горовиц? — недоверчиво переспросил Бабушкин. — А у вас сестры нет?

— Как же! Есть! Она сама недавно из тюрьмы.

— А как ее зовут? — все так же недоверчиво продолжал допрашивать Бабушкин.

— Сестру зовут Густа Сергеевна.

Все как-то очень гладко сходилась. Это настораживало. Бабушкин пристально, в упор поглядел в глаза студенту. Стал дотошно расспрашивать: какая из себя Густа, как ходит, как говорит.

— Экзамен! — засмеялся студент. — Пожалуйста! Не возражаю!

Он подробно описал наружность сестры, сказал, что у нее привычка: когда слушает, барабанит ногтями по столу.

— А какое ее любимое словечко? — спросил Бабушкин.

— Какая тут политика?! — воскликнул Бабушкин. Протянул тюремщику клочок бумаги. Всего несколько слов. «Мы живы, здоровы. Горовиц, Бабушкин».

— Ну, живы-здоровы, это ладно, — сказал надзиратель.

С тех пор Иван Васильевич стал подолгу беседовать

— «Принципиально!» — усмехнулся студент. — У Густы все «принципиально». По-моему, она даже воздухом дышит «принципиально».

Все было правильно. Бабушкин обрадовался.

— Надо передать ей записку.

— А как? Сквозь стену?

Бабушкин не ответил. Постучал кулаком в железную дверь.

— Ну? — заглянул в «глазок» надзиратель. — Чего буянишь?

— Послушай, старина, — сказал Бабушкин. — Хочешь заработать?

— Это смотря как...

— Да очень просто: передай записочку. Вот его сестре.

— Это смотря чего в записочке. Ежели про политику — и не заикайся.

со студентом. Бабушкин узнал, что Горовиц — совсем еще неопытный, «зеленый» новичок, впервые принявший участие в студенческих «беспорядках».

— Хотите бежать? — однажды неожиданно спросил он студента.

— Что вы? Как отсюда убежишь? Невозможно! Бабушкин улыбнулся.

— Один умный человек меня учил — нет таких тюрем, из которых нельзя бежать. Нужно лишь желание, настоящее желание!

На всякий случай, он не сказал, кто этот умный человек. Прикрыл глаза, и в памяти тотчас возник высокий лоб, чуть прищуренные глаза, острая борода. Как давно он не видел «Николая Петровича»! И сколько еще не увидит?

Да, надо обязательно бежать. И пробраться за гра-

ницу, к Ленину. Не такое сейчас время, чтоб расслаивать в тюрьмах! У партии каждый человек на счету. Бежать. Непременно!

Он с нетерпением ждал ответа от Густы Горовиц. Вскоре узникам передали записку. В ней была всего одна фраза:

«Добейтесь разрешения на передачи».

Бабушкин ликова.

— Строчите нижайшую просьбу начальнику поли-

цейского участка, — весело сказал он студенту, — я бы сам написал, да у меня здесь родных нет. А впрочем, мне бы все одно не разрешили.

Через два дня Горовицу сообщили распоряжение начальника:

«Дозволяется получение питательных предметов как-то: колбасы, сала, хлеба, а также подушки, штанов и исподнего. До выдачи заключенному означенных вещей производить тщательный досмотр».

НЕВЕСТА

Спустя несколько дней надзиратель, отворив в двери железную «форточку», через которую узникам передавали пищу, сказал:

— Горовиц! Готовься к свиданию! Невеста пожаловала.

— Невеста? — изумленно воскликнул Исая. — Какая? Бабушкин, крепко стиснув ему локоть, шепнул:

— Молчите...

— Какая! — передразнил надзиратель. — Обыкновенная. Видать, соскучилась...

Форточка со скрежетом захлопнулась.

— Это недоразумение, — сказал Бабушкину студент. — У меня нет никакой невесты. И никогда не было!

— А теперь будет! — усмехнулся Бабушкин.

Он усадил взволнованного студента на табурет.

— Эту девушку, очевидно, направил комитет партии, — сказал Иван Васильевич. — Вероятно, на воле хотят установить с нами прочную, постоянную связь. И передачу «невеста», наверно, принесла...

— Но почему обязательно «невеста»? — раздраженно воскликнул Исая, вскочив с табурета. — Могла бы эта женщина назваться тетей, сестрой. Ну, на худой конец — племянницей! «Невеста!» Выдумают тоже! Ведь на свидании присутствует надзиратель. А с невестой любезничать надо! Чувства проявлять! Нет, не могу!

— Успокойтесь, Исая, — сказал Бабушкин. — Комитет поступил правильно. Выдать себя за вашу тетю или сестру эта девушка не могла. По паспорту и другим документам тюремщики сразу обнаружили бы обман. А невестой любая девушка может быть. Не придерешься!

— Но как же я буду беседовать с моей горячо любимой «невестой»? Ведь я даже имени ее не знаю! — схватился за голову Исая. — Позову «Таня»! А она все Маня! Надзиратель сразу поймет — дело нечисто.

— Ничего, — успокоил Бабушкин. — Называйте ее почаще «милая», «дорогая», а по имени — не зовите...

— А если в комнате для свиданий окажутся две женщины? К какой же мне обратиться? Кошмар! Женных перепутал свою невесту! Нет, не пойду!

— Спокойней, юноша, — сказал Бабушкин. — Надо схитрить. Когда вас введут в комнату, вы так у порога и стойте. Вперед не идите. Если там окажутся две женщины, то ваша «невеста» сообразит и даст вам какой-нибудь знак. Чтоб вы ее с чужой не перепутали. Все будет отлично!

Исая постепенно успокоился.

Вскоре надзиратель провел его в тюремную канцелярию. Исая предупредили: свидание дается на двадцать минут, говорить можно только на личные, семейные темы.

Как и условились с Бабушкиным, он, войдя, стал на пороге.

Комната была большая, почти зал. Посреди, от пола до потолка, — две решетки. Между ними — узкий ко-

ридор, по которому неторопливо прогуливался тюремщик.

К счастью, во второй половине комнаты оказалась лишь одна девушка. И, видимо, неглупая и решительная. Когда Исая ввели, она сидела на скамье, отделенная от него двумя решетками. Смущенный студент не успел еще даже толком разглядеть ее, как девушка вдруг вскрикнула, бросилась к решетке, вцепилась в нее обеими руками:

— Исая, милый, как ты похудел! И оброс весь!..

— Не волнуйся, я вполне здоров, — пробормотал студент, хотя ему было очень неловко обращаться на «ты» к незнакомке. Помня совет Бабушкина, он, правда, с запинкой, даже прибавил: — Дорогая...

Понемногу успокаиваясь, он разглядел «невесту»: невысокая, миловидная, с длинной русой косой. Она тоже волновалась, но это выглядело ничуть не подозрительно: ведь так долго не видала «жениха»!

Между решеток, заложив руки за спину, важно прогуливался тюремщик.

«А о чем говорить-то? С невестой?» — подумал Исая. Как назло, ничего умного не приходило в голову. Эх, была не была. Исая брякнул:

— Как поживает тетя Маша?

«Невеста» не растерялась. Затараторила быстро:

— Тетя Маша — то слава богу. У нее ужасные мигрени были. Теперь прошли. А вот с дядей Колей — беда...

— Беда? — переспросил Исая, стараясь голосом передать крайнее волнение.

— Совсем плохо, — махнула рукой невеста и стала рассказывать длинную историю о том, как этот мифический дядя Коля полез на крышу своего домика, там ветром кровлю оторвало, ну и свалился, сломая два ребра и ногу. Теперь вот в больнице...

— Ай-яй-яй, — качал головой Исая.

Пока все шло хорошо.

«Умница!» — с нежностью подумал Исая о своей «невесте».

Только одно беспокоило его: в руках у «невесты» ничего не было.

Исая был молод и неопытен. А Бабушкин забыл предупредить его, что в тюрьме нельзя просто из рук в руки передать пакет с продуктами. А вдруг в передаче что-нибудь запретное? Тюремщики берут передачу на досмотр и, только тщательно проверив, отдают ее заключенному.

«Невеста», очевидно, заметила беспокойные взгляды Исая.

— Передачу я принесла, — сказала она. — Тебе скоро вручат. Там много еды, есть даже колбаса. Очень вкусная. Целый круг!

— Спасибо, — обрадовался Исая.

Кормили в тюрьме плоховато, и передача была очень кстати.

За три минуты до конца свидания надзиратель сказал:

— Время истекает. Прощайтесь.
Невеста словно только и ждала этого сигнала. Сразу заплакала. И здорово — слезы так и полились.
...Исай вернулся в камеру.

— Ну как невеста? Понравилась? — шутливо спросил Бабушкин, когда захлопнулась дверь за надзирателем.
— Да ничего. Подходящая невеста, — ответил Исай. — И толковая, видать. Прямо актриса.

ПЕРЕДАЧА

Вскоре в камеру принесли передачу: маленькую корзинку, полную продуктов. Там был и пышный пирог с капустой, и толстый розовый кусок сала, и сахар, и яблоки. И целый круг колбасы.

Тюремщики все тщательно осмотрели. На это они были мастера!

— Ну, Иван Васильевич, сейчас попируем! — радостно потер руки студент.

— Попируем, но не сейчас, — сказал Бабушкин. — Станьте к двери, закройте «глазок».

Исай пожал плечами, но послушно подошел к двери и головой заслонил «глазок».

Бабушкин выложил из корзины все продукты на стол. Взял аппетитный румяный кусок пирога и стал ручкой ложки резать его на мелкие части. Ножа узникам не дают. Кусочки капусты посыпались на стол. В камере вкусно запахло.

— Иван Васильевич, вы все будете так? Кромсать? — спросил Исай.

— Ага.

Исай не вытерпел. Взял колбасу и вернулся к двери. Заслонил «глазок» затылком, а сам стал жевать.

— Осторожно! — предупредил Бабушкин.

— Что — «осторожно»? — не понял студент. Вдруг как вскрикнет:

— Ой, зуб...

— Я ж говорил, — Бабушкин отобрал у студента колбасный круг, содрал кожуру и переломил. Из разлома торчал острый кончик маленькой, тоненькой, как проволока, стальной пилочки.

Через два дня в камеру вновь вошел надзиратель.

— Заботливая у вас невеста, — сказал он Исаю, кладя на нарты объемистый сверток.

Теперь Исай уже не хватал ни колбасу, ни печенье. Отошел к двери, заслонил «глазок». Бабушкин снова стал кромсать и крошить продукты. Из буханки хлеба извлек пилочку.

— Английская, — сказал Бабушкин, внимательно осматривая ее.

Исай тоже повертел в руках пилочку. Такая маленькая, тоненькая, такая хрупкая на вид... Неужели Бабушкин намерен двумя такими крохотными пилочками перерезать решетку? Смешно! Вон прутья в ней какие: восемь штук, и каждый в палец толщиной!

На столе теперь вместо продуктов возвышалась лишь гора крошек, кусочков.

— Унылая картина, — Исай печально оглядел это месиво. — Давайте все же закусим.

— Закусим, — согласился Бабушкин. — Но раз уж вы заслонили «глазок», стойте там еще минутку.

Бабушкин сел на нарты, снял с ноги сапог, сунул руку в голенище и стал аккуратно оттирать стельку.

Исай расширенными от удивления глазами следил за каждым его движением.

— Что это еще за фокус?

— Вот именно! — сказал Бабушкин. — Ну, глядите! Опля! — и он, как заправский фокусник, вдруг выдернул из-под стельки еще одну, третью пилку.

— Собственного производства, — сказал Иван Васильевич. — Мастерил на совесть...

— Ничего не понимаю, — развел руками Исай. — Откуда у вас в сапоге пилка? Вы же говорили, что вас арестовали неожиданно, на собрании. Так вы что — всякий раз, как идете на собрание, запикиваете пилку в сапог?

— Революционер всегда должен быть готов к аресту, — ответил Бабушкин. — Так меня учил один мудрый человек. Пилку эту я сам сработал, сам закалил. И целый год топал с пилкой в сапоге.

— И не мешала?

— Нет. Пилочка тоненькая. Улеглась там, под стелькой. Я постепенно про нее и забыл. А когда арестовали, жандармы уж как обыскивали. Да не нашли.

ВОСЕМЬ НОЧЕЙ

Ночью Бабушкин и Исай не спали. Отдали лампу надзирателю. Долго лежали в темноте, молча, с открытыми глазами.

Постепенно тюрьма затихла.

Тогда Бабушкин бесшумно встал. Постоял так, в одном белье, настороженно вслушиваясь в тишину. Потер пилку кусочком шпика, чтоб не визжала, придвинул табурет к стене, стоя на нем, принялся беззвучно пилить оконную решетку.

Исай, тоже в одном белье, дежурил у двери. Надзиратели опытные, хитрые. У них войлочные туфли, чтоб неслышно подкрадываться к камерам. Надо быть начеку. Чуть раздавался малейший шорох в коридоре, Исай тихонько кашлял. Оба узника стремительно, но бесшумно залезали под одеяла, притворяясь спящими.

Окошко, как назло, было высоко, под потолком. Тянуться к нему — трудно. Быстро затекали поднятые вверх руки. Через каждые пять-десять минут — вынужденная передышка.

Пилки были мелкие, маленькие. Такими тонкие юве-

лирные вещицы резать, а не массивные тюремные решетки. И главное — зажать пилку не во что. Приходилось держать ее прямо в руках. Бабушкин был опытным слесарем, но все же и у него скоро стали кровоточить пальцы на обеих руках.

Но он пилил. Делал краткие передышки и опять пилил. Смазывал горячую пилку салом и снова пилил.

Исай стоял у двери. Его бил озноб. Или это в камере так холодно? В одних носках на каменном полу?

Металлический прут поддавался медленно. Всю ночь трудился Бабушкин: перепилил всего один прут и то не до конца. К утру пилка тихонько хрустнула, и в руках у Ивана Васильевича оказались два обломка.

— Так я и знал! Так я и знал! — метался по камере Исай. — Безнадежно.

— Наверно, плохой закал, — сказал Иван Васильевич. — А все другие лучше.

Уже рассветало. Бабушкин тряпкой тщательно стер железную пыль с решетки. Подмел пол возле окна.

— Безнадежно! — повторил студент. Он теперь лежал под одеялом, но все еще не мог согреться. — Как

же мы не учили? Утром ведь обход! Посмотрят на решетку — а там надпил...

— Не заметят, — сказал Бабушкин.

Взял кусочек хлеба, размял, и мякишем, как замазкой, затер надпил.

— Все равно — видно. Прут-то черный, а хлеб...

— Подкрасим, — Бабушкин плюнул на ладонь, — руки у него были грязные, всю ночь пилил — и грязью замазал мякиш в надпиле.

Утром, во время очередного обхода, надзиратель ничего не заметил.

«Только бы не стал проверять решетку», — подумал Бабушкин.

Он знал: иногда тюремщики вдруг устраивают «концерт»: ударяют по решетке молотком и слушают. Звук должен быть чистый, долгий. А если решетка подпилена — звякнет надтреснуто, глухо.

Студенту он не сказал о своих опасениях, Исай и так слишком взволнован.

Вторая английская пила прослужила также лишь одну ночь.

— Так я и знал! Так я и знал! — опять нервно забегал студент. — Две пилки — на два прута! Безнадежно!

«Да, скверно», — подумал Бабушкин. Но студенту он сказал:

ПОБЕГ

Камера находилась в первом этаже. За окном — пустырь, обнесенный плотным забором. Круглые сутки по пустырю, всегда одной и той же протоптанной дорожкой, размеренно, неторопливо шагала часовая. Узники уже выверили: весь маршрут его из конца в конец пустыря длится немногим меньше двух минут.

Бабушкин давно обдумал план побега. Надо ночью, в полной темноте, выждав момент, когда часовая уйдет в другой конец пустыря, выпрыгнуть из окна — под ним как раз мусорный ящик, — украдкой перебежать пустырь, перелезть через забор. Там должны ждать их с одеждой. Быстро переодеться и добраться до заранее приготовленной квартиры. А там уже будут наготове фальшивые паспорта, деньги.

Двадцать третьего июля все было готово к побегу. А с воли почему-то не подавали сигнала. Время тянулось необычайно медленно.

Сидеть в тюрьме никогда не сладко. А с подпиленной решеткой каждый день превращался в муку. Ведь в любую минуту тюремщики могут обнаружить надпилы. Подготовка к побегу. За это полагалась каторга!

— Бежим сами, — предложил Исай.

— Бежать не фокус! — сказал Бабушкин. — Скрыться — вот задача! Надо ждать. Городскому комитету виднее...

Прошел день, ночь... Потом еще день. И еще ночь. Сигнала с воли все не было.

Ночью Бабушкину не спалось. Снова и снова виделось ему: вот он бежит из тюрьмы, вот пробирается за границу, разыскивает Ленина. Как там дела в «Искре»? Бесперебойно ли выходит газета? Это сейчас главное. А второй съезд? Как идет подготовка к нему? Съезд необходим. Считается, что партия уже создана. Но на деле это не совсем так. Надо сплотить разрозненные группы.

Утром в камеру вошел новый начальник полицейского участка — маленький, вертлявый, с длинными, до колен, руками, как у обезьяны. Подозрительно оглядев камеру, он, ни слова не говоря, вышел.

У Исая зубы стучали, как в лихорадке.

— Ну, что ж! Понадобится — ваша «невеста» еще инструментов принесет. Она же у вас деловая.

А сам подумал:

«Пока мы ей сообщим, что нужны пилки... Да пока она принесет... Сколько дней потеряем! А если тюремщики в это время устроят проверку?..»

Третья пила, самодельная, держалась дольше других. Миновала ночь, и вторая, и третья...

Исай, стоя на часах у двери, возбужденно шептал:

— Только бы не сломалась! Миленькая! Голубушка! Только бы выдержала!

А на рассвете, когда Бабушкин кончал работу, Исай хватал у него пилочку, любовно оглядывая ее — казалась, сейчас расцелует.

Наконец, оставалось разрезать последний прут.

Исай не дыша глядел на тоненькую, гибкую пилочку. Неужели выдержит?!

Всю ночь трудился Бабушкин. Пилит, а сам нет-нет да и вспомнит, как четырнадцатилетним пареньком отдала его мать в торпедные мастерские. И как учили его там слесарить. Пригодилось...

Пила не подвела. Своя, самодельная, оказалась хоть куда. И вот кончилась восьмая ночь. Все восемь прутьев были перепилены. Теперь в нужный момент отогнуть их кверху — и путь на волю открыт!

— Бежать! Немедленно бежать! — взволнованно шептал он, шагая взад-вперед по камере. — Мне про этого Чикина сестра рассказывала. Он был шпиком, а теперь, видите, повышение получил. У него нюх собачий! Бежать! Как только стемнеет, сразу бежать!

— Нет, — сказал Бабушкин. — Подождем вечера. Наверно, будет передача и записка с воли.

Он скатал шарик из хлеба и подошел к окну. Тщательно оглядел надпилы на прутьях, плотно заполненные мякишем. Эта «замазка», высохнув, меняла цвет и форму, начинала крошиться, отваливаться.

Бабушкин спичкой выкопал кое-где старый, ссохшийся мякиш, заменил новым.

Наступил вечер. Принесли передачу. Записки опять не было.

— Значит, в следующий раз будет, — как можно веселее сказал Бабушкин, хотя и у него на душе кошки скребли.

Студент беспокойно метался по камере.

— Глупо медлить! Иначе все провалится.

Бабушкин, не отвечая, лепил из хлеба шахматного коня. Гриву ему спичкой исчертил. И вместо ушей два обломка спичек воткнул. А в основание коня вмуровал камешек — для устойчивости.

— А может, в передаче была записка? — тревожно шептал студент. — И на досмотре обнаружили? А?

Бабушкин расставил на листке бумаги, разграфленном на клетки, маленькие шахматные фигурки.

— Сыграем?

Студент даже остановился от удивленья.

— Кто-то из нас сошел с ума — я или вы! — возмущенно воскликнул он. — Тут сердце леденеет! А вы...

— Все будет хорошо! — успокаивал Бабушкин.

Сам он тоже тревожился.

«А вдруг у нас устроят „концерт“?»

Эта мысль преследовала его. Мешала спать ночью. От нее было никак не отделаться.

...Прошел еще день и еще один день.

Утром в камере вновь появился Чикин вместе с надзирателем. Начальник участка сам обшарил нары, заглянул даже в парашу. Потом подошел к окну.

«Сейчас заметит надпилы на прутьях, — с ужасом подумал Горовиц, — вон мякиш отстает...»

Чикин посмотрел на кучерявые облака, закурил папиросу и вновь принялся обыскивать камеру.

— Крысы-стервы так и рыщут по корпусу. Где же у них лазейки? — насмешливо пояснил он заключенным.

— Какие там крысы? — грубо сказал Бабушкин. — Наверно, побега боитесь, пилки ищете? Они вон, под ведром!

Горовиц похолодел.

— Шутник! — пробормотал начальник участка. Он больше не обшаривал камеру и ушел.

Вечером принесли передачу.

— Теперь или никогда! — сказал Горовиц. — Больше я этого не вынесу. Или бежать, или к черту все эти муки! Хуже пытки!

Он лихорадочно ощупал ветчину, кусок сала, быстро разломал баранки. Нигде ничего! Швырнув продукты на стол, студент прижался горящим лицом к холодной каменной стене камеры.

— Поберегите нервы, юноша, — строго сказал Бабушкин. — Закройте «глазок».

Разложив все продукты на столе, он стал тщательно, неторопливо осматривать их. Баранки раскрошил. Ветчину и сало разрезал на кусочки. Пусто.

Ветчина была завернута в газету, насквозь пропитавшуюся жиром. Бабушкин долго рассматривал ее. Не подчеркнуты ли какие-нибудь слова? Нет ли крошечных дырочек — проколов иголкой в середине некоторых букв? К сожалению, ничего...

Оставалась маленькая баночка с вишневым вареньем.

Бабушкин посмотрел баночку на свет, взболтал ее — не плавают ли там что-нибудь кроме вишенки? Нет, только ягоды.

И вдруг Бабушкин вспомнил. Ему когда-то рассказывали, как в Питере передавали в тюрьму особо важные записки...

— Ну, Исая, — радостно сказал Бабушкин. — Смотрите. Сейчас получите записку.

Исай встрепенулся.

Бабушкин слил густой сироп из банки в жестяную миску. Лил и тщательно наблюдал, чтобы ни одна вишня не проскочила вместе с жидкостью. Когда на дне банки остались только ягоды, Бабушкин стал «снимать пробу». Брал вишенку и клал ее в рот. Зубами нащупывал косточку. Выплюнет косточку, а ягоду проглотит. Потом другую так же обследует: на месте ли косточка?

Бабушкин вспомнил — иногда, чтобы передать в тюрьму записку, делали так: извлекали из какой-нибудь вишни косточку, вместо нее всовывали в ягоду крохотную записку, скомканную, написанную на особой бумаге. Ну, тюремщики, конечно, не могут все ягоды перещупать, а арестанту торопиться некуда...

Вишню за вишней проверял Бабушкин. Студент, как замороженный, смотрел ему в рот.

— Вы, Иван Васильевич, только не торопитесь, — шептал он. — Не торопитесь! А то ненароком проглотите записку.

— Да нет же! — успокаивал Бабушкин. — Если косточка есть, значит записки нет... Проще простого!

Вишни все убывали и убывали. Вот уже только на донышке. А записки все нет...

Наконец, остались последние четыре вишенки. Тут уж Исая не вытерпел. Подскочил к банке, вытряхнул их на ладонь и пальцами лихорадочно ощупал.

Во всех четырех ягодах были косточки.

«Весело», — подумал Иван Васильевич.

Несколько минут он молча расхаживал по камере.

«Но ведь должен... Должен быть сигнал!»

Он снова взял газету, в которую была завернута

ветчина; скрупулезно изучил ее, миллиметр за миллиметром. Никаких знаков!

Потом подошел к окну, поглядел бумагу на свет. Опять ничего! Иван Васильевич перевернул обрывок газеты на другую сторону, снова посмотрел на свет, и вдруг — он даже не поверил глазам! — увидел нанесенные карандашом еле-еле заметные цифры:

29

12

— Сигнал! — воскликнул Бабушкин.

Студент мигом сорвался с нар. Вдвоем они еще раз внимательно оглядели обрывок газеты. Сомнений быть не могло. Городской комитет сообщал: побег назначен на двадцать девятое июля, двенадцать часов ночи.

— Ну вот, — значит, завтра в полночь бежим, — сказал Бабушкин.

На другой день, когда стемнело, Бабушкин и студент прильнули к окну. На пустыре маячила фигура часового. Он медленно ходил вдоль забора.

Издали доносились звуки вальса. Справа слышались гулкие ухающие удары «бабы» — вероятно, забивали сваи. С залихватской песней, дружно стуча сапогами, мимо прошли солдаты.

Часов у заключенных не было. Как узнать, когда наступит двенадцать?

— По гудку! — сообразил Бабушкин.

Неподалеку находился спирто-водочный завод. Ночью там заступала новая смена. И всегда ровно в полночь тишину вспарывал пронзительный заводской гудок.

Становилось все темнее и темнее, но заключенным казалось — время не движется.

Студент вздрогнул, когда заскрежетал засов.

Вошел надзиратель, поставил лампу, подозрительно долго — или это только казалось заключенным? — оглядывал камеру и вышел.

Вскоре Бабушкин отдал лампу надзирателю: пусть думает, что они легли спать. А главное, пуская глаза привыкают к темноте.

Чтобы скоротать время, Бабушкин шепотом стал рассказывать о своем детстве.

...Вдруг совершенно неожиданно, хотя узники все время ждали его, тишину разорвал визгливый оглушительный рев. Гудок!

Бабушкин решительно отогнул подпиленные прутья решетки.

Часовой по своей обычной дорожке медленно прошел мимо окна налево, до конца пустыря, повернул, прошел направо вдоль всего забора, снова повернул. Его не было видно, только слышались грузные шаги. Когда часовой опять поравнялся с их окном и, повернувшись спиной, стал удаляться, Бабушкин шепнул Исая:

— Давай!

Тот бесшумно спрыгнул и лег возле мусорного ящика. Переждав несколько мгновений, Бабушкин тоже спрыгнул и лег рядом.

Прислушался. Вдали громко, казалось, на весь двор, гремели сапоги караульного.

Наступил самый напряженный момент. Сейчас невидимый в ночи часовой повернул и по своей обычной тропочке идет к ним. Надо лежать! Беззвучно. Лежать, хотя часовой с каждым шагом все ближе, ближе.

Бабушкин в темноте положил руку на спину студенту.

«Заметит? Нет?»

Часовой прогромыхал сапогами возле самого ящика и стал удаляться.

Бабушкин мысленно сосчитал до пятнадцати — пусть часовой уйдет — и легонько толкнул Исая. Они сделали короткую перебежку к забору. Притаились. Потом тихо, по-кошачьи, перемахнули через забор.

Их уже ждали. Из темноты сразу вынырнули две фигуры:

— Быстрей! — услышал Бабушкин знакомый мужской голос. — Раздевайтесь!

Беглецы мигом скинули с себя одежду.

Заботливые торопливые руки товарищей натянули на Горовица гимназическую тужурку и шинель. На Бабушкина также быстро надели помятый чиновничий сюртук и форменную фуражку с кокардой.

— Пошли! — скомандовал все тот же знакомый голос.

Не говоря ни слова, безлюдными проулками, огородами беглецы и их друзья стали быстро уходить.

Вскоре вся четверка была уже далеко от тюрьмы, на Нагорной улице.

Идущий впереди остановился.

— Ну, — сказал он. — Прощайтесь. Быстро.

Бабушкин понял: его поведут в одно убежище, Исаю — в другое.

— Ну, — торопил провожатый.

В темноте Бабушкин не видел лица Исаи.

Бабушкин притянул его к себе:

— Ну, счастливо!

Исай ничего не сказал. Лишь неловко ткнулся головой ему в плечо.

КОЛЯ-ПАРИКМАХЕР

Бабушкина отвели на квартиру к рабочему Бушуеву. Три дня Бабушкин не выходил на улицу.

Бушуев рассказывал: в городе тревожно. Ротмистр Кременецкий, взбешенный дерзким побегом, «закрыл»

Бушуев открыл дверь. Вошел бойкий, белобрысый парень с чемоданчиком, от которого пахло сразу и мылом, и духами, и чем-то ядовито-кислым.

— Ты никогда не пробовал превращаться в старуш-

город. На всех дорогах, на всех вокзалах дежурили шпики.

Однако и оставаться дольше в Екатеринославе было опасно. Городской комитет решил: Бабушкину надо уехать.

Через три дня в квартиру Бушуева постучали. Бабушкин прислушался. Четыре слабых удара, пауза, два сильных. Свои!

ку или, скажем, в девицу? — с улыбкой обратился к Бабушкину Бушуев. — Готовься... Наш Коля мастак на такие штуки!

Коля оказался «партийным парикмахером». Он работал токарем на заводе и участвовал во всех любительских спектаклях, гримируя актеров.

— Я вас так раздракою, — заявил он Бабушкину, — сами себя не узнаете!

На столе появилась банка с клеем, щеточки, склянки, маленькое круглое зеркальце.

— Уж не деготь ли? — спросил Бабушкин, скосив глаза на большой флакон.

Токарь засмеялся:

— Покрепче дегтя! — и повернул флакон, чтобы Бабушкин видел яркую наклейку.

На ней было написано «Негр Джимми — краска для волос» и изображен веселый белоzubый негр в красной рубашке и с черными, как вакса, волосами.

Парикмахер усадил Бабушкина и ловко, одним движением, подвязал ему салфетку. Потом вылил немного густой жидкости из флакона в блюдце, понюхал, добавил нашатыря, размешал.

Вся комната наполнилась острым, ядовитым запахом.

Токарь-парикмахер взял палочку, обмотал конец ее ватой, обмакнул в блюдце и стал смазывать русые волосы Бабушкина.

Волосы слиплись и поднялись щетиной, как колючки у ежа.

— Ничего! Пусть голова подсохнет, а мы пока бороду приклепаем.

Он вытащил из чемодана черную бородку клиншиком и стал приклеивать ее Бабушкину.

— Не отвалится? — с сомнением спросил Иван Васильевич.

— Что вы?! — обиделся токарь. — Такого клея во всем свете не сыщешь. Собственного изготовления. Подвесь вас за бороду — не оборвется!

Он отошел на шаг и оглядел свою работу.

— Симпатичная бородка! А усы давно носите?

— Давно.

— Тогда мы их — того...

Взял бритву и несколькими уверенными движениями уничтожил усы.

У парикмахера оказался припасенным и новенький студенческий костюм.

Бабушкин переоделся, подошел к дешевенькому зеркалу, висящему на стене, и рассмеялся. Из зеркала на него смотрел незнакомый франтовый студент.

НА ДАЧУ

Поздним вечером к квартире Бушуева подкатила роскошная пролетка. Важный, как министр, кучер в черном цилиндре и белых перчатках резко осадил лошадей.

В пролетке полулежал, удобно развалился на мягком сиденье, медноволосый красавец-студент.

Едва пролетка остановилась под окном, Бабушкин встал, одернул студенческую тужурку и прислушался.

Красавец-студент в пролетке затынул пьяным голосом игривые французские куплеты.

«Все точно». — Бабушкин взял фуражку и вышел на улицу.

Ехали по ярко освещенным центральным улицам Екатеринослава. Городовые провожали их почтительными взглядами. Еще бы! Два богатых студента гуляют. Вон один из них — известный всему городу сынок Рябинына, свечного фабриканта. И второй, видимо, из той же компании. Вишь как обнялись друзья-приятели!

Бабушкина заранее предупредили: сын фабриканта Рябинына не революционер, но «сочувствует». Намерен даже порвать со своим отцом. Он поможет Ивану Васильевичу бежать.

В пролетке настоящий и фальшивый студенты познакомились.

— Мы едем на дачу, к моей маман, — сказал Игорь Рябинин. Учтите: вы — мой товарищ по Киевскому Университету. Приехали в Екатеринослав на вакации.¹

На дачу прибыли благополучно. Хозяйка — немолодая, но еще красивая дама, одетая в длинное шерстяное платье, со сверкающими кольцами на руках — пригласила сына и гостя к столу. Бабушкин старался молчать. Кто его знает — как надо себя держать с такой великолепной дамой. Но дама решила, что долг хозяйки — занимать гостя.

— Вы какого факультета? — улыбаясь, спросила она, передавая ему тарелку.

«Началось! — хмуро подумал Бабушкин. — Теперь выпутывайся. На какой бы факультет себя зачислить?»

— Я... это... на юридическом, — ответил Иван Васильевич и, расхрабравшись, добавил:

— Кодексы, законы, параграфы — сплошное крючкотворство!

И принялся за еду. Но хозяйка не унималась.

¹ Вакации — каникулы.

— Почему же крючкотворство?! — воскликнула она. — Отличный факультет! И приехали вы к нам очень кстати. Уже два года — целых два года! — у меня тянется тяжба с соседом-помещиком. Представьте себе, этот выскочка хочет оттягать мой Черный лес! Каково?! Завтра я покажу вам документы — и купчую, и все прочее. Надеюсь, вы не откажетесь дать мне совет?..

— Охотно сделаю все, что в моих силах, — хладнокровно ответил Бабушкин.

«Гостеприимный дом, — подумал он. — Бежать отсюда. И побыстрее».

— Извините... Страшно разболелась голова, — не найдя другого выхода, сказал он, сжав ладонями виски, и отодвинул свою чашку с чаем.

Голова у него действительно зудела, будто Бабушкин лежал на муравейнике.

«Чертова краска», — думал Иван Васильевич, еле сдерживая желание почесаться. Украдкой провел рукой по волосам. Вот так раз! На ладони черный след!

«Линяю, как кошка! Поскорей бы кончился этот проклятый ужин!»

К счастью, хозяйка, услышав, что у гостя болит голова, тоже отодвинула чашку. Все встали из-за стола. Хозяйка ушла, сказав, что гостю уже приготовлена комната, и она пришлет ему чудесные порошки от мигрени.

Бабушкин, сопровождаемый студентом, с радостью удалился.

— Ну, как моя маман? — спросил Игорь.

— Очень! Очень милая! — усмехнулся Бабушкин. — Ну, вот что. На рассвете я уйду с дачи. А как иначе? — сказал он, заметив удивление студента. — Завтра ваша маман опять заговорит со мной о тяжбе. А все-таки простому слесарю трудно, знаете так, с ходу, стать юристом...

— Но маман же завтра изумится — куда вы делесь?

— Соврите что-нибудь. Мол, Николай Николаевич просил извинить. Его срочно, телеграммой, вызвали в Киев.

Бабушкин лег, проспал часа четыре, потом встал, бесшумно оделся. За окном еле брезжила предрастветная муть. Взяв сапоги в руки, чтобы ни одна половница не скрипнула, он осторожно выбрался из спящего дома.

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Бабушкин долго шел лесом, стараясь не терять из виду проселочную дорогу, которая петляла сбоку, то приближаясь, то удаляясь.

Потом остановил проезжавшего мимо крестьянина, забрался на воз с сеном, зарылся в него поглубже. «Утром буду в Павлограде», — подумал.

Были железнодорожные станции и поближе, но городской комитет посоветовал Бабушкину не показываться на них.

Лежа на возу с сеном, Бабушкин снова и снова обдумывал свой план.

«Прoberусь за границу к Ленину. Да, обязательно к Ленину!»

Бабушкин так давно не видел Владимира Ильича... Где он теперь! А Надежда Константиновна — с ним? Или нет? Как всегда, вспомнив свою учительницу, Бабушкин улыбнулся и глаза его потеплели.

«Но как разыскать Ленина?»

Его заграничного адреса у Бабушкина не было. И в городском комитете не смогли помочь.

«Да, — горько думал Бабушкин. — Вроде бы и есть партия. А вроде бы и нет. Кустарщина. Даже адреса Ленина не добыли. И денег — гроши. И с паспортом ерунда получилась».

Екатеринославские друзья предложили Бабушкину лишь «печать» — это был распиленный надвое медный пятак, на котором кислотой вытравили цепочку слов и российский герб. Но зачем печать, когда самого-то паспортного бланка не достали?!

Воз с сеном плыл по мягкому проселку плавно, как лодка по реке.

«Сперва — проберусь в Киев, а оттуда — в Германию, в Штутгарт», — решил Бабушкин.

У него раньше хранилась вырезка из «Искры», ленинской «Искры».

В газете часто печаталось сообщение:

«По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца, в Штутгарте».

«У Дитца я узнаю адрес Ленина. И направлюсь прямо к нему!»

Воз тащился медленно. Бабушкин, зарывшись в сено, вдыхал знакомый, пряный запах. Когда-то, в детстве, он любил лежать вот так, на сене. И теперь этот родной запах напоминал, как давно не был он в деревне, напоминал избу в Леденгском, и луга, и далекую пастьущью жизнь.

Ненароком Иван Васильевич дотронулся до своей треугольной бородки. Вот те раз! Слева бородка отклеилась. Она еще держалась, но нельзя же приехать в город с полуотвалившейся бородкой. Подумал, подумал и совсем оторвал бородку. Незаметно выкинул ее в канаву.

Не доехав версту до Павлограда, Бабушкин соскочил с воза, растолкал задремавшего мужика, сунул ему монету и быстро свернул на боковую тропинку.

А мужичонка еще долго стоял на дороге, обалдело глядя вслед Бабушкину.

В Павлограде Иван Васильевич не пошел на вокзал. Он медленно брел по рельсам, исподлобья быстро оглядывая товарные составы. У чумазого смазчика узнал, что эшелон с углем идет на Киев. К хвосту поезда в этот момент прицепляли крытые товарные вагоны. Бабушкин откатил тяжелую, на роликах, дверь и украдкой влез в один из них.

...В Киеве Бабушкин поколесил по городу, то пешком, то на извозчике, и, лишь убедившись, что за ним нет слежки, направился на «явку».

Явочной квартирой служила маленькая аптека на окраине, с двумя цветными стеклянными шарами у входа. Густо усыпанный веснушками низенький аптекарь, как говорят подпольщики, «держал границу» — по заданию партии уже много лет подряд переправлял людей в Германию.

— Так вы и есть товарищ Богдан? — засуетился аптекарь, когда Бабушкин назвал ему пароль. — О, весьма, весьма счастлив с вами познакомиться! Меня уже предупредили насчет вас. Великолепный побег, просто великолепный.

Аптекарь восторженно сверкал глазами и размахивал руками, как глухонемой.

— Давайте явку, — сухо вато перебил Иван Васильевич, которому не понравилась его излишняя болтливость.

Аптекарь сразу стал серьезным. Он рассказал товарищу Богдану, как лучше всего добраться до нужного пограничного селения и как там найти Яна Драховского.

— Это честный контрабандист. Можете не сомневаться. Но скуп! — аптекарь воздел руки к потолку. — Как сто тысяч скряг! Вы ему больше десяти рублей ни в коем случае не давайте!

Аптекарь оставил Бабушкина одного, ушел куда-то вглубь аптеки. Вскоре вернулся, неся на ладони золотую монету.

— Это вам, — улыбнулся он. — От киевских друзей. Не помешает, а?

Еще бы! У Бабушкина было всего два рубля и горсточка мелочи. Лежа на соломе в товарном вагоне, он всю дорогу до Киева мучительно ломал себе голову: где бы раздобыть еще денег? И вот — как в сказке!..

Бабушкин сунул золотую десятирублевку в карман, но аптекарь замахал руками:

— Нет, нет!

Забрал монету. Потом оторвал у Бабушкина со студенческой тужурки пуговицу, ловко отянул монету синей материей и пришел Бабушкину к тужурке.

— Хитро! — сказал Бабушкин. — А зачем?

— О, вы не знаете, сколько жулья вокруг! — засуетился аптекарь. — Вам придется ночевать в кабаках и на постоялых дворах, и бог знает где. Вам мигом очистят карманы. А так — целее...

Вскоре Иван Васильевич был уже в пограничном селении. Он легко нашел шинок Драховского.

Шинкарь — длинный, сутулый, с маленьким, с кулак величиной, лицом и большим носом — узнав, что незнакомцу надо переправиться через границу, сразу заявил, что это невероятно трудно и запросил пятьдесят рублей.

Бабушкин предложил «красненькую» и ни копейки больше.

Торговались долго. Шинкарь подробно объяснил, как он рискует, переправляя людей в Германию, сколько взятки должен давать...

— Красненькая, — твердил Бабушкин.

Шинкарь говорил, что у него девять детей, и всех надо накормить, одеть, обусть...

— Красненькая, — повторял Бабушкин.

Он держался твердо: все равно, кроме золотой десятирублевки, денег у него не было.

Наконец шинкарь убедился, что с Бабушкина больше не возьмешь. Он скис и, что-то недоброльно бормоча по-польски, согласился.

Бабушкин вышел во двор, украдкой оторвал пуговицу с тужурки, и, вернувшись в кабак, передал шинкарю золотую монету.

Ночью, под проливным дождем, Бабушкин и шин-

карь углубились в лес. Капли барабанили по листве, ветер, глухо гудя, раскачивал стволы. Ноги то и дело глубоко проваливались в топкое месиво.

В крошечной темноте Бабушкин ничего не различал и шагал, выставив руки вперед. Ему казалось — сейчас он с разгона налетит на дерево.

К счастью, контрабандист, как сова, хорошо видел во мраке. Шли долго. Шинкарь впереди. Бабушкин — в двух шагах за ним. Вымокли до нитки.

Начало светать. Вскоре лес поредел. Впереди торчал столб. На нем распластался черный двуглавый орел с огромными раскинутыми крыльями: российский герб.

Вдруг сзади, сквозь шум дождя, послышался цокот копыт. Похоже было — скачут два всадника.

Шинкарь прислушался.

— Сюда ехают, — побледнев, шепнул он Бабушкину. — О, матка боска! Пусть пан побегит! Быстрее!

ХОЗЯИН КНИЖНОГО МАГАЗИНА

Иван Васильевич обходными путями, минуя станционные постройки, вышел на привокзальную площадь. Вот он какой, Штутгарт! Трижды менял поездка Бабушкин после границы, прежде чем добрался до него. И все-таки Штутгарт. Настроение у Бабушкина было самое радужное: итак, первая часть побега осуществлена! Скоро, очень скоро он увидит Ленина!

Бабушкин шел по веселым, празднично пестрым улицам. Снял фуражку, подставив голову солнцу, он улыбался: все отлично!

И вдруг, проходя мимо парикмахерской, он бросил случайный взгляд на зеркало в витрине и чуть не обомлел. В его черных, как деготь, волосах, появились зеленые пряди! Да, да, не какие-нибудь каштановые, или рыжие, или русые. Именно зеленые!

Бабушкин остановился. Подождал, пока схлынут прохожие. Снова внимательно оглядел себя в зеркале.

Черт побери! Ядовито-зеленые пряди были спереди, на самом виду. Действуя пятерней, как расческой, Бабушкин попытался по-другому уложить волосы. Получилось еще хуже: у зеленых прядей обнаружился грязно-малиновые подтеки.

«Негр Джимми, — хмуро вспомнил Бабушкин. — Вот тебе и патентованная красочка! С такими волосами не то что щуцман — любой мальчишка заподозрит неладное».

Единственное, что он смог придумать — нахлобчить поглубже студенческую фуражку, давно уже потерявшую свой щегольский вид, и решил нигде не снимать ее.

Зайти в парикмахерскую и остричь волосы Бабушкин не мог: его, конечно, задержали бы.

Правда, Германия не выдавала русскому царю политических беженцев и даже предоставляла им приют, но у Бабушкина не было паспорта. Как тут докажешь, что ты не вор, не убийца, не бродяга?

Бабушкин шел по улицам и у прохожих спрашивал: — Дитц? Где Дитц?

Оказалось, найти его нетрудно. Дитц держал большой книжный магазин в центре города.

Бабушкин постоял перед огромным зеркальным стеклом витрины, за которым были красиво разложены книги, посмотрел на внушительную вывеску.

«Туда ли я попал? Ведь Дитц — революционер? И кажется, из рабочих. А тут...»

Из магазина вышла изящно одетая седая дама, вслед за ней — высокий, нарядный господин с тросточкой.

Бабушкин побежал. Мелькнул другой столб. На нем тоже чернел хищный орел, но не двуглавый, а с одной головой.

«Германский. Неужели это и есть граница?!»

Пробежав «с полкилометра, Бабушкин задыхаясь упал на траву.

Потом пробрался к видневшимся вдали домишкам. Это была станция. Названия ее он не знал.

Дождь кончился. Иван Васильевич лег в лесу на поляне возле железнодорожного полотна. От его мокрой студенческой формы шел пар: одежда быстро сохла на солнце.

Показался поезд. Бабушкин притаился в кустах, пропустил первые вагоны и на ходу вскочил на товарную платформу в середине состава.

Его сильно трянуло, ударило коленями о какую-то скобу, но он не разжал рук.

Бабушкин провел ладонью по щеке, под рукой — густая, колючая щетина — с самого Екатеринослава не брился. Посмотрел на свой потрепанный, грязный студенческий костюм, сапоги, измазанные глиной, и покачал головой.

Но делать нечего. Бабушкин решительно толкнул дверь и вошел в сверкающий книжный магазин.

— Господин Дитц? — спросил он у продавца.

Тот изумленно оглядел оборванца и молча показал на прилавок, где виднелась обитая кожей дверь.

Дитц — усатый, обрюзглый старик с полным умным лицом и сигарой в углу рта, одетый в добротный черный костюм, — увидев странного посетителя, так растерялся, что даже не предложил ему сесть.

К счастью, Дитц немного говорил по-русски: когда-то был в Петербурге. Но Бабушкин этого не знал.

Бабушкин видел: старик глядел на него подозрительно, чуть не враждебно. «Как же я объяснюсь с ним?» — волнуясь подумал он.

— Мне нужен Ленин. Ленин, Владимир Ильич, — наконец сказал Бабушкин.

— Никакого Ленина я не знаком, — с трудом выговаривая русские слова, сердито пробормотал осторожный немец.

«Кто этот оборванец? Шпик? Или какой-нибудь прохвост? — подумал он. — Почему он не знает пароля?»

— Мне нужен Ленин, — упрямо повторил Бабушкин.

Не мог же он, вот так, без результата, уйти от Дитца?! Как он тогда разыщет Ленина? Здесь, в чужой стране, не зная языка, без денег, без документов.

«Нет, не уйду».

И он твердо повторил: «Ленин...»

Дитц молчал. Исподлобья оглядел он усталое, побледневшее от напряжения лицо незнакомца, его потрепанную студенческую тужурку...

Нет, на шпика не похож. Да и не станет шпик так, с плеча, рубить: «Мне нужен Ленин». Но все же... Осторожность и еще раз осторожность...

— Ви разыскивайт мистера Якоба Рихтера. Нах Лондон. Холфорт Сквер, около станции Кинг Кросс Род, — сказал Дитц.

Встал и сухо кивнул головой.

Огорченный Бабушкин вышел из магазина, непрерывно бормоча про себя: Рихтер, Холфорт Сквер, Кинг Кросс Род (он пуце всего теперь боялся забыть эти мудреные слова).

„ВИ ЕСТЬ БЕЗ ПАСПОРТ“...

Рядом находился сквер: цветочные клумбы, две шеренги аккуратно подстриженных, выравнявшихся, словно солдаты на параде, деревьев.

Бабушкин сел на скамейку.

«Что предпринять? — устало подумал он. — Как добраться до Лондона?»

Иван Васильевич сидел долго, глубоко задумавшись. Рукою он изредка, по привычке, поправлял фуражку, чтобы из-под нее не вылезали пряди зелено-малиновых волос.

Под вечер на скамейку, рядом с Бабушкиным, опустился здоровенный, широкоплечий, похожий на боксера, мужчина с расплюснутым носом и прыщавым лицом. На нем был пиджак в крупную клетку, щеголеватый котелок, в руке — тросточка и портфель.

«Боксер» сидел, пристально поглядывая на Ивана Васильевича, чертил тросточкой узоры на песке и сквозь зубы небрежно насвистывал веселенький мотивчик.

«Шпик», — подумал Бабушкин.

Чтобы проверить свои подозрения, Иван Васильевич встал и неторопливо направился к урне, стоявшей метрах в пятнадцати. Кинул в урну какую-то ненужную бумажку, завалившуюся в кармане и, не вернувшись на прежнее место, сел тут же, на ближайшую скамейку.

Незнакомец ухмыляясь встал, тоже подошел к урне, смачно плюнул в нее и сел рядом с Бабушкиным. В упор спросил:

— Ви рус?

«Так и есть, попался!» — подумал Бабушкин.

— О не тревожьтесь! Я вам не хочу плохо... Я ваш фройнд... Как это по-русски? Заклятый друг, — торопливо сказал «боксер».

Говорил он бойко, с сильным акцентом и употреблял странную смесь русских, польских и немецких слов. Но в общем, его нетрудно было понять.

Бабушкин молчал.

— Я аллес знаю, я аллес вижу, — продолжал «боксер». — Ви без хаус-дома, без грошей, без один хороший костюм. Ви есть усталый и голодный человек.

«Куда он гнет?» — настороженно думал Бабушкин.

— Я очень люблю помогайт рус-меншен. Я думайт — ви не протиф иметь свой хаус-домик, свой один садик, свой доллар уф банк?

Бабушкин молчал.

— В сквер — хороший цветки, но плохой разговор, — заявил «боксер» и вдруг хлопнул Ивана Васильевича по плечу:

— Пошель в кабачок! Пьем пиво. Я угощай...

— Благодарю, — ответил Бабушкин. — Но не могу.

Тороплюсь на работу...

— Те-те-те... — подмигнув, хитро засмеялся «боксер», помахивая пальцем перед носом Бабушкина. — На работу без паспорт не берут...

Иван Васильевич вздрогнул: «Ловкий прохвост!»

Но ответил спокойно, не торопясь.

— Почему это «без паспорта»?

— Те-те-те... Меня на мякише не обманешь. Я знай — ви есть без паспорт... Хочешь богатеть? — вдруг перейдя на «ты», дружески зашептал он и снова положил руку на плечо Бабушкину. — Вот, — он вытащил из портфеля какую-то бумагу. — Читай. Едем нах Аргентина!

— В Америку? Зачем? — удивился Бабушкин, быстро просматривая бумагу.

Это был бланк контракта, отпечатанный на трех языках: немецком, польском и русском. Подписавший его давал обязательство отработать три года на сахарных плантациях в Аргентине.

«Отказаться? — быстро соображал Бабушкин. — Нет, этот прыщавый вербовщик кликнет щуцмана. Чует, собака, что я без паспорта».

— В Аргентину? Отлично! — оживившись, заявил Бабушкин. — Вся жизнь мечтал: ковбои, прерии, индейцы...

Вербовщик не заметил насмешки.

— Вот здесь подпишай, — сказал он. — И не попробуй спрятаться. Наша компания — как это по-русски говорят? — под землей найдет!..

«Какую бы фамилию поставить? — думал Бабушкин, — вертя в руке карандаш. — Герасимов? Сидоров? Петров?»

Усталый, голодный, он усмехнулся и, разозлясь, козяво, неразборчиво подписал:

«Ловиветравполе».

— Какой длинный имя! — присматриваясь к размашистым каракулям Бабушкина, удивился вербовщик.

— Нормальная украинская фамилия, — ответил Бабушкин.

Прыщавый здоровяк, уложив контракт в портфель, сразу оставил свой прежний дружеский тон. Теперь он не говорил — приказывал.

Он отвел Бабушкина в какой-то полуподвал. Там уже находилось человек двенадцать. У всех у них было что-то общее: все походили на бродяг.

«Компания что надо!» — усмехнулся Бабушкин.

— Ти есть голодный? — спросил «боксер» у Бабушкина и ткнул рукой в угол: там, прямо на полу, стояли консервные банки. Бабушкин вскрыл одну из них. Не очень-то вкусная еда, особенно когда сало застыло. Но Бабушкину было не до выбора. Он пристроился поудобнее и опустошил всю двухфунтовую банку.

Утром, шагая на вокзал, Бабушкин слушал, о чем толкуют завербованные. В общем, ехали охотно. Здесь, в Германии, судьба их не баловала. А в Америке, по слухам, жизнь богатая. Вербовщик обещает каждому работу, а со временем — и свой домок в рассрочку.

— Хуже не будет, — подытожил один из бродяг.

В поезде их поместили всех вместе, в один вагон. Бабушкин подметил: вербовщик и его помощник устроились так, чтобы видеть всю свою «команду».

Поезд шел на северо-запад. Это было на руку Бабушкину. Пускай вербовщик везет его ближе к Лондону.

«А приятно все-таки ездить с билетом! — подумал Бабушкин. — И не в товарном...»

Но вот поезд стал приближаться к Франкфурту.

«Нет, больше мне с вами, мистеры, не по пути», — подумал Бабушкин.

Он встал, вышел в тамбур. Вагон сильно качало. Значит, скорость большая.

Бабушкин вернулся на свое место. Выждал, когда поезд пошел в гору.

Снова вышел в тамбур. Поезд на подъеме замедлил ход.

Бабушкин рванул дверь. В лицо ему ударил ветер.

«Ну, мистеры, кланяйтесь президенту!» — он спустился на нижнюю ступеньку и прыгнул...

МИСТЕР РИХТЕР

Маленький пароходик, пытя и отдуваясь, шел через Ла-Манш.

Бабушкин закрыл глаза, засунул руки глубоко в карманы тужурки, и так, стоя, привалившись к зачехленной шляпке, дремал. Ему казалось: то он колесит в пустом товарном вагоне по Германии, то в эшелоне, набитом мешками сахара, переезжает во Францию, то трясется, забравшись на крышу вагона, к берегу моря.

Неужели самое трудное уже позади?!

А ночевки?! Где он только не спал?! И на скамейках, и в стогах сена, и в сараях. Однажды даже на кладбище ночевал.

«Капиталы» его быстро иссякли. А есть-то надо?! Он пристраивался в очередь безработных у благотворительной столовой: все же бесплатная тарелка супа и ломоть хлеба. В одном городке нанялся грузить дрова на баржу. В другом месте копал картошку.

...Пароходик дал низкий протяжный гудок. Долго перекачивался он над морем, прижатый туманом к самой воде.

Разлепив усталые веки, Бабушкин спустился в обшарпанный салон, сел в углу и заснул...

...Вскоре он был уже в Лондоне.

«Наконец-то!» Бабушкин медленно брел по оживленным улицам.

Теперь осталась последняя, но нелегкая задача:

найти мистера Якоба Рихтера, а потом через него — Ленина.

Иван Васильевич шагал, разглядывая огромные магазины, рестораны, поток людей.

Свернув влево с шумного проспекта, он неожиданно попал в аристократический квартал. Тянулись тихие, заботливо убранные скверы. В глубине их — нарядные особняки, увитые зеленью, с огромными зеркальными окнами и внушительными швейцарами. Бесшумно катятся сверкающие кэбы.

Бабушкин пересек несколько улиц — картина вдруг резко изменилась. Узкие, грязные переулки с развешенным над мостовой бельем, рахитичные бледные малыши на задворках.

«И здесь, как в России, — подумал Бабушкин — Два Лондона, так же, как два Питера и два Екатеринослава».

— Кинг Кросс Род, Холфорт Сквер?.. — спрашивал он у прохожих.

Те что-то подробно объясняли, но Бабушкин следил только за их жестами: по-английски он все равно ничего не понимал.

На одной из улиц громадный «бобби» в каске толкал перед собой хилого мальчишку, вероятно, уличного вора. Целая толпа шла сзади, гикала, свистела.

«Знакомая картина», — подумал Бабушкин.

Он свернул направо и очутился на Холфорт Сквер, возле станции Кинг Кросс Род. Сердце стучало

неровно, толчками. В горле вдруг запершило. Переждав минутку, чтобы успокоиться, он подошел наугад к одному из трех домов, выходящих на площадь, и постучал молотком в дверь.

— Мистера Якоба Рихтера, — взволнованно сказал он открывшей женщине и подумал:

«Наверно, нет такого...»

— Плиз, кам ин, — вдруг приветливо ответила та, удивленно глядя на странного посетителя и жестом приглашая его войти.

Бабушкин вошел. Его провели в маленькую прихожую.

— Мистер Рихтер! — воскликнула хозяйка.

Сверху из комнаты, выходящей на площадку лестницы, отозвался мужчина.

Он что-то сказал по-английски. Что — Бабушкин не понял, но голос показался ему странно знакомым.

«Чушь! — отмахнулся он. — Знакомый? У меня? В Лондоне?»

Видимо, мужчина сказал что-то веселое — женщина засмеялась. А невидимый мужчина еще что-то произнес.

И опять Бабушкину показалось, что голос этого мистера удивительно знаком ему.

«Бред! — нахмурился он. — Этого еще не хватало!»

Дверь из комнаты отворилась. На площадку вышел невысокий, подвижный человек.

— Ко мне? Кто бы это? — чуть-чуть картавя, спросил он по-английски.

Бабушкин слова не мог вымолвить от неожиданности. Мистер Рихтер — это и был Ленин.

ЛОНДОНСКИЕ НОЧИ ХОЛОДНЫЕ

Бабушкин проговорил с «мистером Рихтером» с восьми вечера до глубокой ночи. Еще бы! Ведь уже почти три года не виделись.

Ильич прямо-таки засыпал Ивана Васильевича вопросами. Ленина интересовало все, решительно все! Иван Васильевич едва успевал ответить на один вопрос, а Ленин тут же нетерпеливо задавал следующий.

Беседуя, Ильич вставал, делал несколько быстрых шагов по комнате, заложив большие пальцы обеих рук в проймы черного суконного жилета. Бабушкин улыбался: эта привычка была так знакома ему!

Крупская сидела тут же, в столовой, на диване. Кутаясь в плед — была уже осень и лондонские улицы застилал промозглый туман — с удивлением и радостью слушала она Бабушкина.

Подумать только! Неужели это тот самый простой рабочий парень, который всего-то лет восемь назад пришел к ней в вечернюю воскресную школу и заявил, что образования у него «четыре класса на двоих с братом»? Тот парень, который однажды на уроке глубоко задумался, глядя в окно, а потом с искренним недоверием спросил: «Так неужто ж вот эта крохотная звездочка поболее земли?»

А теперь перед Крупской сидел опытный революционер-подпольщик. Ясно и убежденно рассказывал он Ленину о последних стачках в России, о жандармском полковнике Зубатове, хитром и умном, который организовал свой фальшивый «Рабочий Союз» и обманом завлекает туда пролетариев.

Поглядев на его волосы, Надежда Константиновна

улыбнулась. Они лоснились и сверкали под лампой.

«Будто в классе, когда он, придя первый раз, смазал их репейным маслом».

Но Крупская знала: на самом деле волосы у Бабушкина сейчас блестят просто потому, что они еще не успели просохнуть. Четыре раза меняла в тазу горячую воду Надежда Константиновна, пока черные с зелеными прядями и малиновыми подтеками волосы не обрели свой обычный русский цвет.

В час ночи Надежда Константиновна решительно поднялась.

— Все! Пора спать!

Она постелила в столовой на диване простыню, принесла подушку, а вместо одеяла положила свой плед. «Хоть и шерстяной, но тонкий», — покачала она головой.

Однако лишнего одеяла не было.

Бабушкин лег и сразу как в омут провалился. Немудрено! Так давно уже не спал в постели, мягкой и чистой. Всё на полу, на скамейках, скрючившись прямо в одежде.

Вскоре дверь в столовую бесшумно отворилась. Тихо ступая, вошел Ленин. В руках у него было пальто. Осторожно накрыл им Бабушкина поверх пледа.

Иван Васильевич, хоть и крепко спал, но по выработанной годами привычке подпольщика сразу разлепил веки. Хотел что-то сказать.

— Не возражайте, не возражайте! — воскликнул Ленин, заметив его протестующий жест. — Лондонские ночи холодные...

И подоткнув пальто, вышел из комнаты.

НА КАРНАВАЛЕ

РАССКАЗ

Л. Крайнов

Рисунки Т. Канустиной

Директор был очень строг. Когда ученики еще издали слышали характерное постукивание легких сандалий, шум в классе прекращался, и все не мигая смотрели на учителя.

Сегодня была суббота. Почему-то именно в этот день директор любил приходить на последний урок в класс, где учился маленький Ломе. Директор садился на табурет рядом с учителем и сидел молча. А когда кончался урок, он подзывал к себе Секу, товарища Ломе, гладил его по голове и расспрашивал об отце, о матери, интересовался успехами Секу.

— Тебя директор любит, — говорил Ломе Секу. — А за что — не пойму. Учимся мы оба хорошо, а меня директор не любит.

— Ты ошибаешься, — отвечал Секу. — Директор всем желает добра, он хороший человек. А что улыбается он редко и выглядит суровым, так это оттого, что много страдал при колонизаторах.

— А почему же он никогда не расскажет, как боролся за независимость Гвинеи?

И вот сегодня, в субботу, когда урок подошел к концу и учитель обратился к классу со своим обычным: «есть ли у кого вопросы к господину директору», Ломе поднял руку. Все ребята удивленно посмотрели на него, а Ломе встал и сказал: «Мне бы очень хотелось, чтобы господин директор рассказал о своих подвигах».

Теперь удивился директор:

— О каких подвигах ты говоришь, мальчик? Я что-то плохо тебя понимаю.

— Простите, господин директор, — отвечал Ломе. — Мне, да и всем ребятам хотелось бы услышать, как вы боролись за освобождение нашей страны.

— Ах, вот оно что. Ну, это история длинная. Да и признаться, я не знаю, с чего ее начинать. Впрочем, я могу вам рассказать об одном мальчике, который спас мне жизнь.

Ребята заерзали, усаживаясь поудобнее, а гордый Ломе обвел всех торжествующим взглядом.

— Случилось это в наших краях, на празднике племени Кватчи. Вы ведь знаете, что бывает во время праздничного карнавала. Хижины пустуют, и стар и мал — все на празднике. На главной улице селения шумная,

буйно веселящаяся толпа. Два человеческих потока стремительно текут навстречу друг другу под ритмичный грохот тамтама, маленьких барабанов и разных ударных инструментов. Тут всё пускают в ход — и гли-

няные горшки с отверстием, затянутым кожей, бубенчики для скота, деревянные бруски.

И без того черные лица мажут дегтем или сажей или наоборот белят известью, а глаза обводят кроваво-красной краской. Всюду мелькают маски с красными хоботами, львиными гривами, с длинными носами, похожими на птичий клюв.

Так было и на этот раз, когда мне пришлось совершенно неожиданно, невольно стать участником карнавального шествия. А ведь тогда мне было совсем не до праздника. Грязный, оборванный и израненный, я скрывался от французских жандармов. Через леса пробирался я в Конакри. В редких селениях, встречающихся по пути, люди прятали меня, кормили, перевязывали раны.

Но едва я переправился через полноводную реку, жандармы напали на мой след. Уже слышны были крики погони и лай собак, когда до меня донеслись и другие звуки — праздничный шум карнавала. И вот явилась спасительная мысль — затеряться в пестром карнавальном шествии. Здесь-то уж среди сотен людей и жандармы и собаки потеряют след. Но где взять костюм, маску?

И вдруг на опушке леса, у самого селения, я увидел мальчика. Он отпиливал от бревна бруски. Мальчик тоже заметил меня и сначала испугался. Я молча показал ему туда, откуда доносился собачий лай, и сказал коротко: «Выручай, брат». Тогда мальчик тоже молча и деловито ударил в последний раз топориком по брускам, подал их мне, затем отошел в сторону и достал из густой травы сверток. В свертке оказались яркие цветные ленты, маска — голова льва и коробочка с сажей. Через две минуты все жандармы Французии уже не в состоянии были бы признать во мне политического преступника.

«Смешайся с толпой, — сказал мне мальчик, — а когда солнце уйдет за эти вершины, остановись у последней хижины».

Полдня я неистово стучал брусками, кривлялся, танцевал. Несколько раз я проходил мимо озабоченных, хмурых жандармов. Узнать меня было невозможно. Ноги подкашивались от усталости и голода. Иногда казалось: силы сейчас оставят меня и я упаду. А солнце так медленно катилось по громадному небосклону. Но вот огненный шар провалился за мрачную, плотную стену тропического леса. И сразу стало темно, но только на несколько минут. Вспыхнули сотни факелов и снова стало светло, как днем.

У хижины я увидел две фигуры — большую и маленькую. В маленькой я узнал своего спасителя. Второй человек оказался его отцом.

«Мальчик проводит вас в соседнее селение. Там вы переночуете у хороших, надежных людей».

Я пожал руку незнакомому другу и мы с мальчиком тронулись в путь. Скоро мы были в соседнем селении.

Так я ускользнул от жандармов и через несколько дней добрался до Конакри. В городе меня укрыли верные люди, и я продолжал работать тайно. И так до провозглашения независимости.

Вот и все, что я хотел вам рассказать о маленьком патриоте.

Добавлю только: если бы его тогда поймали вместе со мной, нас казнили бы обоих.

— И вы никогда больше не видели этого мальчика? — спросил кто-то из ребят.

— Нет, почему же. Я вижу его каждый день, видите его и вы.

— Кто же он? — закричали ребята.

— Вот он сидит среди вас. Ты не обидишься на меня, Секу, за то, что я раскрываю нашу тайну?

Пораженные ребята смотрели на Секу, а тот сидел, смущенный, и бормотал:

— Ну, что такого особенного я сделал, каждый поступил бы так же.

СЛУШАЯ КАРТУ

Сергей Погореловский

Карта-песня!..

В ней донине

С давних дедовских времен —

Гром Кузнецка,

Мед Медыни

И Звенигорода звон.

В ней трепещут перед нами

Из глухих Руси годин

Лебединами крылами

Лебедянь и Лебедин.

К нам оттуда, из тумана,

Эта песня донесла

Сон задумчивый Кургана,

Взлет стремительный Орла.

В зарубежье — величавый

Струнный рокот братских слов:

Слава братьев — Братислава,

Люблин — Любляна — любовь.

Голос прежних поколений,
Что с земли ушли навек, —

Имена ее селений,

Гордых гор,

Могучих рек.

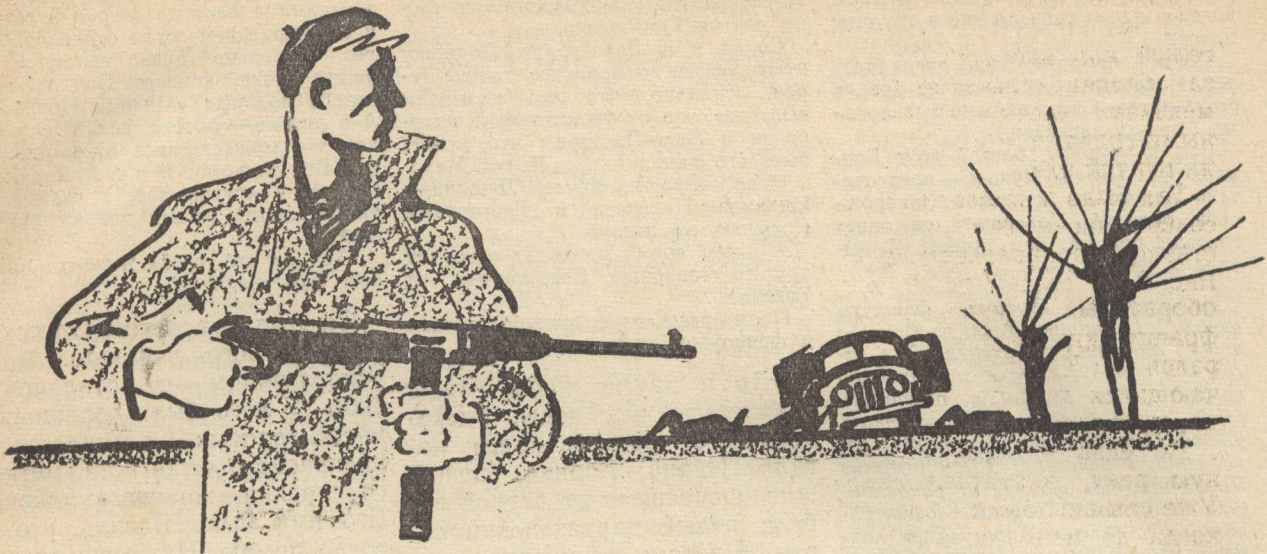
И в семье старинной этой —

Новоселами пока —

Город Мирный,

Город Светлый —

Песни новая строка.

Лейтенант из легенды

С. Гладкий

Рисунки В. Бескаравайного

(главы из повести «О ком не сообщалось в сводках»)

Германия. Первый послевоенный день. Катится по автостраде нескончаемый поток возвращающихся на Родину. Идут освобожденные узники концлагерей, бывшие военнопленные, парни и девушки с самодельными рюкзаками. Над асфальтовой лентой гремят «Марсельеза», «Бандера росса», «Катюша», родная украинская «Галья».

Худощавый седой мужчина с короткой говорит мне:

— Мы тоже воевали. Вот вы артиллерист, товарищ майор, а я знал лейтенанта, пехотинца. Когда он погиб, все люди севера Франции провожали его в последний путь. Наш командир лежал в гробу, накрытый знаменем, под которым мы сражались...

Он ушел дальше, а я так и не спросил его, как фамилия героя, в каком районе Франции он партизанил.

Прошли годы, командование разрешило мне отпуск. Я выехал на Украину, к родным.

С тяжелым сердцем шел я по родному Запорожью. Вот развалины кинотеатра. Сколько раз встречались мы здесь с друзьями! Где они сей-

час? И вдруг... я не поверил своим глазам:

— Толька!

— Сергей!

Сначала мы даже не могли начать разговора, лишь толкали друг друга в плечо и улыбались.

— Что это у тебя за «георгий» на груди? — спросил я.

— Это орден французского Сопротивления, — ответил Анатолий Бондалетов.

И рассказал, как еще в начале войны попал в плен и бежал, и стал подпольщиком, и снова был схвачен фашистами.

Его отправили во Францию, в крепость Дулланс. Должны были расстрелять, но он опять бежал — в маки, к французским партизанам. Позднее организовался отряд, который целиком состоял из бывших советских военнопленных. Сейчас многие из них вернулись на родину — в Татарию живет Мидхат Гайсин, на Украине — Павел Луцкич, Петро Григоренко...

— Вернулись, но не все, — задумчиво сказал Толя. — Расстреляли немцы «Батько», о подвигах которого говорила вся Франция. Его отряд действовал севернее Парижа.

— Как его фамилия?

— Фамилия? Нет, не помню... Помню — был он в звании лейтенанта.

И снова перед глазами шумная автострада и худощавый седой парень. И снова я слышу его рассказ... Два разных человека? А может, речь идет об одном?

Бондалетов мог мне помочь многим — несколько фотографий людей, которые сражались вместе с ним во Франции, с торопливо записанными

Анатолий Бондалетов, — поиски начались с него

ми на обороте, часто неточными адресами — вот все, что было у меня, когда я начал свои долгие и трудные поиски.

Поиски продолжались двенадцать лет. И первые годы почти не давали результатов. Сдержанными были письма бывших партизан.

Вот, к примеру, боевой друг Бондалетова Павел Лущик — председатель одного из колхозов Запорожской области. Наверняка он знает гораздо больше, чем пишет! Я выехал к нему.

Комсомолец Лущика фашисты угнали в Германию. После неудачного побега он попал в Бухенвальд, а затем — в город Кельн, в специальную команду. Его заставили расчищать город после бомбежки, вытаскивать из-под обломков людей и бомбы замедленного действия. Здесь впервые Павел получил задание от руководителя подпольной группы — офицера-летчика по имени Жора: «Если найдешь под обломками гестаповцев или офицеров, приканчивай. Штатских — вытаскивай. Ясно?»

И Павел действовал. Но недолго.

Снова погрузка в эшелон. Крепость Дулланс. Опять побег. К партизанам.

Лущик закончил свой рассказ. И первое, что спросил я после минутного молчания:

— Вы что-нибудь слышали о командире отряда «Батько»?

— Конечно, — ответил Павел Евдокимович. — Он действовал южнее нас, в Аррасе. Это лейтенант Борик. Его похоронили в Энен-Льетаре, чуть раньше моего приезда. Борика обязательно должен знать Миша Новиков, он воевал в этом районе.

Павел Лущик. Снимок сделан во Франции осенью 1944 года.

И Павел Евдокимович показал фотографию, где Новиков стоял со своим другом Григоренко.

Снова я в Ленинграде. Подвожу итоги: известно воинское звание героя, известно, что его называли «Батько», что он торжественно похоронен в Энен-Льетаре и что, может быть, его фамилия была Борик. Мало.

Надо запросить друзей Лущика — Михаила Новикова и Григоренко. Посылаю им письма.

А в это время приходит ответ от другого товарища Бондалетова, от Гайсина.

После рассказа о дружбе русских и французозов вдруг читаю:

«Да и другие наши воины сражались, как львы. Где-то далеко от родных краев погибла Ивана Борика, ценою жизни спасшего от верной гибели целый партизанский отряд. Цветами убирают ее по праздникам юные французенки».

Итак, имя Борика Иван?

Но вот письмо от Григоренко:

«В марте месяце 1943 года начали организовывать группу из преданных хлопцев, которые делали диверсионные работы против немецких оккупантов. Этой группой руководил офицер Советской армии Борик Василь. Он давал приказы пускать вагонетки из поката, чтобы они разбивали проходы в забое, сыпать песок в моторы».

Значит, не Иван Борик, а Василь? Кто из двух ошибся именем, Григоренко или Гайсин?

Один из боевых товарищей Порика, Петр Григоренко.

По материалам моих бесед с партизанами я написал очерки в газету и с нетерпением ждал откликов. Через несколько дней вытащил из ящика тонкий конверт. Под письмом стояла подпись: «Михаил Новиков». А в письме — фотография. Где я видел это мужественное открытое лицо? Все знакомо: и широкий разлет бровей, и крутой лоб, а главное — внимательный взгляд добрых умных глаз...

Так вот кто герой! Я же сам знаю его! Сам знаю!

Он был курсантом Одесского пехотного училища. А я учился рядом — в Артиллерийском. У него были червонного цвета волосы. Я помню его — прекрасного штангиста, меткого стрелка, хорошего пловца. Его имя было Василь, это я точно помню. Но точно ли его фамилия Борик?

Запрашиваю Управление кадров Советской Армии. Через некоторое время меня приглашают в одно из учреждений и кладут на стол личное дело... В. Порика.

Родился в селе Соломирке Винницкой области. Учился в сельскохозяйственном техникуме, затем в Одесском пехотном и, наконец, в Харьковском пехотном училище. Прекрасная аттестация, два десятка благодарностей, в звании лейтенанта направлен в распоряжение Киевского Особого военного округа.

О дальнейшем его пути в личном деле — ни слова. Как сражался. как

Михаил Новиков — тот, кто прислал фотографию Порика.

погиб? Из того же личного дела узнаю адрес и пишу письмо отцу Василия — Василию Карповичу и матери — Екатерине Сильвестровне Порика. Через несколько дней приходит ответ. Распечатываю бандероль, немело сделанную из тетрадного листочка в клеточку. И вижу газету «Либерти» — орган коммунистической партии города Лилля от 22 IX. 44 года. Читаю:

«Василий — сын бессмертной Октябрьской революции. Его имя мы все произносим с восхищением, он пионер нашего народного воспитания, во имя осуществления идеала счастья и свободы Василий испытал неслыханные страдания. Да, он погиб, чтобы жила Франция».

Из письма отца я знаю, что вместе с Пориком воевал и его друг Василий Доценко. Кто еще был близко с ним во Франции? На этот вопрос в какой-то степени отвечало письмо от Ф. И. Николюка с Кавказа. Он пишет:

«Василий тоже был в шахте. Но на какой шахте работал, я не знаю. Он был плечист, слегка сутуловат, имел красновато-рыжий волос и легкие веснушки на лице. Через некоторое время он стал старшим по лагерю. В его обязанности входило поддерживать чистоту в лагере и бараках. Ему отведена была маленькая комната, где он находился с Галей, невысокого роста круглолицей, симпатичной девушкой. Когда

она появилась в лагере и откуда, я не знаю.

Прошло еще несколько времени, и вдруг Василий из лагеря бежал...

...Позже, не помню точно, или в конце 1943 или в начале 1944 года, лагерь однажды проснулся в три часа ночи (время подъема на работу). И мы увидели, что бельгийцы, которые охраняли лагерь и конвоировали нас на работу, обезоружены, раздеты и заперты в карцер. В караульном помещении и около него лежали трупы — это были убиты предатели...»

Это был знаменитый налет на лагерь. Налет, осуществленный русскими и французскими партизанами под командованием Порика.

Всплывает новое имя — Галя. Судя по всему, она была его большим другом. Жива ли она?

В публичной библиотеке читаю французский журнал «Авангард». Читаю медленно, со словарем. И вдруг в статье Поля Жилле «Путь лейтенанта Порика» нахожу:

«Есть в его истории и романтическая, трагическая любовь. Говорят, что в разгаре движения за освобождение он нашел в Энен-Льетаре свою невесту, угнанную с Украины нацистами, которая, как и он, вела борьбу за свободу».

Значит, Галя была землячкой Порика. Как ее отыскать?

Побывал я у родителей Василия — Екатерины Сильвестровны и Василия Карповича, в украинском селе Соломирке.

Порики рассказывали мне о детстве Василя, о его проделках, отметках, увлечениях, они говорили, а в глазах была тоска о родном Васильке, озорном шумном мальчишке...

Но о главном — о боевой деятельности легендарного лейтенанта — родители ничего мне сообщить не могли; о его друзьях-партизанах они сами узнали от меня. И все-таки я снова и снова копался в семейном архиве, просматривал пожелтевшие вырезки из газет, фотографии, письма.

Вот письмо, написанное красными чернилами, мелким почерком. На конверте дата — 1943 год. Это письмо от матери Гали родителям Василия. Оказывается, он и Галя стали во Франции мужем и женой. На конверте четко стоял обратный адрес!

Отправляю письмо матери Гали. Через месяц приходит короткий ответ: «Мать умерла, Галя уехала из села». Снова посылаю запрос. И лишь через пять месяцев мне ответили, что Галя проживает теперь в Смоленске и ее фамилия Иванова. А Ивановых в Смоленске свыше двухсот! Снова запрос и, наконец, адрес Гали Ивановой (по паспорту Анелии) у меня в руках. И вот я в Смоленске. Напротив меня сидит Анелия Васильевна Иванова (ее девичья фамилия Томченко). За окном ночь. Давно уже спят ее дети. И я слушаю ее рассказ, рассказ женщины большого мужества, связанной отряда Порика, награжденной французским орденом.

Угнанная фашистами на Запад, Галя попала во Францию на угольные шахты компании «Дурж и

Бывший узник концлагеря, соратник Порика Федор Николюк.

Родители героя — Екатерина Сильвестровна и Василий Карпович Порика.

Это фото перепечатано с гестаповского объявления о побеге Василия Порика.

Дрокур». Ее сделали чернорабочей на лагерной кухне.

Однажды, подкашивая уголь к печке, она нашла маленький листок. На листке было написано: «Советские пленные! Французский народ с вами! Мужайтесь! Создавайте боевые группы!.. Час освобождения близок! Комитет советских патриотов».

В этот вечер ужин был так скуден, что Галя с ужасом смотрела в миски, где похлеб-ка еле закрывала дно: «Это мужикам-то после работы каторжной!» Девушка выглянула в окно раздачи. В столовой была необычная тишина. Посреди барака стоял высокий парень с рыжеватым чубом. Широкоплечая фигура его даже в безобразной лагерной одежде с клеймом «ОСТ» выглядела статной и подтянутой.

— Встань, Петро! — сказал он властно.

Из-за стола поднялся парень, тощий, будто сдавленный с боков, с животом, приросшим к позвоночнику.

— У этого парня кто-то украл пиджак. Пока в моем пусть походит. А к утру чтоб был на месте! Все! — Чубатый энергично рубанул воздух широкой ладонью и сел.

«Ишь ты», — усмехнулась Галя.

Она спросила:

— Кто это командует?

— Батько, — ответили ей.

Василий Порик — это был он — все больше завоевывал авторитет у плен-ных. От глаз немцев это не ускользнуло. Они назначили Василия старшим по бараку, чтобы он был на виду. И Василий в свою очередь решил использовать это обстоятельство — ему нужен был хотя бы уголок, еще лучше отдельная каморка. Но каморку давали только женатым.

Как-то он остановил возле женского барака Галю. И предложил ей — для виду — выйти за него замуж.

«Молодоженам» дали каморку. Однажды утром, когда Галя тихо поднялась и направилась на цыпочках к двери, чтобы бежать на кухню, Василий заметил, как она спрятала листок.

Вечером он спросил у нее прямо:

— Что прячешь, сестренка? Вот здесь, — и хлопнул себя в грудь.

Галя смутилась, достала из-за пазухи листок и протянула его Василию, пристально вглядываясь в его лицо.

Василий сразу узнал «Воззвание Комитета советских патриотов».

— Зачем хранишь? — спросил он строго, — А если найдут?

Галя покосилась на окно, задернута ли самодельная шторка. Быстро нагнулась к ножке кровати, сдвинула ее, зацепила половицу. Василий вздрогнул:

там были спрятаны гранаты. Как она приметила?

А Галя в тон ему сказала, показывая взглядом на половицу:

— Зачем хранишь? А если найдут?

Больше Василий от Гали не таился.

Однажды в их комнате собрался «Комитет». Надо было получить оружие от французских товарищей. Но не здесь, а в шестидесяти километрах отсюда. Дело нелегкое.

— Кто поедет?

Минута молчания. Один из товарищей шумно затыкнул сигаретой.

— Любой готов.

— Я, я поеду, — раздался тихий девичий голос. Все удивленно повернули головы в сторону Гали, зябко поджавшей ноги на кровати. Она не была членом комитета.

— Ты больная. Куда тебе ехать, — мягко сказал Василий.

— Я поеду. Поверьте мне, товарищи. Я поеду, — твердо повторила Галя. — От работы, слава богу, освобождена на день, болею. Никто и не заметит, что ушла за проволоку. И на вокзале, наверное, меньше обращают внимание на женщин.

Все молчали, доводы были убедительны. И только Василий не мог, не хотел согла-

Партизанское удостоверение Гали Томченко.

«Они погибли за Францию» — открытка, выпущенная в Париже. Верхний слева — Василий Порик,

ситься с ними. Завалит девчонка дело. Нет опыта. Здесь каждый — железо! Пытками не заставишь говорить, если что! А эта... Василий ни за что не признался бы, что ему жаль девчурку.

— Как, Батько, решим? — тихо спросил Вася Доценко, смелый парень, ходивший с Василием «за проволоку» на все операции.

— Так и порешим, — почему-то сердито сказал Василий. — Пойдет Томченко.

Галя, снабженная подложными документами, едет получать оружие. Все удаётся благополучно. Но на обратном пути в вагон неожиданно входит фашистский патруль...

Фашисты медленно шли по вагону, взглядами ошупывали каждый подозрительный предмет. Галя украдкой взглянула на свой чемоданчик. Он маленький и как будто ничем не выделяется среди других. Вот зато соседний, разбухший, огромен. В нем можно и пулемет спрятать. А что если фашисты, снимая с полки большой чемодан, заденут ее маленький? Хотя пистолеты и гранаты завернуты в бумагу и не звякнут, но вес чемоданчика подведет! От этой мысли Галя похолодела.

Подошли фашисты. Спросили: что в большом чемодане?

Хозяин, невзрачный мужчина в котелке, по-военному вытянулся:

— Позвольте доложить: везу мундиры господам офицерам. Сам я портной. Из Парижа.

— Гут, гут, — долговязый унтер-офицер потянулся за чемоданом. Он небрежно рванул его к себе. Маленький чемоданчик Гали двинулся рядом с большим и повис на краю полки. Небольшой толчок — и он упадет вниз! Не задумываясь Галя вскочила на сиденье и, подхватив свой чемоданчик, сняла его с полки.

Перехватив удивленные

взгляды патрульных, она, перегибая слабость, вдруг возникшую в руках и ногах, засмеялась, легким движением откинула крышку чемоданчика. Фашисты увидели насыпанные поверх аккуратных бумажных пакетиков... конфеты в пестрых обертках и каштаны. Галя же показала, как они могли бы рассыпаться, если бы чемодан упал, и, взяв горсть конфет, протянула их унтер-офицеру, приветливо улыбаясь. Она сказала: «Битте, эссен... бардзесмачны цукерки». И патруль двинулся дальше.

Так было доставлено первое оружие. Так начались боевые будни связной партизанки.

Галя помогла мне заполнить белые пятна в судьбе офицера Порика, который считался без вести пропавшим, а теперь числится погибшим в боях за Родину.

Как он воевал, советский офицер Василий Порик, на далекой французской земле?

Лаконичный язык бевого донесения гласит:

«Отряд — группа Василия Порика создана в августе 1943 года. Состав — 12 человек.

1. Сентябрь 1943 года. Пущен под откос поезд в местечке Рио Биль, шедший из Лилля в Париж с углем.

2. Октябрь 1943 г. Там же пущен под откос еще один состав с углем, железнодорожный путь выведен из строя на 7 суток.

3. Ноябрь 1943 г. Разгромлена автомашина с немцами на лесной дороге у местечка Рио Биль. Убито 8 и ранено 6 немцев. Захвачено 6 автоматов, 5 винтовок, 4 пистолета и много боеприпасов.

4. 15 января 1944 года спущен под откос военный эшелон с продуктами. Убито 32 нациста.

5. 6 апреля 1944 года совершен налет на колонну немцев из 200 человек. Убито 30 фашистов...».

А как он погиб, этот талантливый командир, веселый украинский парень Василь Порик?

Он ехал на велосипеде по тихой улице поселка Били-Грони. В три часа он должен быть в Львевене: сегодня решается вопрос о выступлении всех отрядов. Впереди спокойно стоял человек, одетый как шахтер. И вдруг он резко повернул наперерез велосипеду. Удар.

«Эх, сбил человека...» — с горечью успел подумать Василий и в ту же секунду почувствовал, как чьи-то руки крепко прижали его к земле, не давая встать. Справа подбежал еще один «шахтер». Навалился. Заломил руки. Неужели гестапо?

Сухо щелкнули наручники. — Ведите, машина за углом.

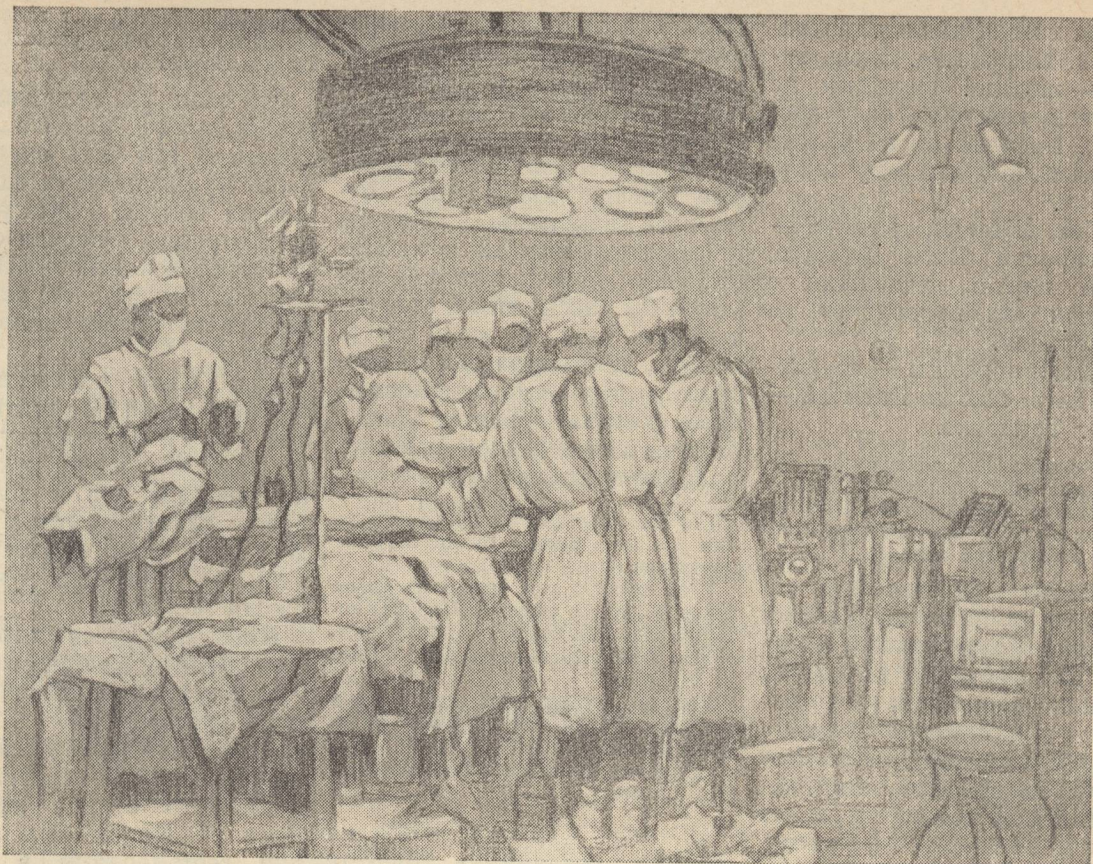
В бока уперлись холодные дула пистолетов.

Через несколько дней выданный предателем командир партизанского отряда лейтенант Василий Порик был расстрелян гестаповцами в тюрьме города Арраса. На допросах он не сказал ни слова.

Галю арестовали сразу после поимки Василия. Пытали в аррасской тюрьме, били в тюрьме города Лилля. Вечной отметиной тех дней остался на ее лице шрам. Однажды после пыток на нее набросили какой-то плащ, она машинально сунула руку в карман и вытащила... окровавленный берет Василия. Это была весточка о его гибели.

На крепостных стенах Арраса утопают в розах 220 мемориальных досок в память героев, погибших за Францию. А на правом фланге строя погибших героев сверкают золотом два русских имени — солдат Василий Доценко и лейтенант Василий Порик. Они и боролись рядом, на правом фланге, комсомолец и коммунист. И стоят в суровом молчании седые шахтеры и матери шахтеров, и суровое лица молодежи.

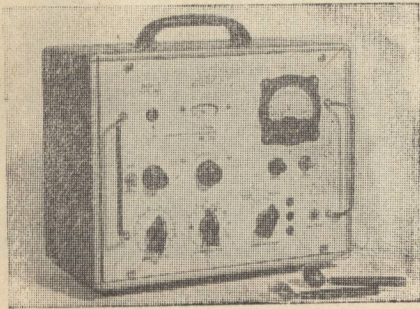
Они помнят героев, помнят, за что они погибли. Не забудем их и мы.

Вверху — операционная кафедра хирургии Ленинградского государственного института усовершенствования врачей имени С. М. Кирова.

Идет сложная операция на сердце. Ее делает один из учеников прославленного советского хирурга П. А. Куприянова, профессор Сергей Алиевич Гаджиев. Портрет его вы видите слева.

Оба рисунка сделаны с натуры корреспондентом «Костра», художником В. Кочегурой.

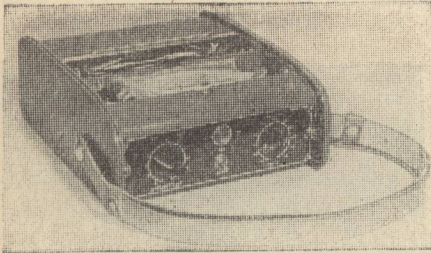
Электрокардиостимулятор клинический, сокращенно — ЭКСК-1.

Стимулировать — значит поддерживать, возбуждать, «кардиа» по-гречески сердце, что такое «электро» — сами знаете.

В корпусе прибора вырабатываются токи нужной силы и частоты. Они идут по проводам к миокарду — сердечной мышце. И подталкивают ее, помогают ей работать.

ЭКСК-1 создан два года назад в Ленинграде. Он уже не раз выручал хирургов в клиниках, при сложных операциях.

Именно этот прибор спас Витю.

Пульс падает, одышка, обморок — скорей «Неотложную помощь»!

Еще в дверях врач сбросил ремень с плеча. В секунду, не глядя, открыл крышку коробки. Под крышкой пенал, а в нем игла, длинная, с гарпунчиком на конце.

Укол — и гарпунчик у больного в миокарде. Потянулся от него провод к прибору, а сам прибор включен в электросеть. Замигала неоновая контрольная лампочка. В сердце идут импульсы, сердцу навязан ритм, вот-вот оно застучит самостоятельно — приступ болезни минует.

Так работает ЭКСК-1 — электрокардиостимулятор неотложный.

КАК ЛЕЧИЛИ ВИТЮ

Ф. Нафтульев

Жил-был мальчик — совсем такой, как другие мальчики.

Только не мог он бегать ни на коньках, ни на лыжах. И вообще бегать. И даже ходил еле-еле, особенно если в гору.

Он задыхался и присаживался на корточки. И прислушивался к стуку собственного сердца. А оно стучало неровно и глухо.

Оно было нездорово, нездорово с рождения. Не могло как следует исполнять свою обязанность — гнать по артериям и венам кровь.

* * *

С такой болезнью не живут долго.

Лекарствами тут не поможешь. Тут нужна операция — трудная, рискованная, всего полтора десятка лет как возможная.

Заплаканная мать собралась в дорогу. Повезла сына в клинику, в Ленинград. Туда, где многие годы жил и работал знаменитый хирург Петр Андреевич Куприянов, а теперь работают его ученики.

Мальчика Витю осмотрели. Увидели его лиловые губы и пальцы, утолщенные на концах, как барабанные палочки.

Витю выслушали, простукали, просветили рентгеновскими лучами.

Оказался не просто сердечный порок, а худший из худших, порок из пороков, с длинным мудреным названием.

— Наш больной, — сказали ученики Куприянова. — Будем лечить.

* * *

Врач Борис Степанович Уваров давал наркоз. Витя крепко уснул.

И в операционной стало тихо-тихо.

Зажглись яркие бестеневые лампы. Встали вокруг стола молчаливые сестры и ассистенты.

А сам хирург тем временем кончил мыть руки.

Он шел, подняв их вверх, чтобы ни к чему не приотронуться. Казалось, что он просит пощады и сдается в плен.

Но так лишь казалось. На самом деле никто здесь не собирался сдаваться.

Была рассечена грудная клетка. Глазам открылось
больное сердце — фиолетовый, весь в набухших сосудах,
комок.

Почмокивал насос. Это работал аппарат ИСЛ — «ис-
кусственное сердце и легкие». Струилась по трубкам —
они соединяли Витю с аппаратом — богатая кислородом,
охлажденная кровь.

А живое, настоящее сердце не билось.

Его заморозили и выключили, как выключают неис-
правный мотор, чтобы починить.

* * *

Хирург Фетях Халимович Кутушев сделал все, что
требовалось. В одном месте удалил непомерно разрос-
шуюся ткань. В другом — наложил заплату, пришил ее
к сердцу двенадцатью швами.

И уже наставала пора заканчивать работу. Уже
стали Витю разогревать.

Но тут оказалось, что Витино сердце за это время
совсем разучилось биться.

Оно не запускалось, как часы, маятник у которых
заело. Такое осложнение дала напоследок болезнь.

И тогда Кутушев подсоединил к сердечной мышце
Вити два провода. Они шли к чемодану-прибору, похо-
жему на радиоприемник.

Это был не приемник, а скорее передатчик. Электри-
ческие толчки-импульсы, посылаемые им, раздражали
сердечную мышцу, заставляли ее сокращаться.

Сердце заработало. Застучало.

Оно пока что не само стучало. Его расталкивал
прибор — трудился, как стартер при запуске двига-
теля.

И все сейчас зависело от него.

* * *

Витю отвезли в послеоперационную палату.

Он медленно приходил в себя, а рядом на стуле
стоял прибор, и провода от него по-прежнему тянулись
к груди мальчика.

А между тем шли уже вторые сутки.

Прибор рассчитан на десять дней непрерывного дей-
ствия. Но вдруг он заикается? Перегреется, лампа
какая-нибудь перегорит?

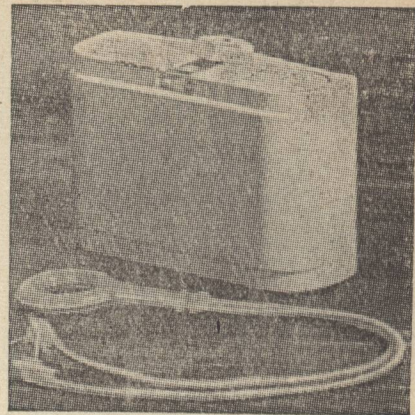
Что тогда?

Врач Александр Борисович Зорин позвонил инженеру
Альфреду Львовичу Барановскому.

— Альфред Львович, так и так! Такое складывается
положение! Мы, конечно, верим в ваш прибор, но не
худо бы его подстраховать!

— Конечно, — ответил Барановский. — Я только что
вернулся из Москвы, возил наши стимуляторы на вы-
ставку. Три действующих прибора как раз со мной.

— Везите их в клинику немедленно! — попросил
Зорин.

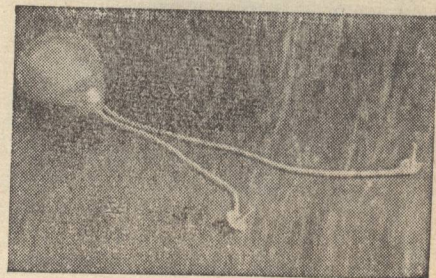

Приступ — это уже достаточно плохо.
Но когда болезнь — она называется бо-
лезнью Адам-Стокса — обостряется,
сердце вообще не желает стучать само.
Шестнадцать ударов в минуту — вместо
нормальных-то семидесяти!

Раньше это значило: смерть. Раньше
не было сердечных протезов. А теперь?

ЭКСИ-1 — электрокардиостимулятор
индивидуальный. Вы видите колечко-
приемник — оно вшивается под кожу
пациента, в левую нижнюю часть жи-
вота. Видите провода — они соединяют
с приемником сердечную мышцу. И еще
видите коробочку — передатчик. Его но-
сят на поясе-бандаже.

Носят и сами следят за своим серд-
цем, чтобы не останавливалось. Через
каждые три недели меняют в передат-
чике аккумуляторы, подзаряжают сво-
бодные от сети.

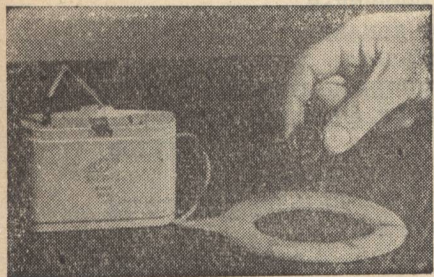
А здесь нет по отдельности ни пере-
датчика, ни приемника, все вместе, в
одном корпусе. Этот стимулятор — все
равно что клинический, о котором гово-
рилось вначале. Только раз в сто
меньше.

Он целиком вшивается больному туда,
где у ЭКСИ-1 было колечко-приемник.

Тут нужна особо долговечная бата-
рейка, ее ведь потом не поменяешь так
просто.

Мне показали другой прибор и сказали,
что ему уже второй год. Подключили

провода к динамику. И я услышал четкие удары. Тук-тук — шли импульсы. Они нисколько не ослабли за полтора года. Они будут идти еще долго-долго.

Много хлопот было с проводами.

Сердце — мощнейший мотор; за пять, к примеру, лет оно сокращается больше ста восьмидесяти миллионов раз. Будь провода семижильными, сорокадевятижильными и даже в сто сорок девять жил — все равно их в конце концов сердце переломает.

Стали делать провода пружинными, вроде спирали электроплитки. Спираль согнуть можно, а переломить — ну-ка!

Другая сложность — с материалами. Живая ткань — как кислота: разест что угодно. Одному старому бакенщику вшили провода, а через несколько лет решили проверить, как они там. Искали, искали рентгеном — нет в помине! Рассосались!

В институте синтетического каучука имени Лебедева по просьбе инженеров ставили опыты и определили: лучше всего делать оболочку проводов из особого сорта резины.

И все-таки еще лучше, когда их вообще нет!

Перед вами — беспроводной стимулятор. Колечко приемного устройства нашивается прямо на поверхность сердца. А передатчик носят не на поясе, а на груди — на особом лифе или просто в грудном кармашке.

— Увы, не могу. Я оставил их на вокзале, в камере хранения.

* * *

Это еще не так страшно — Московский вокзал! Могло быть и подальше!

Зорин с Барановским помчались в камеру хранения. Забрали приборы. Привезли в клинику.

И расставили их у Витиной койки: еще чемодан, ящичек поменьше и совсем небольшую коробочку.

Были новые сутки. И опять новые. И опять.

Витя ел, пил, разговаривал с матерью и врачами. Он вел себя мужественно. Он только старался не смотреть туда, где — в шаге от постели — мигала сигнальная лампочка.

Безостановочной вереницей — сто в минуту — шли в его сердце электрические импульсы. И люди вокруг, внешне спокойные, с тревогой гадали про себя: сколько еще так может продлиться?

Время от времени включался второй прибор — первому давали отдохнуть. Потом отправлялся отдыхать второй.

А остальных не понадобилось!

Через пять суток сердце забилося самостоятельно! Мотор наконец-то раскрутился! Маятник закачался сам!

* * *

Провода оставались в груди Вити еще некоторое время — на всякий случай. Потом их вынули.

Витя поправился, выписался из клиники, поблагодарил врачей и уехал домой, на Украину.

А недавно на большом собрании врачи и инженеры сообща обсуждали этот случай.

Профессор Анатолий Пантелеймонович Колесов, руководитель клиники, в которой делают сложнейшие операции на сердце, и Илья Вениаминович Мейзеров, руководитель конструкторского бюро, в котором создают электронные медицинские приборы, — они стояли рядом, такие дружные и такие нужные друг другу люди.

И большое собрание от души рукоплескало обоим!

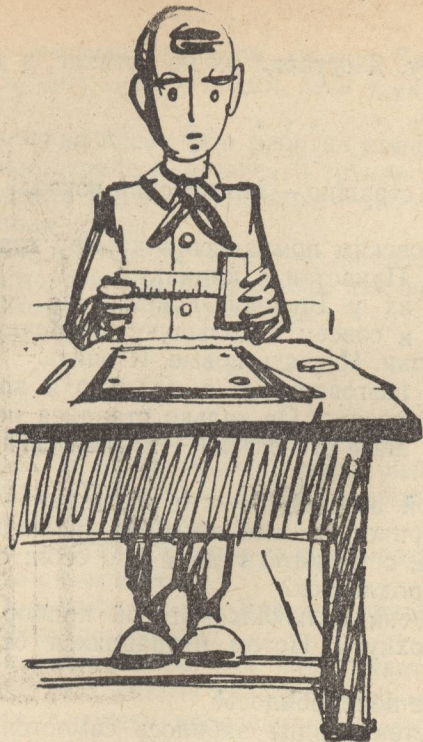
Каждая тема, над которой трудятся конструкторы, имеет в плане условное название.

«Сердце-1», «Сердце-2», «Сердце-3», «Сердце-4», «Сердце-5» — так назывались темы, в результате разработки которых возникли описанные выше приборы.

Пока что, конечно, это далеко не сердца. Но это уже помощники сердец.

И, может быть, «Сердце-10» или «Сердце-20» станет действительно сердцем, запасным, электрическим, готовым, если нужно, полностью заменить живое.

И такое чудесное время совсем не за горами.

НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

Е. Серова

Рисунки Ю. Галецкого

Как все началось

Появился в нашей школе
Ученик Крученев Коля,
Сын известного ученого
Тита Титыча Крученова.
Ни хлопот, ни огорчений
Не доставил он,
Делал рамки на черчении
По правилам.
Посещал он все собрания
Честь-честью,
Ставил знаки препинания
На месте,
Не унес ни разу книг
Из читальни,
Словом, был он ученик
Идеальный.
Был по мнению ребят
Скучноват,
А по мнению вожатой —
Просто клад:
Заменял собой один
Весь отряд.

Что он делал

Выдал Крученев
один
за декаду

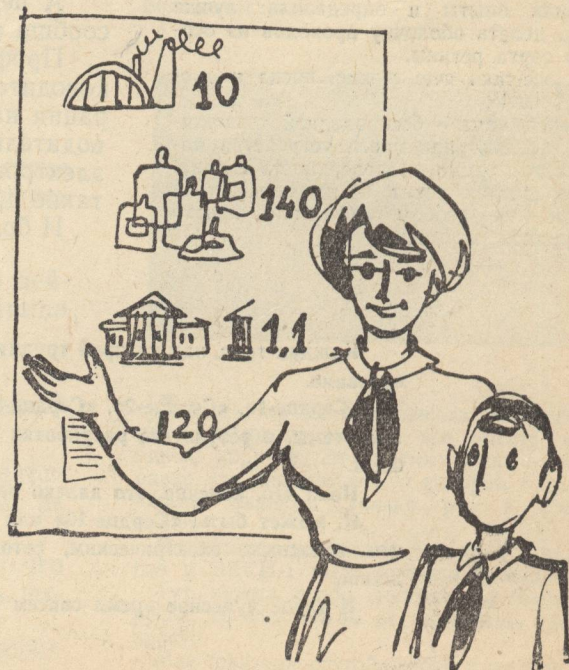
Три сообщения,
четыре доклада,
Сто двадцать заметок,
Сто тридцать стихов,
Сто сорок флаконов из-под
духов,

Десять экскурсий,
пять культпоходов
(Четыре театра,

десять заводов,
Музеев — один и одна десятая).
— Главное — цифры! —
сказала вожатая.

Что было дальше

Раз на уроке —
на шестом,
А может быть, на пятом —
Крученев Коля о Толстом
Рассказывал ребятам.
В тетрадку кто-то сунул нос:
— Вот шпарит! Слово в слово!
Но задал Петр Кузьмич вопрос:
— Ты любишь Льва Толстого?
И бедный Коля вдруг охрип.

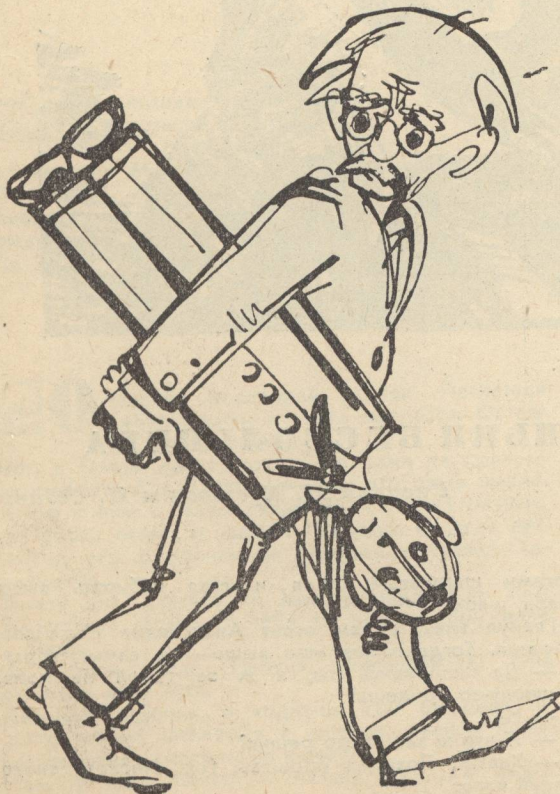
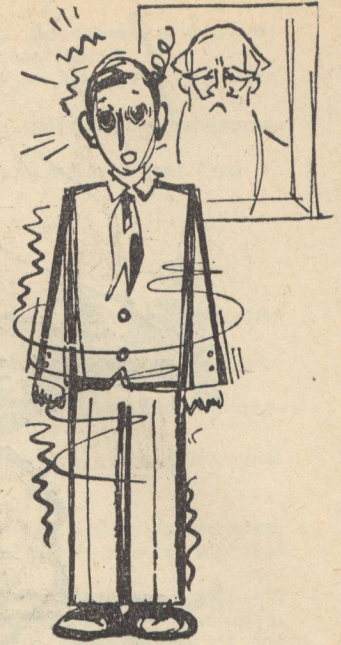
Раздался скрежет,
визг
и скрип,
Застыл Крученев
странным
Безмолвным истуканом.
Ребята повскакали с парт.
Сергей Петров кричал:

— Инфаркт!
— Нет, это скарлатина! —
Пищала Валентина.
Всё сделали возможное:
Звонили в неотложную,
И вызвали ученого
Тит Титыча Крученова.
За полминуты до врача
Влетел ученый в класс,
Он сына, видно, сгоряча
Ворочал, мял и тряс,
И бормотал невнятно:
— В чем дело... Непонятно...
Так, так... Вот тут...
Беспорный факт...
Обрыв... Нарушился контакт...
И вдруг сказал учителю:

— Не знаю, вы простите ли...
Я тут, товарищ педагог,
Проделал некий опыт:
Сказать по правде, мой сынок
Не человек, а... робот.
Но я же не волшебник.
Он выучил учебник,
А вы спросили просто так,
И вот — нарушился контакт.
А впрочем, я, признаться, рад,
Что мой послушный Коля,
Мой совершенный автомат,
Не смог прижиться в школе.
Ну что ж, пошли, сыночек мой,
Наследник электронный! —
И робота унес домой
Смешной чудак ученый.
Так идеальный ученик
Закончил обучение...
И все почувствовали вмиг
Большое облегченье,
Тотчас

весь класс

Пустился в пляс,
Включая педагога.

И лишь вожатая у нас
Поплакала немного:
Все было, как положено:
Театры все исхожены,
Лентяи все продернуты,
Экскурсии провернуты,
Флаконов сколько добыто!...
И все —

работа робота,

А теперь поговорим

Ты скажешь: — Сказка!
Да и нет.

— Фантазия!
Не слишком.
Ты приглядишься-ка, мой совет,
К девчонкам и мальчишкам.
Иной всегда бывает прав —
Ведь он чужие мысли
Вам поднесет, не расплескав,
Как на коромысле.
Понахватает там и сям:
— Такой-то думал так-то...
— А ты-то как считаешь сам?
Молчанье.
Нет контакта.

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕНЬКИ БЕССОЛЬЦЕВА

В. Арро

Рисунки Н. Бустова и Н. Седикова

 Я предупреждаю вас, Александр Акимович, — услышал он в сенях, — сегодня 31-е августа. Если завтра старший сын не придет в школу, спросим с вас.

— А мне что, — раздался пьяный голос отца. — Он мне не родной. С матери спрос.

Заскрипели половицы, отпрянул Ленька от двери, прыгнул с крыльца. Что было силы помчался от дома, только черные пятки замелькали. А сзади неслось:

— Леня-а! Бессольцев! Да погоди!..

С разбегу прыгнул на березу, обхватил руками и

ногами шершавый ствол и стал набирать высоту: шарк, шарк!

Глянул вниз, а там стоит Александра Михайловна, смеется. Тогда полез еще выше — на самый верх!

— Да остановись ты, я ж за тобой не полезу! В школу-то придешь?

— Не...

— А что ж так плохо решил?

— Хватит. Походил прошлый год. Неохота снова в пятый класс.

— А в какой охота?

- Ни в какой. Буду коров пасть.
- Да ты слезь, поговорим!
- Не... А придете еще — из дома убегу.

Скрипит тяжело груженный воз — скрип-скрип...
Ух, как пахнет свежее сено, вот бы в нем поспать!

Хорошо: привезет сейчас сено соседке, а она ему картошки на стол, молока.

А ну их, в самом деле, со школой! Пристают каждый день. Скрип-скрип...

Да ты ешь, — сказала Александра Михайловна. — Я по делу зашла. Смотрю, сено везешь, а мне как раз в этот дом.

— Не приду я в школу, — сказал он, торопливо жуя. — У меня и без школы дел — во! Сейчас сено. Дров скоро надо будет, угля.

— Ну и не приходи, раз решил.

Устался на нее, перестал жевать.

— Не приходи, говорю, что ж... Только вот что мне в голову пришло: мы сейчас картошку идем убирать в село Ерал. Может, поможешь, ты ж все-таки пионер.

— А деньги платят там?

— Платят, само собой.

— Подумаю. — И стал пить молоко.

Александра Михайловна, а Бессольцев картошку закапывает!

— Бессольцев!

— Александра Михайловна, а Бессольцев кидается!

— Лентя!

— Александра Михайловна, а Бессольцев пшеницу из кармана сеет!

— Да будет вам, ребята, ну, сколько можно!

Отзвонел последний звонок. Похватили ребята сумки и ушли из класса. Остался только актив.

— Нет, в самом деле, что он все один да один, — сказала староста Аля Алякина. — Мне его даже жалко.

— А кто с ним с таким сядет! Руки всегда грязные, посреди урока встает и уходит. Перышек никогда нет.

— Нужно его с девчонкой посадить, — сказал Хасан Ялихманов.

— Знаете что, давайте ко мне, — предложила Аля.

— Ты добрая, Алька. У тебя не выйдет. Ему надо давать отпор.

— Ну, пусть тогда Наташа Новокшанова. Она физорг, у нее воля есть.

— Девочки, девочки, а ходит-то как! Башмаки на босу ногу, штаны сатиновые с дыркой, рваное пальто. Куда родители смотрят, не пойму.

— Мать у него болеет, — сказала Аля, — а отчим пенсионер. Учти, Наташа, ты теперь его шеф.

Мчит автобус из Кропачева в башкирский город Салават. Бип!

Сидит Ленька не за партой, а в мягком кресле. Би! Бип!

Зажаты в кулаке два рубля — отчим у папиросы. Бип!

Да двугривенный на обратную дорогу! Бип! бип!

А ну картошки! Кому картошки! Дешево отдаю!

— А ну грибков соленых, капустаки, яичек, огурцов кому?
— Картошки горячей, кому картошки! Берите, солдатик, рассыпчатая...

Вобрал Ленька воздуху в легкие и забормотал срывающимся голосом:

— Картошки, а ну картошки, а ну...

Подбегали с поезда пассажиры, кто в гимнастерке, кто в пижаме, кто в пальто. Приценивались, торговались, покупали.

А поезд дальний: Харьков-Владивосток. Вспоминал Ленька, где это Харьков? Никак не мог вспомнить. Знал только: где-то за Уфой. А Владивосток? На востоке, наверное. Пожалуй, подальше, чем Челябинск. Но где точно — тоже не знал.

Заревел электровоз, двинулись вагоны, и поплыли перед Ленькой оранжевые абажуры, чьи-то лица, бутылки, цветы... Поехали на восток и два кило картошки, которые продал Ленька. Где-нибудь у Златоуста спросят люди: где брали картошку? И ответят им:

— Да в Корпачево или Кропачево... У какого-то пацана...

И забудут Леньку. Начисто. Навсегда.

Как за что? А за то, что он курит — раз!
— За то, что школу пропускает — два!

— За то, что пионер, а у поезда торгует — три!

— Согласны! Выгнать! — закричали одни.

— Не согласны! — сказали другие. — Нужно к Андрею Петровичу сходить.

Убежал Ленька с уроков — да ну их всех! Пристают, уговаривают, грозятся... На-доело, хватит! Сам знаю, как жить.

Шел мимо трактор, карабкался по грязной дороге. Уцепился Ленька сзади — во, красота! Уехать бы в Усть-Катав, в школу механизаторов, как Вовка Шевчук. Через годик гонял бы на своем тракторе — вот это жизнь! Да жалко, не примут, не хватает двух с половиной лет.

Соскочил Ленька у своего дома, посмотрел на штаны, а они все в грязи. «Замою, — подумал, — ничего».

Вошел в комнату, а посреди, на стуле, сидит человек в железнодорожном кителе и смотрит на него, на Леньку,

— Ну, здравствуй. Узнаешь?

Лицо будто знакомое, только где ж он его видел? Да это ж Стоянов, Андрей Петрович, бригадир движенцев, которые взяли над их классом шефство!

Дернулся к двери... Эх, поздно, надо было сразу бежать.

— Почему рано пришел? — спросил Андрей Петрович. Голос у него такой, что нельзя не отвечать.

— Убежал...

— А где же так вымазался?

— Да трактор там шел...

— Я вот что тебе скажу... (Ну, будет сейчас!) — Там дверь у тебя плохо открывается. Осела. Сделаешь сам?

— А как?

— Да просто. Приступок у крыльца опусти или петли повыше подбей.

— Ладно, сделаю.

— Теперь вот что. Ребята из моей бригады интересуются твоим дневником. Так что в конце декады на планерку к нам приходи. Будем ждать.

Мам, а народу там человек сорок собралось!

— Вот срам!

— Мам, а начальник станции тоже пришел.

— Прямо беда.

— Мам, они мне дневник вручили и говорят: «Мы надеемся на тебя!»

— Гляди ж!

У него теперь новый сосед — Володя Феокистов. Трудно Ленке угнаться за всеми — отстал. Писали диктовку, а он запутался в словах да в запятых, стал в Володину тетрадку глядеть — догонять.

— Бессольцев, — сказала учительница, — списывать не смей!

— А я и не списываю, просто не успел.

— А это и называется списывать, как же еще.

Бросил ручку, надулся, сидит...

— Леня, ты пиши, — сказал Володя, — ты пиши!

— Феокистов! — сказала учительница. — Отберу работу, перестань!

— Пропусти три строчки, — шепнул Володя, — Леня, пиши!

Взял Ленка ручку, стал снова писать.

На перемене пришла Александра Михайловна:

— Феокистов!

— Я здесь.

— Пересядь на вторую парту.

— Почему?

— Здесь тебе будет лучше.

— А Бессольцев?

— Пусть один посидит.

Снова один Ленка. «Значит, мешаю я всем, — подумал он. — Нет, все равно надо бежать».

На следующей перемене Володя перенес свою сумку на старое место.

— Что ж обратно пришел? Ведь мешаю я тебе, отличником не будешь...

— Ладно, помалкивай, — сказал Володя. — Сегодня останемся, будем географию вместе учить.

Александра Михайловна, а Бессольцев четверку по географии получил.

— Молодец!

— Александра Михайловна, а Бессольцев знает, как вчера в кочегарке работал!

— Слыхала уже.

— Александра Михайловна, а Бессольцев теперь галстук носит!

— Вижу.

Идут, идут — закричала Аля Алякина. Все уселись на места и затихли.

В класс вошла Александра Михайловна, а за нею Андрей Петрович Стоянов и еще трое железнодорожников.

— Здравствуйте! — сказали железнодорожники.

— Отряд, встать, смирно! Товарищ бригадир, отряд 5-б класса в соревновании с другими отрядами вышел на первое место.

— Молодцы! Докладываем: график движения выполнен. Поезда шли без задержки. Все работали хорошо, за исключением одного.

Встревоженно смотрели ребята: что у них за беда?

— Один наш рабочий не убрал с рельса «башмак». Поезд ушел, а «башмак», который подкладывают под колеса, остался стоять. К счастью, вовремя заметили. А то бы — крушение. Придете, покажем нашего разрушителя. Пусть ответит, как все произошло.

Сидел Ленка тихо, как сурок. Все ждал, вот кто-нибудь посмотрит на него. Или скажет: и у нас Бессольцев таким же был. Но никто не посмотрел и не сказал. Может быть, забыли уже все.

— И еще дело, — сказал Андрей Петрович и выложил на стол пакет. — Есть тут у нас валенки. Новые, только что из магазина. Решайте, кому.

Вот тогда все и стали смотреть на Ленку.

— Бессольцеву! Пусть ему!

Заерзал Ленка за партой, что-то забормотал:

— Не надо... Не возьму я... Может, еще купят мне...

А Вова Феокистов подтолкнул его:

— Да ну что ты, Леня... Ведь снег уже на улице. Бери!

— Бери, Леня, — сказал Андрей Петрович. — Мы от всей рабочей души.

Положил Ленка перед собой пакет и почувствовал: давит что-то в горле.

И не смог сдержать себя — заревел.

Идет Ленка в школу мимо депо, а из громкоговорителей голос Андрея Петровича:

— Освобождайте седьмой путь!

Идет Ленка из школы — снова голос Андрея Петровича:

— Готовы тормоза? Отправляйте тридцать второй!

Идет Ленка в магазин, на пионерский сбор или в кино, а из громкоговорителей тот же голос гремит:

— Отправляйте девятностой! Принимайте сорок первый! Проверяйте сорок шестой!

Все видит Андрей Петрович из своей диспетчерской. И Ленку, наверно, видит. И улыбается: «Шагай, шагай, парень! Все правильно!»

Очень хочется Ленке, чтоб так оно и было.

Станция Кропачево Ашинского района
Челябинской области

МАСШТАБНЫЕ РЕБЯТА

Н. Печерский

Рисунки М. Беломлинского

ТУМБОЧКА

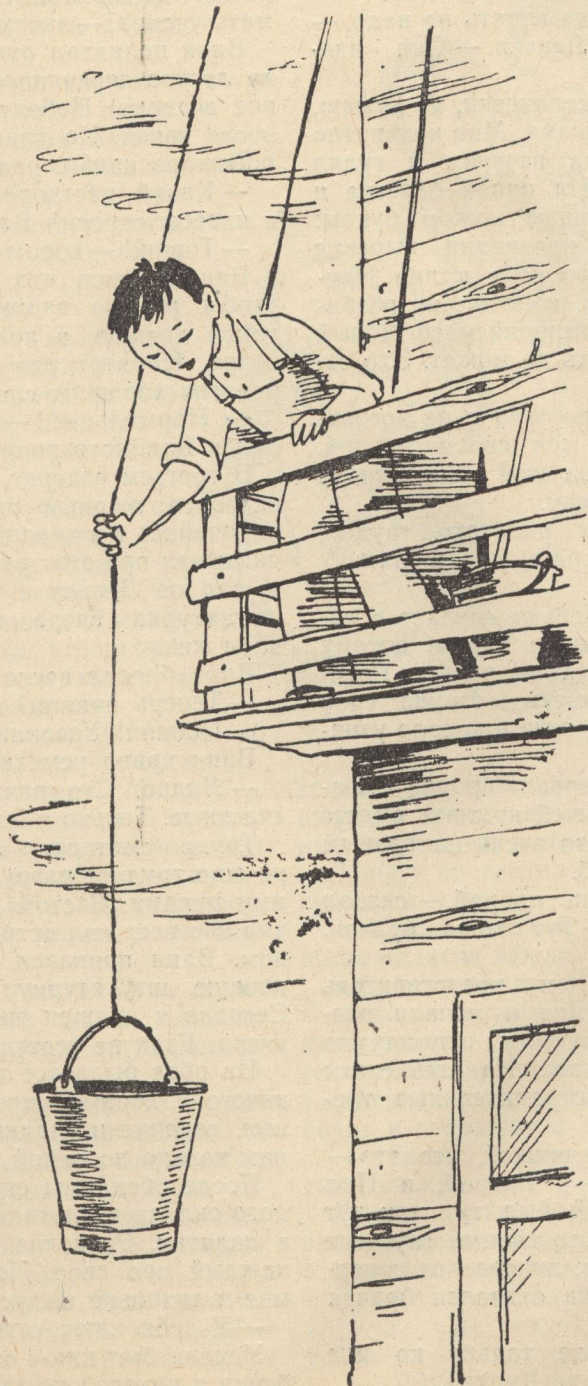
Скажите честно, кто любит пшеничную кашу без масла, без сала и вообще без ничего? Противная штука. Она напоминает по вкусу опилки. В ней нет ни белков, ни углеводов, ни клетчатки. Это не еда, а мираж.

Настоящая еда, которую можно кусать и переваривать, висела в меню возле раздаточного окошка. Там были и мясо жар., и котлеты с карт., и макароны с масл., и чай с тягучей тающей на языке сгущенкой.

Ничего этого повар не приготовил. Машина с продуктами, которую ждали весь вечер, застряла где-то в тайге.

Голодный человек может съесть даже полено. Мы умяли миражную кашу, обливали чин-по-чину ложки и положили возле мисок с правой стороны. Порядок есть порядок.

На дворе дождь и поэтому Пал Палыч сказал — сегодня можно не строиться. Я открыл дверь, и шлепая по лужам, побежал на стройку. Пять минут — и все уже в сборе. Чуть-чуть мокрые,

чуть-чуть голодные, но все равно готовые к новым боям.

Стоп! А где Манич?

Он выбежал из столовой раньше всех. Я еще тогда подумал — откуда такая прыть? То жметса-мнетса, когда идти на работу, а то — на тебе...

Штукатурить в своей комнате мы начали без Манича. Он пришел только минут через пятнадцать. Губы у Манича лоснились и глаза сияли сытым спокойным блеском.

— Ты где ходишь? — спросил я Манича.

Манич нахально ответил, что надевал сухие носки и теплую рубашку. У него грипп, а, возможно, даже воспаление легких.

Я поработал немножко, а потом пошел вниз пить воду. Погрел кружкой, которая висела возле бочки на железной цепочке, потопал ногами, покашлял и этими знаками вызвал в коридор Леньку.

— Ленька! — сказал я. — Манич лопал сало и коржики!

Ленька даже зубами заскрипел от злости. Думал он только одну минуту. Идеи у него рождались немедленно. Сало конфискуем во время тихого часа. Манича отправим к плотникам. Прораб Афанасьев сам просил при-

Окончание. См. «Костер» №№ 1—3, 1964 г.

слать после обеда одного крепкого паренька. Манич крепкий. Он питается салом и коржиками. Идея Леньки мне понравилась только в принципе. Манич поднимет шум на весь поселок, опозорит и себя и весь наш боевой и гуманный седьмой-а. Лучше подождать, поговориться и вообще взвесить.

— Надо поговорить с Ирой-большой, — сказал я. — Все-таки она пионервожатая...

— Девчонок в это дело путать не надо, — категорически сказал Ленька. — Они идеалистки.

Я не знаю, что такое идеалистки, но думаю, что Ленька снова переборщил. Мне непонятно поведение Леньки. Вчера вечером я гулял в тайге возле поселка. На одной березке я случайно увидел вырезанные ножом буквы: «Л + И = любовь». Это наверняка вырезал Ленька. Ленька писал про себя и про Иру-большую. Я в этих делах, конечно, не разбираюсь, но считаю, что настоящий масштабный человек идеалистку любить не может. Это совершенно нелогично.

Так мы с Ленькой ни до чего и не договорились. Ленька остался при своем мнении, а я — при своем. Я ушел на свой этаж и снова принялся штукатурить стену.

На голодный желудок работать трудно. Мысли мои невольно возвращались к Маничу и его запасам.

Не представляю, что Ленька сделает с салом. Вдвоем пировать мы не будем, потому что это подло, а делиться тоже нельзя. Ребята сразу начнут спрашивать — откуда сало и почему сало? Еще хуже, если про сало узнает Пал Палыч.

Мои размышления прервал прораб Афанасьев. Он появился в нашей комнате вместе с Пал Палычем и каким-то очень нахальным мальчишкой из седьмого-б.

— Идите сюда, товарищ прораб, — сказал нахальный мальчишка. — Тут тоже брачок. Мы сами видели.

Прораб, Пал Палыч и представитель седьмого-б подошли ко мне и начали разглядывать стенку, которую я штукатурил вчера во время тихого часа. На стенке там и сям темнели тонкие стремительные трещины.

Все согласились с мальчишкой, что это — самый настоящий брак — и прораб, и Пал Палыч, и Манич, который был тут как тут и лез куда его не просят со своими глупыми репликами. Между прочим, ликовал он совершенно напрасно. У Манича оказался брачок еще похуже, чем у меня.

Афанасьев придрался не только ко мне и Маничу, но даже к Леньке Курину.

Больше всех переживал инструктор Ваня. Получилось, будто бы он плохо нас учил. Когда прораб ушел, Ваня развел возле дома в трех ведерках раствор, поставил их рядом, словно собирался делать опыты или фокусы, и позвал всех нас вниз. Мы уже видели эти ведерки и знали в точности, что будет дальше.

Но все равно Ване никто не сказал поперечного слова. Раз говорят, что повторение — мать учения, — зачем спорить?

Ваня подкатал рукава рубашки, взял в руку легкое деревянное весло и опустил в первое ведро. Поболтал, поколдовал и вынул весло назад. По длинной белой скалке журча побежала вниз серая струйка раствора.

— Какой раствор? — строго, будто учитель в классе, спросил Ваня.

— Тощий! — хором ответили мы.

Ваня сказал, что все правильно, добавил, чтобы мы не вздумали штукатурить стены такой дрянью, и полез веслом в следующее ведро. На этот раз раствор прилип к веслу ровным хорошим слоем.

— Нормальный! — крикнули мы, не дожидаясь Ваниного вопроса.

В третьем ведерке, как мы и предполагали, оказался жирный раствор. Весло с трудом ворочалось в тяжелой густой каше. Ваня рассказывал про этот раствор и все время поглядывал на Леньку и на меня. Зря я все-таки штукатурил вчера таким раствором. Ведь знал же!

Ваня бросил весло в ведро и спросил:

— Теперь поняли?

— Поняли! Усвоили!

Ваня криво усмехнулся.

— Ладно. Сто раз слышал. Хвастуны несчастные. Только и знаете: сами себя хвалите.

Трудно смотреть в лицо своим недостаткам, но еще труднее разрушать то, что сделал своими руками. Я стоял лицом к стенке и колотил изо всех сил острым штукатурным молотком. Ваня приказал отодрать всю послеобеденную штукатурку и сделать все заново. Сегодня я должен оштукатурить больше, чем вчера. Если не успею, наш класс погиб.

На обед была все та же пшенная каша без ничего и черные пирожки с голубикой. Сочные, горячие и сладкие. Жаль, что досталось нам только по одной штуке.

После обеда мы сплывали владельца сального склада к плотникам, а сами отправились в палатку. Разделись, легли и стали думать каждый про свое. Потом Ленька подмигнул мне и тихонько выпустил ноги из-под одеяла.

— У тебя ключ есть? Давай! — шепнул он.

У меня был ключ от своего замка. Но тумбочку я никогда не запираю. Если б тумбочка

была у меня раньше, возможно, я хранил бы там свой пироп...

Я так же выполз тайком из-под одеяла, сел на корточки возле Леньки и стал смотреть, как он отпирает склад Манича. Ключ оказался меньше, чем надо. Он почти весь влез в крепостной замок Манича. Ребята услышали возню и подняли головы.

Прятаться от них теперь было бесполезно. Ленька ударил кулаком по замку и сказал:

— А ну, ребята, давай сюда ключи!

Ребят будто ветром с кровати сдуло. На полу перед Ленькой в один момент возникла целая гора ключей — больших, средних и совсем крохотных. Такими ключами можно было наверняка открыть любой сейф с потайными замками и электрическими сигналами. Не брали эти ключи только замок Манича.

Но Ленька не зря хвастал своими техническими знаниями. Он всунул в щелку замка проволочку, повертел из стороны в сторону и сразу в середине доверчиво щелкнула какая-то пружина, замок крякнул и раскрылся.

Все замерли. Пятнадцать человек сидели на корточках возле тумбочки Манича и смотрели на Леньку, будто на шамана. Ленька спокойно положил замок на пол и дернул за кольцо. Дверца даже не скрипнула. Казалось, кто-то приклеил ее изнутри столярным клеем и приколотил верхковыми гвоздями.

Человек открыл много заковыристых тайн и секретов. Но лучшие открытия, я уверен, принадлежат коллективу. Мы в два счета разгадали секрет потайного склада. Внизу тумбочки, там, где упираются в пол куцые деревянные ножки, мы обнаружили отверстие и в нем короткий, с палец толщиной, прут. Ленька вынул прут из гнезда, и волшебный ларец распахнулся.

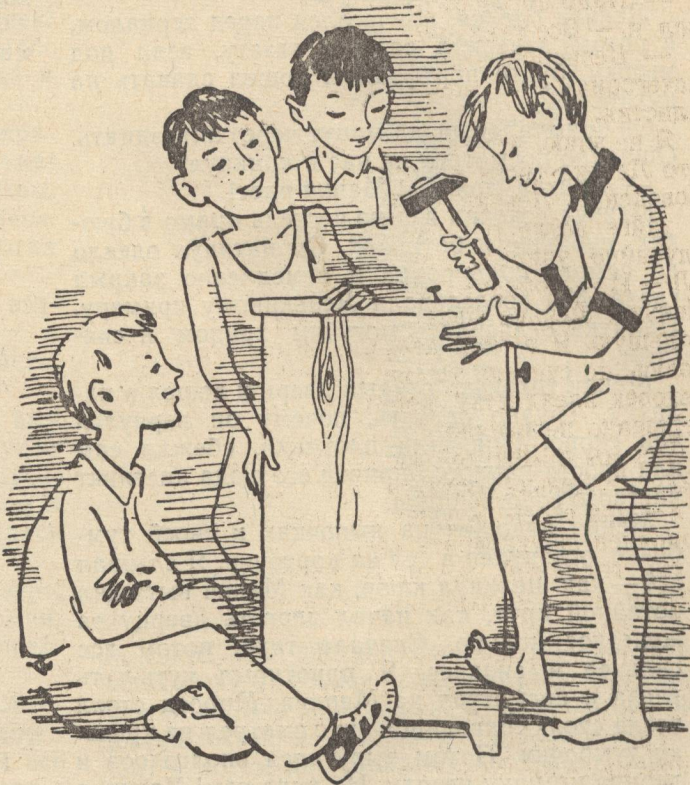
Из тумбочки ударил в нос какой-то сложный запах залежавшегося сала, хлебных корок, цвелей муки и других органических веществ.

Знаменитых коржей в тумбочке не оказалось. Видимо, Манич сгоряча прикончил их утром. На верхней полке лежали завернутые в газету два огромных куса сала. Один совсем свежий, с красновато-смуглой каемкой мяса на верхушке, а другой — желтый, покрытый мелкой серебристой солью.

Мы начали облизывать губы. Если сало откусывать маленькими ломтиками, его можно есть без хлеба. Я это знал по опыту. Но судьбу сала единолично решил Ленька.

— Сало отдадим в столовую, — сказал он. — Точка. Конец. Всё.

Ленька посмотрел на наши скучные физиономии, вынул из кармана нож, примерился и отрезал каждому по крохотному кусочку сала за участие в деле и консультацию. Себе Лень-

ка тоже взял маленький кусочек. В этом нет ничего удивительного. Даже самые масштабные люди могут иметь свои слабости.

Ленька проглотил свой кусочек, пожевал губами и сказал:

— Колька, пойдти принеси кирпичи. Там возле палатки лежат.

Я не стал спрашивать Леньку, что и зачем. Я пошел и принес Леньке два больших, закопченных с углов кирпича. Ленька старательно, как продавец в магазине, завернул в засаленную газету кирпичи, положил в тумбочку и снова запер замок проволочкой.

— Гвоздь есть? — не глядя на меня, спросил Ленька.

Я снял с вешалки свой комбинезон и подал Леньке гвоздь с двумя крылышками, который подарил мне якут-плотник.

Ленька вытащил из-под кровати молоток, подумал еще секунду и точными быстрыми ударами всадил гвоздь в крышку тумбочки.

— Давай еще гвоздей, братва!

Гвозди для мальчишек не проблема. Минута — и Ленька насмерть окантовал тумбочку со всех сторон гвоздями и шурупами. Посмотрел сверху вниз на свою работу, постучал по крышке молотком, как настоящий мастер, и сказал:

— Пускай теперь откроет!

Ленька оделся, причесался перед зеркалом, а потом завернул сало в газету, взял подмышку, будто портфель, и пошел сдавать на кухню.

Он примчался назад минут через пятнадцать. Ошалело посмотрел на нас и крикнул:

— Братва, ложись! Манич идет!

Ленька вскочил в свою постель прямо в брюках, рубашке и ботинках. Он натянул одеяло до самого подбородка и немедленно закрыл глаза. Мы последовали Ленькиному примеру. Палатка огласилась могучим храпом и свистом.

Манич тихонько открыл дверь и вошел в палатку. Трудно сказать, почему он вернулся так скоро. Прогнали плотники, сбежал сам или просто-напросто привел его сюда инстинкт частного собственника.

Манич подошел на цыпочках к своей тумбочке, оглянулся и сел на корточки. Я слышал всё — как щелкнул ключ, как Манич вытащил потайной прут, как начал дергать дверцу за железное кольцо. Сначала тихо, потом все сильнее и сильнее. Я приоткрыл чуть-чуть глаза и посмотрел на Манича. Мироед стоял возле своих сокровищ и тупо смотрел на крышку тумбочки. Потом выругался вполголоса и дернул крышку вверх. Но куда там! Крышка даже не скрипнула.

Манич окончательно обалдел. Он поднял с пола молоток, который бросил Ленька, размахнулся и сплеча грохнул по тумбочке. Крышка тумбочки ахнула и развалилась на части. Забыв обо всем на свете, частный собственник опустил руки в пасть тумбочки и выволок оттуда заветный сверток... Газета треснула. К ногам Манича упали два превосходных, закопченных с углов кирпича.

Страшный вопль потряс палатку. Манич кричал, ругался и завывал так, что было слышно на другом берегу Вилюя. На шум и крики в палатку прибежал Пал Палыч. Он с ходу оценил обстановку, понял, что никого пока не убили, не зарезали и сразу успокоился.

ЕГОРКИНА УТКА

Ира-маленькая раздаёт возле палаток письма. Мы стоим полукругом и ждем своего счастья. Оно попадает к нам не сразу. Сначала

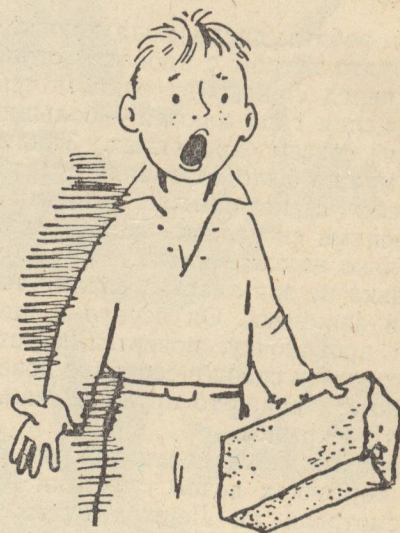
— В чем дело? — сурово спросил он Манича.

Несчастный Манич поднял с пола кирпичи и рыдая сказал:

— Пал Палыч, вот мое сало. Два куса...

— Староста палатки, что у вас тут происходит? — спросил Пал Палыч.

Ленька вылез из-под одеяла вместе со своими ботинками и застенчиво сказал:

— Я, Пал Палыч, не знаю, Манич разбил тумбочку...

Губы Пал Палыча чуть-чуть раздвинулись в улыбке. Но Пал Палыч сдержал себя. Он строго, почти сурово посмотрел на Манича и сказал:

— Маниченко, за порчу казенного имущества объявляю тебе выговор.

Пал Палыч обернулся к нам и уже совсем другим тоном добавил:

— Вставайте, ребята. Скоро подъем. Сегодня у нас еще много дел.

Продукты, которых мы ждали с таким нетерпением, приехали поздно ночью. Но все равно в столовой в этот вечер был сплошной пир. Мы уминали пшеничную кашу с жареным салом и вздыхали от наслаждения. Вместе с нами ел и Манич. Когда ему попался на зуб коричневый хрустящий кусочек сала, он морщился и выплевывал на пол.

ла надо спеть песню, рассказать стишок или сделать что-нибудь другое по выбору. Ира-маленькая почтальон, и мы у нее в руках.

Раздача писем похожа на концерт самодеятельности. Тут только небольшая разница: никто не знает заранее исполнителей и программы.

Вместе со всеми стоят в кругу Пал Палыч и Ваня. Писем они не ждут и присутствуют просто так, в виде вольных зрителей. Уже получили письма и выступили десять человек.

Больше всех повезло Леньке Курину. Он получил сразу три письма — от матери, отца и заядлого читателя газет — деда.

Ира-маленькая приказала Леньке прокричать три раза «кукареку». По одному «кукареку» за письмо. Ленька прокричал петухом, а потом пролаял сверх программы по-собачьи. Это был коронный номер Леньки. Он всегда исполнял его на «бис».

Ира-маленькая отдала письма Леньке и взяла из пачки новый конверт.

— Это Пал Палычу... Получите, пожалуйста, Пал Палыч.

Ира подошла к Пал Палычу и подала ему конверт. Пал Палыч никогда не получал писем. Только один раз пришла ему от директора школы открытка с голубым цветочком и размашистой золотой надписью: «Поздравляем с днем рождения».

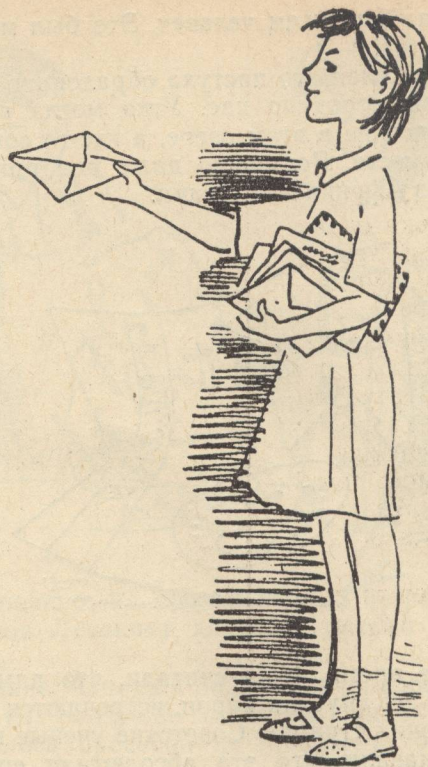
Пал Палыч взял у Иры-маленькой конверт, посмотрел на него и сразу спрятал в карман. Лицо у него чуточку побледнело. Видимо, письмо было не совсем приятное.

Размышлять об этом у меня не было времени. Я сам ждал с минуты на минуту своего письма. Конвертов в пачке оставалось все меньше и меньше. Пять, четыре, два... Счастье не обошло меня стороной. Вот оно, мое письмо. Ира-маленькая громко, будто тоже переживала вместе со мной, назвала мою фамилию и подала мне большой синий конверт.

Я смотрел на крупные, старательно выписанные буквы и ничего не понимал. Почерк был совершенно незнакомый. Без завитушек, росчерков и взлетающих вверх спиралей. Так пишут только педантичные первоклассники и старики, которые выучились грамоте на склоне лет.

У всех людей одинаковое отношение к незнакомым письмам. Они вызывают удивление, любопытство и какое-то смутное томительное предчувствие. Я вскрыл конверт и заглянул краем глаза в письмо. И тут вдруг мне все стало ясно. Чудак, как я сразу не догадался! Это был ответ оленьего пастуха. Минут через пять мы уже сидели вместе с Ленькой, читали и обсуждали письмо.

Письмо открыло перед нами краешек очень простой и в то же время загадочной истории. Много лет назад, когда нас с Ленькой не было

на свете, сын пастуха Егорка убил на озере неподалеку от Вилюя кряковую утку. Это была первая добыча мальчишки. Отец созвал на радостях гостей, познакомил их с новым охотником, а потом дал каждому по чорону вина и ломтику утятин. Гости закусывали, поглядывали на Егорку и одобрительно кивали головой.

— Учугей! Учугей!¹

Олений пастух показал гостям маленький красный камешек. Пастух нашел его в утином зобу, когда потрошил утку.

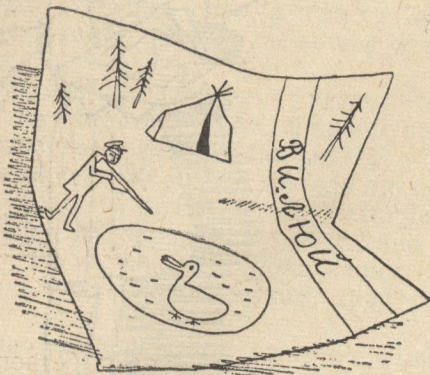
Прошло много лет. Олений пастух просверлил в камешке дырочку, нацепил на нитку и стал носить в память о сыне и его первой охоте. Егорка погиб во время войны с фашистами. Отцу прислали в красной четырехугольной коробочке золотистый, похожий на утреннее солнце Орден Отечественной войны. Егорка погиб, как герой.

В конце своего письма олений пастух нарисовал небольшой, но довольно четкий и понятный рисунок. В самом центре его была юрта, в которой я слушал завыванья волка, справа бежал извилистой ниткой Вилюй, а слева — заросшее камышами озерко. У берега плавала утка с большим сплюснутым носом, а против

¹ Учугей — хорошо.

нее стоял с ружьем человек. Это был маленький Егорка.

Письмо оленьего пастуха обрадовало и в то же время огорчило нас. Утка могла проглотить пироп не в этом озере, а где-то совсем в другом месте. Возможно даже она принесла пироп из Африки или Индии.

Долгое время люди считали, что алмаз, а значит и его спутник пироп, встречаются только в жарких странах. Советские ученые и геологи доказали, что это абсолютная ерунда. В глухих якутских лесах, притаившись в складках серовато-зеленого кимберлита, сидят красавцы алмазы.

Ленька перечитал еще раз письмо и покачал головой.

— Ничего с этим озером не выйдет, — сказал он. — Дело дрянь.

— Конечно, дрянь. Не стоит даже и думать.

Но Ленька стал думать и хмурить брови. Ленька всегда корчит из себя какую-то выдающуюся личность. Запишет неправильно условные задачи и решает, пока не потемнеет в мозгах. И тут ему хоть говори, хоть не говори — все равно не поможет. Ленька вбил себе в голову, будто есть способы, которыми можно решить даже неразрешимую задачу.

К счастью, в этот раз думал Ленька недолго. Он вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и сказал:

— Мы с тобой дураки!

— Ты потише, — предупредил я Леньку. — Ты не обобщай!

— В самом деле дураки, — повторил Ленька. — Егорка убил утку летом, значит у нее были утята. А утка утят не бросит и никуда не улетит. Она целое лето жила на этом озере. Понятно?

В словах Леньки, как это ни странно, был смысл. При таком варианте отпадала сразу Индия, Африка и вообще какие-то другие недешние озера.

Ленька был человек дела. Он заявил, что ждать больше нельзя ни одной минуты и надо немедленно писать про все моему отцу. Он бесцеремонно потянул меня за рукав и потащил в палатку писать письмо.

Едва мы примостились возле стола и собрались с мыслями, в палатке появились две Иры. Они были чем-то страшно расстроены.

— Мальчики, у нас ЧП, — перебивая друга друга, заявили Иры. — Надо что-то делать. Так дела бросать нельзя!

Трудно понять девчонок, если они говорят хором и перескакивают с одного на другое. Мы сказали, чтобы Иры говорили по очереди, не размахивали руками, и только тогда поняли, в чем дело. Это и правда было ЧП. Пал Палыч получил сегодня письмо от матери и отца Манича. Они писали, что Пал Палыч плохо воспитывает ребят, разрешает воровать чужое сало и высмеивать друг друга. В конце письма взрослые Маничи сообщали, что будут жаловаться на Пал Палыча и требовали немедленно отправить Манича в ПГТ.

— Мы сами читали письмо, — снова хором заявили две Иры. — Мальчики, надо спасать Пал Палыча.

Оказывается, Иры пришли к Пал Палычу в палатку, но там никого не было. В «Штукатурном деле» на столе они увидели конверт. Иры не хотели читать чужое письмо. Они прочли исключительно из-за Пал Палыча. Они сразу догадались, что Пал Палыч в опасности.

Но девочки зря тратили слова и объясняли, что и почему. Сейчас, когда Пал Палычу грозил неприятности, тайна переписки не имела для нас с Ленькой никакого значения.

Мальчишки возле девчонок всегда кажутся чуточку старше и смелее, чем на самом деле.

— Я не знаю, что я ему сделаю! — сказал я.

Ленька метнул краем глаза на Иру-большую и Иру-маленькую и заскрипел зубами.

Девчонки пришли в ужас. Ира-маленькая сложила ладони ковшиком и сказала:

— Мальчики, я вас умоляю, не надо. Манич хороший.

— Ладно, там будет видно, — сказал Ленька. — Пошли, Колька!

Манича нашли быстро. Он стоял возле волейбольного поля. На лице Манича была скука и меланхолия.

— Ты не торопись, — предупредил меня Ленька. — Надо культурненько.

Ленька подошел к Маничу и что-то шепнул ему на ухо. Манич недоверчиво смерил Леньку взглядом и замотал головой.

— Не, я не пойду...

— Вот же чудак! — сказал Ленька. — Ему говорят, а он... Правда, Колька?

Я немедленно подтвердил, что все это абсолютно правильно, и посоветовал Маничу идти с нами, пока мы с Ленькой не передумали. Куда идти и зачем, я, конечно, не знал и сам.

— Пошли, — сказал я Маничу. — Не пожалеешь.

Не знаю, что повлияло на Манича: сила убеждения, которая звучала в моем голосе, или заманчивое предложение Леньки. Но так или иначе Манич согласился. Дружески придерживая мироеда за талию, Ленька повел его в нашу палатку. Я шел на всякий случай сзади.

То, что произошло через несколько минут, было для меня таким же неожиданным, как и для самого Манича. Ленька привел Манича в палатку, обернулся ко мне и сказал:

— Запирай дверь!

Манич бросился к двери, но было уже поздно. Крючок щелкнул и мышеловка захлопнулась.

— Жаловаться? — шепотом спросил Ленька. — Грязью Пал Палыча обливать, седьмой-а позорить?

— Пусти! — застонал Манич.

— Сейчас пущу. Не торопись...

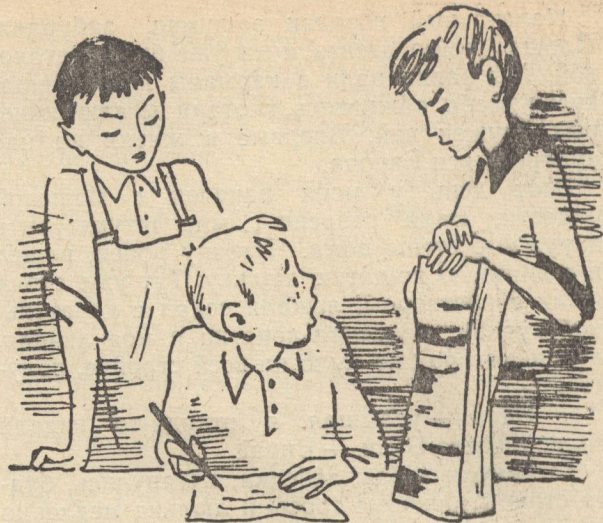
Ленька вынул из тумбочки чистую тетрадку, положил ее посередине стола, рядом поставил чернильницу и положил длинную обкусанную зубами ручку.

Странные приготовления на этом не окончились. Ленька подошел к печке, поднял с пола толстое с отставшей корой полено, попробовал на вес и обернулся к Маничу.

— Садись и пиши!

При одном виде полена Манич сейчас же полез за стол. Он даже не спросил Леньку, что придется писать — заметку в стенную газету или завещание с просьбой никого не винить в своей смерти.

В первую минуту я тоже побаивался за жизнь Манича, но потом успокоился. Ленька держал полено с поощрительной и вдохновляющей целью. Манич с тоской поглядывал

на это полено, на кончик пера и безропотно писал под Ленькину диктовку письмо своим родным.

Послание Манича к родным начиналось словами — «Я, ползучий гад и обманщик» и заканчивалось просьбой не присылать больше коржиков и сала.

Ленька заставил Манича дважды перечитать вслух готовое письмо. Манич кое-что отредактировал и подчистил во время диктовки. Вместо «ползучего гада» он написал «невоспитанный мальчик», а брехуна и очковтирателя заменил одним, более мягким и обтекаемым словом — «необъективный».

Ленька, видимо, был доволен ходом дела. Он посмотрел на меня, на Манича и сказал: — Ну что ж, можешь идти.

Оглядываясь, Манич вылез из-за стола и пошел к двери. И тут Ленька не удержался. Он примерился и впил Маничу босой ногой такой шикарный удар, которому мог позавидовать любой центральный нападающий.

Придерживая рукой ушибленное место, Манич вылетел в открытую мною дверь.

СИНЯКИ

После подъема, когда мы собирались с полотенцами на Вилюй, в палатку к нам примчался инструктор Ваня. Он был чем-то взволнован и поэтому спал словами без передышки. Понял как следует нашего инструктора только Ленька Курин. Видимо, это было потому, что Ленька целыми вечерами вертелся около Вани. В последнее время Ленька тоже начал говорить на повышенных оборотах и размахивать руками, как Ваня.

Ночью в наш поселок неожиданно-негаданно прикатили рабочие, которые будут добывать золото на Вилею. Ни один дом пока еще не готов и рабочие поселились вместе с женами и ребятишками в палатках и самодельных шалашах из сосновых веток. Ваня заявил, что мы должны нажать, разбиться в лепешку и так далее.

— Я на вас, ребята, надеюсь, — сказал Ваня. — На вас вся Европа смотрит!

Палаточный городок зашумел, забурился. Прошло минут десять, и мы уже были в столовой. Мы закидывали в карманы недоеденные куски хлеба, обжигаясь, глотали из алюминиевых кружек чай. Впервые в жизни на нас смотрела вся Европа.

Этот день у меня начался с большой радости. Ваня разрешил мне штукатурировать наружные стены дома. Чуточку робея, вошел я в длинную дощатую люльку. Тут уже стоял ящик с раствором, лежали сокол с коротенькой ручкой, железная лопатка и моя личная, лучше которой не было на всей стройке, полутерка.

— Вира! — услышал я откуда-то издали голос нашего Вани. — Вира!

Загремели зубцы лебедки, натянулись, будто струны, боковые тросы и люлька медленно пошла вверх — далеко-далеко, к белым, плывущим над крышей облакам, а потом еще выше — в самый-пресамый космос. Люлька легонько качнулась, ударилась бортом обо что-то твердое и остановилась. Я открыл глаза и увидел перед собой толстый деревянный карниз третьего этажа и заляпанное известью окно.

Сначала я немножечко трусил и все время хватался рукой за деревянный борт. Ваня стоял внизу и внимательно следил за каждым моим движением. Видимо, и ему было знакомо чувство первой радости и первого взлета. Это все-таки не шутка — загреметь вниз с третьего этажа!

Я взял в левую руку сокол, зачерпнул раствора и не торопясь, как учил Ваня, бросил в решетчатые ячейки дроби первую лопатку. Раствор лег тонким ровным слоем. Я мимоходом пригладил крохотные круглые раковины и снова, лопатка за лопаткой, начал класть раствор на стенку.

Я увлекся работой и теперь уже совсем забыл о пропасти, которая отделяла меня от земли. Припекало солнце, пружинили и тихо поскрипывали под ногой доски люльки. Ваня постоял еще немножко внизу и ушел. Я остался один на один с небом, солнцем и дерзким, гуляющим в вышине ветерком. Тонкие ручейки пота текли по лицу и падали тяжелыми солеными каплями на мои руки. Я не замечал усталости. Ваня разрешил работать в люльке только мне, Ленке и еще двум мальчишкам и двум девочкам. Как хотите, а это что-нибудь да значило!

Я оштукатурил угол дома и перешел на другую сторону люльки.

— Давай раствор! — крикнул я вниз. — Не задерживай!

Покачиваясь из стороны в сторону, поплыла

ко мне на стальном тросе бадья с раствором. Я опрокинул бадью в ящик и снова взял в руку сокол и легкую замашистую лопатку. Черт возьми, как все-таки хорошо быть штукатуром!

Возле палаток затрубил горн. Внизу забренчали ведра, лопаты. Около соседнего дома загрохотала лебедка. Это спускали вниз верхолаза Ленку Курина. Я даже не заметил, как пролетело время. Есть мне не хотелось ни капельки.

Меня спустили последним. Когда я выбрался из люльки, возле дома уже никого не было. Я стряхнул с комбинезона высохшие крошки раствора, вымыл под краном руки и отправился домой.

Я уже дошел до лиственницы, где дорога сворачивала в наш поселок, и вдруг услышал в стороне какой-то отчаянный крик.

Я свернул с дороги и пошел к новому лагерю. Вскоре я увидел маленького крикуна и какую-то девочку, очевидно, его сестру. Девочка сидела по-якутски на корточках возле палатки и чистила картошку. Брат стоял рядом и кричал таким превосходным басом и с таким вдохновением, что можно было позавидовать.

На мальчике была красивая, разорванная на животе безрукавка и черные, выдавшие виды трусы. Руки, ноги и даже шея крикуна были в синяках и длинных красных царапинах. Каждый синячок неизвестно с какой целью был старательно обведен вокруг химическим карандашом. Вблизи мальчишка немножко напоминал пятнистого леопарда.

Я поздоровался с девочкой и спросил, почему воет без передышки владелец шикарных синяков. Девочка бросила в миску с водой очищенную картофелину и неохотно сказала:

— А ну его. Он из меня всю кровь выпил. Сам ударился, а на меня все сваливает. Он у нас всем недоволен. Он только себя любит. Мама сказала — если у него будут новые синяки, она меня накажет.

— А почему у него синяки в кружочках? — спросил я.

Девочка улыбнулась краешками губ, но потом снова стала серьезной.

— Это я обвела. Он сам синяки набил, а моих тут нет.

Я хотел посоветовать девочке ставить возле каждого синяка номер. Так легче и проще вести учет. Но потом я передумал. Зачем мне навязывать свои методы.

Мальчишка услышал, что мы заговорили о синяках, и снова взвыл таким отчаянным басом, что я даже уши заткнул.

Я — гуманный человек и всегда выступаю

против телесных методов воспитания. Но тут я не выдержал, снял с комбинезона ремень и потряс им в воздухе.

— Если ты не прекратишь, — сказал я, — я сделаю из тебя шашлык. Учти!

Эффект был поразительный. Мальчишка мгновенно смолк. Он смотрел на меня снизу вверх угольно-черными глазами и, кажется, даже не дышал.

Девочка с благодарностью взглянула на меня.

— А вы кто будете? — вежливо спросила она. — Вы тоже с папой и мамой приехали?

Когда тебя называют на «вы» такие приятные и самостоятельные девочки, ты сразу становишься на голову выше. Я затянул ремень на самую последнюю дырку, еще раз строго посмотрел на крикуна и стал рассказывать девочке, кто я такой, как и почему приехал на строительство нового поселка. Времени у меня было в обрез, но все равно я успел рассказать про наш класс, Леньку Курина и даже про то, что сегодня я работал в люльке возле самой крыши трехэтажного дома.

МЫ ПРИНИМАЕМ РЕШЕНИЕ

В субботу возле столовой появилось объявление:

«Сегодня состоится общее собрание строителей. Явка обязательна».

Пал Палыч сказал, чтобы мы привели себя в порядок и тоже пошли на собрание. После обеда наша палатка превратилась в комбинат бытового обслуживания. В руках ребят мерцали иголки, посвистывали сапожные щетки, не остывая ни на минуту, потрескивал электрический уют.

У дверей с вафельным полотенцем на шее сидел Ленька Курин. Деловито щелкали ножницы, на пол бесшумно падали длинные и черные, как сажа, Ленькины волосы. Леньку стригли по специальному заказу, под «ежа».

У меня тоже было немного дел. Дня два или три тому назад у ботинка отпала подошва. Она подвертывалась кренделем и временами так отчаянно хлопала, что все оборачивались и смотрели на меня. Я задираю ногу выше, чем надо, и даже пытался ходить задом наперед. Но и это тоже было не совсем удобно и прилично.

Я не собирался выступать на собрании, но все равно в таком ботинке идти не решился. Я разыскал кусок проволоки, пробил гвоздем две дырки и закрутил концы мертвым морским узлом. После починки ботинок раздался

И еще я предложил девочке дружить со мной и пригласил ее к нам на костер. Мальчишка тоже изъявил готовность идти на костер. Я разрешил. Пускай только сначала перевоспитается.

Иногда очень трудно понять и оценить встречу с незнакомым человеком. Пройдет время, и ты вдруг вспомнишь ее всю до самой последней черточки, увидишь, какой след оставила она в твоём сердце.

Так случилось и со мной. Через несколько дней я вспомнил девочку и ее крикливого, покрытого синяками братишку. И тут, может быть, впервые в жизни, в мою душу заползло смутение. Я подумал, что и сам, в сущности, ничем не отличаюсь от мальчишки с синяками. Так же, как и он, я люблю только себя и если придется туго, пытаюсь свалить свою вину на других. Я вспомнил все свои проказы и пакости, пересчитывал их, будто синяки, и тут же обводил вокруг чернильным карандашом.

Все это были мои личные синяки. Винить было некого.

в ширину и стал похожим на свинью с кольцом в ноздре.

Собрание решили проводить на вольном воздухе возле новых домов. В них уже поселились рабочие. Моя новая знакомая и мальчишка в синяках также перебрались в новый дом. Два дня назад я приходил к ним в гости. Отец и мать оставляли меня пить чай, но я отказался. Я только посмотрел, как они устроились и проверил штукатурку. Все было в полном порядке.

Когда мы пришли к новым домам, народу там уже было полно.

Я сел на скамейку рядом с Ленькой, стал смотреть и слушать. Сначала выбрали президиум, потом прораб Афанасьев начал делать доклад. Афанасьев докладывал без бумажки и поэтому у него получалось не совсем складно. Он часто повторял одно и то же и при этом страшно смущался и все время вытирал лицо и шею платком. Я вынул втихомолку письмо, которое получил сегодня от отца, и стал перечитывать. Такое можно было читать не только сто, но и двести раз.

Отец писал, что у него с мамой тоже все в порядке. Он благодарил за письмо и обещал, что обязательно пошлет на озеро какого-нибудь геолога. В письме так и было написано: «Благодарю тебя, сын. Я вижу, ты немного поумнел.»

Я снова принялся перечитывать письмо. Но тут Ленька Курин толкнул меня под скамейкой ногой.

Ленька привел меня в чувство не зря. Я чуть-чуть не прозевал самого главного. Прораб начал говорить про наш класс и про седьмой-б. Он признал свои ошибки и публично заявил, что мы все работали на совесть и заслужили самой высокой оценки по пятибалльной системе.

— Это, товарищи, если хотите знать, самые настоящие масштабные ребята, — сказал прораб. — Давайте скажем им спасибо и похлопаем в ладоши.

Нам аплодировали и даже кричали «ура».

Прораб взял длинный список и стал выкликать награжденных. Первым к столу подошел плотный якут. Только тут я узнал, что его зовут Василием Григорьевичем. Мне стало стыдно. Василий Григорьевич встретил меня, как сына. Он подарил мне гвоздь, а когда я ушел из поселка, отправился искать вместе с ребятами. Как-то я встретил плотника в поселке и даже не поздоровался с ним. Сделать так мог только самый настоящий эгоист.

Прораб Афанасьев разорвал сверток и вынул оттуда прекрасный суконный пиджак. Повертел, чтобы все смогли видеть премию, и подал плотнику.

— Спасибо, Василий Григорьевич, за ваш труд, — сказал Афанасьев и пожал плотнику руку.

Василий Григорьевич натянул обновку поверх своего пиджака и пошел на место веселый и довольный.

— Ур-ра! — крикнул я. — Ур-ра!

Этим я хоть немного искупил свою вину перед хорошим человеком.

Премий было много. Одним доставались часы, другим — отрезки на костюмы, третьим — гармошки, четвертые получали самопишущие ручки и тут же пробовали острое пера на ногте большого пальца.

— Нам тоже дадут премии, — шепнул мне Ленька Курин. — Вот посмотришь!

Ленька не соврал. Прошло еще несколько минут и к столу вызвали Иру-большую. Иру премировали капроновой косынкой с розовыми и синими цветами. Ира-большая вытянула руки по швам и хотела произнести небольшую речь с выводами и моралью. Но прораб Афанасьев не понял движения Ириной души. Он выкликнул следующую фамилию и взял в руки новый сверток. Ира постояла еще немножко, как артист без роли, и пошла на свое место.

Прораб называл все новые и новые фамилии. Меня в списке, очевидно, не было. Кто я

такой, чтобы мне выдавать ценные премии, пожимать руку и кричать «ура».

Я страшно расстроился и даже не заметил, как встал и пошел к столу Ленька Курин. Ленька отхватил прекрасную гитару с красной лентой на грифе. Я почти с ненавистью смотрел на Леньку и на его гитару. У Леньки от рождения не было никаких музыкальных данных. Только зря вещь пропадает.

Ленька сел рядом со мной, положил гитару на колено и бренькнул по струнам всей пятерней. Вокруг засмеялись.

Прораб вызывал награжденных попеременно — то взрослых строителей, то учеников нашего класса и седьмого-б. Я уже потерял всякую надежду. Мне было обидно. Я работал вместе со всеми и даже штукатурил с люльки третий этаж. Сам Ваня говорил, что я молодец и, возможно, получу сразу второй разряд. Неужели они забыли всё это!

Еще немного, и я не сдержу себя и заплачу прямо при всех. Я уже хотел закрыть глаза рукой, чтобы строители не видели моего позора. И вдруг — радость без меры, счастье без конца. Прораб выкликнул мою фамилию.

Наступая на чьи-то ноги, выбрался я из-за скамеек и пошел к столу. Никогда в жизни не ожидал я такой премии! Прораб развернул сверток и подал мне самые настоящие рабочие сапоги. У них была твердая с рубчиками подошва, широкие кирзовые голенища и длинные полотняные ушки.

Я даже забыл поблагодарить Афанасьева. Прижал сапоги к груди и помчался на свое место.

Счастливей меня не было сейчас ни одного человека на свете. Я сбросил с ноги «свинью» с железным кольцом, надел правый, а потом левый сапог. Сапоги были чуточку велики. Но это ничего не значило. Если надеть шерстяной чулок, а сверху намотать толстую портянку, будет в самый раз.

Я уже не слушал, что говорил прораб и кого выкликал к столу. Я любовался своими сапогами. Такие сапоги не купишь в магазине. Такие сапоги можно получить только на стройке!

Собрание закончилось. Я шел домой в новых сапогах. Они приятно и мелодично поскрипывали, оставляли на земле четкие строгие узоры.

Возле палаток меня догнала Ира-маленькая. Она смущенно посмотрела на меня и сказала:

— Коля, я тебя тоже поздравляю, ты в этих сапогах очень хорошенький!

Только Леньки Курина не было видно на горизонте. А между тем, именно сейчас мне не

хватало общества этого человека. Я хотел прочитать ему письмо отца и еще раз показать свои сапоги. Если говорить объективно, мне выдали самую лучшую и самую ценную премию.

Волоча по земле ноги, чтобы не выйти из новых сапог, я отправился в тайгу. Вскоре я увидел своего приятеля. Ленька сидел на стволе поваленного бурей дерева и пощипывал струны гитары.

Я показал Леньке свои сапоги и прочел письмо отца. После того, как мы подробно обсудили письмо и попутно ругнули похитителя пиропов Манича, я задал Леньке вопрос на вольную тему.

— Ленька, — сказал я, — я видел на дереве надпись — «Л + И = любовь». Ты это в самом деле или просто так?

С Ленькой произошло то, что происходит со всеми влюбленными на свете. Он покраснел и смущенно опустил глаза.

— Это не твое дело, — сказал Ленька. — Подсматривать нечего...

Я напомнил Леньке, что подсматривать не имею моды и надпись обнаружил совершенно случайно. Если Ленька друг, тогда он скажет, а если нет, пускай сидит в тайге один со своей гитарой.

Друг всегда остается другом. Ленька открыл мне свое сердце и признался, что любит Иру-большую еще с третьего класса.

Я с ужасом слушал своего друга.

— Ты целовал ее?

Ленька смотрел на меня, как на человека, который ничего не смыслит в любви.

— Конечно, — серьезно сказал он. — Мы ж с ней влюбленные!

— И она что... не смазала тебя по шее?

Ленька улыбнулся.

— Нет, — беспечно сказал он. — Я сразу убежал.

Ленька раскрыл свою душу и вдруг насутился и помрачнел. Видимо, он жалел, что рассказал про Иру-большую и поцелуи. Но теперь мне до этого не было никакого дела. Я снялся с якоря и, теряя на ходу сапоги, помчался к Ире-маленькой. Я тоже хотел выяснить наши отношения. Я получил на стройке сапоги, штукатурил с люльки трехэтажный дом, а в школе получил за сочинение пятерку. Чем я хуже какого-то Леньки!

Иру-маленькую я нашел возле девчачьей палатки. Она сидела на скамеечке и скучала. Я набрался кое-как духу и запинаясь сказал:

— Ира, пойдем с тобой погуляем!

Лицо Иры озарилось улыбкой, а узенькие черные глаза засверкали, будто угольки востре.

— За цветами?

— Нет, мы погуляем просто так, — сказал я. — У меня тут одно дело...

Ира-маленькая не поняла намека. Она встала со скамейки и сказала:

— Ты, Коля, подожди немножко. Я пойду переоденусь.

Минут через пять Ира-маленькая вышла из палатки в новом розовом платье и капроновой косыночке, которую выдал сегодня Ире-большой прораб Афанасьев. Я посмотрел на Иру-маленькую и понял, что безумно влюблен в нее.

Мы вошли с Ирой-маленькой в тайгу. Было прохладно и сыро. На земле, усеянной тонкими сосновыми иголками, лежали, будто новые пятаки, солнечные блики.

Я знал по рассказам и видел сам, что все влюбленные ходят под ручку. Я подошел к Ире-маленькой и, умирая от страха, взял ее за рукав. Ира вежливо отстранила мою руку и, совершенно не думая о моей любви, сказала:

— Коля, не бери меня за платье, а то помнешь.

Я шел рядом с Ирой, как дурак, и не знал, что мне делать. Ира молчала и думала о чем-то своем. В глазах ее лучился мягкий, доверчивый и немного грустный свет.

Вечерело, а я еще даже не намекнул Ире про поцелуи, я не знал, как это делать — спрашивать разрешения или сначала поцеловать, а потом дать, как Ленька Куриц, стречка. Если спросить Иру — «да» или «нет», она ни за что

не ответит. Ира очень застенчивая и никогда не захочет целоваться с посторонними людьми.

Я даже пожалел, что затеял эту дурацкую историю с поцелуями. Но теперь отступить было поздно. Я сказал себе: «Давай, Колька, не трусь!»

Я подкрался к Ире, наклонился к ней и с разгону чмокнул ее в щеку.

Ира отшатнулась от меня и схватилась рукой за щеку, будто ее вовсе не целовали, а больно и незаслуженно ударили. Ира смотрела на меня несколько минут, а потом вдруг закрыла лицо рукавом нового розового платья и зарыдала.

Я стоял перед Ирой-маленькой, проклиная себя, Ленку Курина и вообще всех, кто выдумал эти глупые, никому не нужные поцелуи.

— Перестань, Ира, — сказал я. — Я ж нарочно. Разве ты шуток не понимаешь!

Ира плакала долго и безутешно. Но вот, наконец, она успокоилась и пришла в себя. Вытерла слезы сразу двумя руками, посмотрела на меня узенькими, покрасневшими от слез глазами и сказала:

— Коля, дай слово, что ты больше никогда не будешь меня целовать.

Я много пережил и перестрадал, пока плакала Ира-маленькая. Я дал клятву Ире, что больше никогда не буду ее целовать. Хватит уже с меня. Теперь я ученый!

На вечерней линейке Пал Палыч сказал, что наша производственная практика подходит к

концу и через три дня мы поедem в свой ПГТ.

Мы стояли на полянке возле палаток и молчали. Отшумела, отзвенела таежная жизнь. Теперь не догнать ее на веселом быстром олене, не вернуть, как песню, которую начали в одночасье да так и не успели окончить в коротком походе.

Прощай, тайга, прощайте, милые сердцу палатки и высокие, бегущие на косогор дома. Прощай всё...

Пал Палыч понимал наше настроение.

— Вы, ребята, не огорчайтесь, — сказал он. — Мы заработали немного денег и теперь можем поехать на экскурсию в Якутск.

Пал Палыч смолк на минутку, посмотрел на нас своими строгими и в то же время добрыми глазами и

вдруг, точно так как наш инструктор Ваня, сказал:

— Не хныкать. Выше голову, братва!

В горле у меня что-то загнулось и по лицу покатились слезы. Я не знаю, что творилось со мной в эту минуту. Я поднял голову и, сдерживая себя изо всех сил, прохрипел:

— Пал Палыч, мы никуда не поедem. Они тут работают, а мы будем там... Я не хочу...

Где-то рядом со мной всхлипнула Ира-маленькая, украдкой вытирала глаза Ира-большая. Строй дрогнул и глухо загудел.

— Тише, ребята, — негромко, но очень внятно и твердо сказал Пал Палыч. — Я этого вопроса один решить не могу. Напишите домой. Если родные согласятся, мы останемся еще на полмесяца или на месяц. А в Якутск поедem потом. Правда?

— Правда! — донеслось со всех сторон. — Потом поедem!

Пал Палыч подождал, пока стихнет шум, подошел к Маничу и тем же негромким спокойным голосом сказал:

— А тебе, Маниченко, я разрешаю ехать. Я не задерживаю.

По линейке с одного конца в другой прокатился гул. Мы не желали позорить свою школу и свой боевой седьмой класс. Если оставаться, значит, оставаться всем. До одного человека!

Ленька поднял руку, призвал всех к тишине и сказал:

— Пал Палыч, пускай Маниченко остается.

Мы его перевоспитаем. Мы берем Маниченко на поруки.

— Леня, я думаю, об этом должен прежде всего сказать сам Маниченко. Правильно я говорю или нет?

Пал Палыч был прав на все сто процентов. Мы прекратили шум и стали ждать, что скажет в эту критическую, а может быть, даже роковую для себя минуту сам Манич.

Манич долго пыхтел, топтался на месте, как привязанный медведь, а потом набрался, наконец, духу и глухо сказал:

— Пал Палыч, я остаюсь...

БЕСЕДА БЕЗ СЛОВ

Прошло три дня тревог и ожиданий. Все мальчишки и девчонки получили ответы на свои письма. Только мне не было ничего — ни письма, ни телеграммы, ни открытки. Я ходил сам не свой. Неужели придется уезжать?

В мыслях у меня уже рисовалась картина мрачной, одинокой жизни. Все подумают, что я малодушный человек, не выдержал трудностей и дал деру со стройки. Даже в библиотеку сходить не рискнешь. Днем появляться на улице стыдно, а ночной библиотеки у нас нет. Придется сидеть целый день дома, изобретать мышеловку и читать старые, читанные-перечитанные книжки.

Все строители знали про мою беду. Успокаивать меня приходил и Пал Палыч, и Ваня, и плотник Василий Григорьевич, и Ленька Курин, и две Иры.

— Чудак ты, — сказал мне Ленька. — Ты не уезжай и все. Если отец отлупит, у нас на чердаке будешь жить.

Манич тоже давал мне всякие советы и вил ся возле меня почему-то больше других. Я думаю, что все дело тут было в пиропе. На следующий день после линейки, где перевоспитывался Манич, я полез в карман комбинезона и вдруг нашупал там пироп. Комбинезон я уже стирал и сто раз вывертывал наизнанку. Никакими пиропами там даже и не пахло.

Но сейчас я не радовался даже пиропу, который подложил мне Манич. Завтра утром в ПГТ пойдет грузовая машина. Пал Палыч не посмотрит, конечно, на меня и отправит домой. Я Пал Палыча знаю. Он слов на ветер не бросал никогда.

Был обеденный перерыв. Я лежал на койке и страдал.

В палатку протиснулся дневальный с красной повязкой на рукаве. Он повертел головой, убедился, что все спят, и приложил, как в лесу, ладони ко рту.

Манич напрасно думал, что ему все так легко сойдет с рук. Никто не хлопал в ладоши и не кричал Маничу «ура». Все молчали. Мы хотели, чтобы Манич посмотрел в лицо своим недостаткам и полностью перестроился.

Манич понял это. Он поднял голову, жалобно посмотрел на Пал Палыча и сказал:

— Пал Палыч, я перевоспитаюсь. Я буду хороший...

Такого шума и такого гама не было ни на одной линейке в мире. Мы — сильные и гуманные люди. Мы перевоспитаем Манича. Мы сделаем из него человека, черт возьми!

— Квасни-и-цкий, — зашипел он. — Иди скорее, отец приехал.

Не понимая, я поднял с подушки голову.

— Чего тебе надо?

— Иди-и, отец приехал. Точно тебе говорю. Он возле прорабской ждет.

Я вскочил с кровати, как ошпаренный. Натянул дрожащими руками комбинезон, всунул ноги в свои премиальные сапоги и помчался в прорабскую.

Возле низенькой дощатой будки стояла грузовая машина. Подняв серый ребристый капот, в моторе копался шофер. Отец сидел на скамейке возле прорабской, курил и ждал меня.

Я хотел подбежать к отцу и поцеловать его в щеку. Но подумал мгновение и сдержал свои чувства. Мужчины должны встречаться, как мужчины. Я подошел к отцу и протянул руку.

— Здравствуй, папа!

Отец поздоровался и усадил меня рядом на скамейку.

— Ну, как ты тут живешь, Коля? — спросил отец, разглядывая мой поблекший от стирки комбинезон и премиальные сапоги.

И он еще спрашивает, как я живу!

— Почему ты не ответил на мое письмо? — спросил я.

Отец обнял меня за плечи, притянул к себе.

— А зачем писать? Я сам приехал вместо письма. Ты не доволен?

Судьба моя, все, о чем я думал три последних ужасных дня, должны были решиться сейчас, в эту минуту.

— Значит, ты разрешаешь, папа?

— Конечно, разрешаю, — твердо и, по-моему, даже с какой-то радостью сказал отец. — Мы с мамой обсудили. Профессия штукатура очень хорошая. Это тебе не то что какой-то король джаза...

— Я, папа, про короля не говорил. Это

Ленька Курин. Ты ж знаешь, какой Ленька человек...

Отец отпустил мое плечо и посмотрел в глаза, будто проверял — в самом деле говорил про короля джаза Ленька Курин или я хитрю и сваливаю свою вину на других.

Взгляд мой был тверд и ясен.

Отец закурил новую папиросу, отряхнул серый ноздреватый пепел и, продолжая начатый разговор, сказал:

— Все вы хороши — и ты и Ленька. От стыда сгоришь за ваши сочинения...

Первый раз в жизни отец так обстоятельно разговаривал со мной на моральные темы. Я не хочу вмешиваться в дела взрослых, но я думаю, что мужской разговор с выводами и моралью иногда тоже полезен. Я слушал отца, наматывая все на ус и перевоспитывался.

Когда отец закончил, я спросил про геолога, которого он отправил на озеро. Оказалось, отец схитрил и написал мне в письме совсем не то, что было на самом деле. Отец сам поехал в тайгу и разыскал возле озера в небольшом ручейке красные камни пиропы.

...Я начал разматывать клубочек с пиропом, а отец закончит и доведет до победного конца. Это очень приятно, когда нужное и полезное дело делают и сын, и отец, и вообще вся семья. Я не сомневался, что нас с отцом ждет впереди удача. Отец отправился по красной тропе пиропов и найдет кимберлитовую трубку. И тогда только надо вбить рядом колышек, чтобы не потерять заветное место и дать новому месторождению алмазов название.

Я намекнул отцу про колышек и чернильный карандаш.

Отец посмотрел на меня своими черными хитроватыми глазами и сказал:

— Ты знаешь, Коля, я совсем упустил это из виду. У тебя есть какое-нибудь предложение?

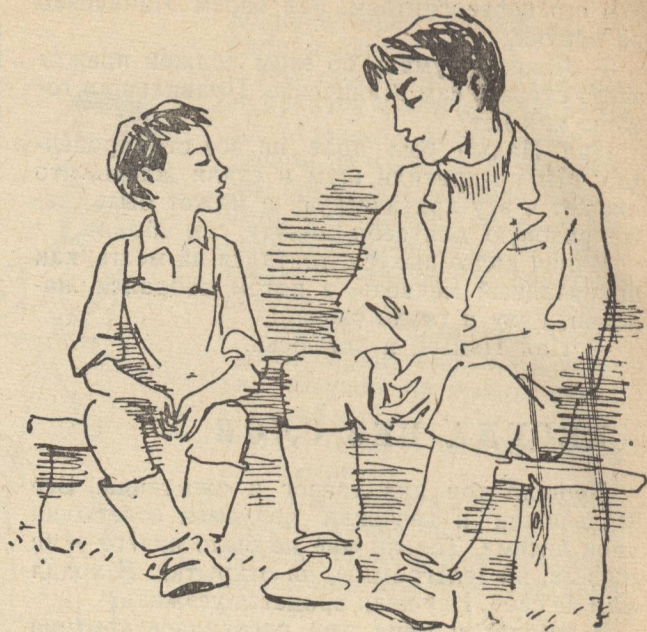
— Покамест нет, папа...

Отец нахмурил брови, подумал минутку и сказал:

— Давай назовем месторождение Егоркиным. Как ты думаешь?

— Ну конечно, папа, какие могут быть разговоры!

Отец разговаривал со мной ровно полчаса. Он приехал вместо письма, а письмо, даже самое интересное и приятное, не бывает без конца. Отец торопился. Впереди у него были важные дела. Он уезжал разыскивать Егоркино месторождение алмазов.

— До свидания, сын!

— До свидания, папа!

Машина заревела, покачалась из стороны в сторону и, подпрыгивая на ухабах, помчалась вперед. Я вспомнил про свой пироп на толстой суровой нитке. Но было уже поздно.

Ну, ничего. Счастливой тебе удачи, папа! Я оставлю красный камень пироп на память о маленьком якутском мальчике Егорке, отважном солдате и настоящем человеке.

Добрые вести не лежат на месте. Через десять минут седьмой-а и седьмой-б знали, что ко мне приезжал по специальному делу отец и разрешил мне остаться на стройке. Поздравляли меня и Ленька Курин, и Ира-большая, и Манич. Только Ира-маленькая не разделяла почему-то общего ликования и восторга. Она грустно смотрела на меня издали и временами вытирала ладонью заплаканные покрасневшие глаза.

Я подошел к Ире-маленькой и спросил, что с ней случилось. Ира ждала этого вопроса. Она тяжело вздохнула и голосом, в котором дрожали и перекатывались, будто серебряные горошины, невыплаканные слезы, сказала:

— Коля, Леня Курин сказал, что сегодня Пал Палыч будет проводить с нами беседу на тему «Кем ты хочешь быть?»

Ну и чудачка же эта Ира. Нашла о чем говорить! Если меня растолкают ночью и зададут такой вопрос, я отвечу немедленно, без всякой запинки. Теперь меня уже никто не собьет с толку. Даже Ленька Курин!

Мои слова и мой бодрый тон не успокоили

Иру-маленькую. Она оглянулась по сторонам и, снизив голос до шепота, сказала:

— Коля, можно сказать Пал Палычу, что я хочу быть балериной?

Только тут я понял, какие сомнения терзали Ирину душу. Я потер для виду пальцем висок, подумал минутку и разрешил Ире-маленькой говорить с Пал Палычем и быть балериной. В конце концов, если хорошенько разобраться, балерины тоже масштабные люди...

Вечером мы все пришли с Пал Палычем на берег Вилюя. Мы часто приходили сюда. Поговорить, помолчать, подумать о своей жизни. Из тайги неслышным лисьим шагом вышел и прилег у самой воды синий вечер. И только где-то далеко-далеко, почти у самого горизонта, светилось, остывая на глазах, легкое белое облачко.

Потрескивал, отгоняя комаров, дымокур. Я сидел возле огонька и смотрел на Пал Палыча. Если Пал Палыч спросит меня, я поднимусь и скажу ему о нашем решении.

Мы окончим школу и всем классом пойдем на какую-нибудь новую большую стройку. Я не хочу говорить ничего плохого о седьмом-б. Там тоже масштабные ребята. Но лично я думаю, что впереди всегда будет наша бригада. Наш класс гремел и будет греметь на всю тайгу!

Пал Палыч не начинал почему-то разговора. Может, Ленка соврал, а может, Пал Палыч передумал спрашивать нас, кем мы хотим быть. Пал Палыч курил свою бесконечную папиросу, задумчиво и даже как-то нежно поглядывал на нас. По-видимому, Пал Палычу все было ясно без слов. Масштабных людей видно всегда. Даже тогда, когда они молчат.

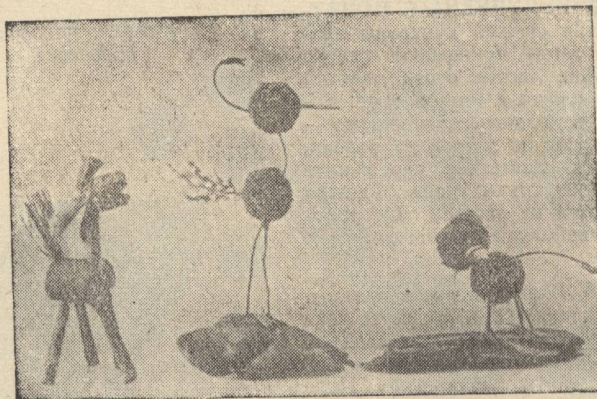
Конец

Как стать волшебником

Рассказывает педагог Ленинградского Дворца пионеров
Анна Васильевна Ефимова

Прежде чем читать, всякий настоящий читатель рассматривает картинки. Если картинки понравятся — принимается за чтение. Я надеюсь, ребята, что картинки к этой статье вам понравятся, и вы решили не только прочесть статью, но и научиться делать такие же забавные игрушки, как те ленинградские школьники, работы которых вы здесь видите.

Я уверена, что каждый из вас может сделать много интереснейших вещей. Стоит только захотеть. А главное,

Пробка

Плодовые головки платана

помнить условие: научиться видеть и фантазировать.

Вспомните, сколько раз наблюдали вы за облаками, похожими на диковинных зверей, великанов, парусные корабли... А снежные узоры — чего только не рисует на стеклах мороз!

Вы приходите в лес. И тут на каждом шагу неожиданности, чудеса. Вот старый пенек, а на нем нарост. Вглядитесь, взгляните, не проходите мимо! Ведь это что-то лицо... Глаза устало прикрыты, широкий нос, скулы, а ниже — зеленая мшистая борода: дед-лесовик...

Пойдем дальше и будем внимательно присматриваться к деревьям, кустарникам, корням, сухим веткам. И может быть, увидим среди них бабу-ягу, лешего, змея-горыныча...

Солнце садится. Пора возвращаться домой. Вы пришли в лес налегке, а уходите с рюкзаком, туго набитым веточками, корешками, зеленым мхом, шишками, берестой, жемчужинами, древесными грибами.

Волшебники издавна славились умением делать из ничего нечто. В ваших руках с помощью перочинного ножа, столярного клея и мотка проволоки содержимое рюкзака скоро превратится в целое семейство забавных,

таинственных, веселых существ — каждое со своим характером и внешним обликом. Но для того, чтоб это волшебное превращение совершилось, вам надо стать мастерами своего дела, освоить его технику.

ШИШКА. Еловая, кедровая, сосновая. Из шишек можно делать зверей, птиц, человечков. Шишки скрепляют между собой столярным клеем, а для большей прочности стягивают мягкой проволокой, подведенной под чешуйки. На снимке вы видите лесовика — он сделан из пяти скрепленных между собой шишек. Шляпа и корзинка — из бересты, нос — из жемчуга.

Петушок сделан из кедровой шишки, ноги его — из цветной проволоки, гребешок и борода — красного сукна. Подставкой служит древесный гриб.

ЛИСТЬЯ КУКУРУЗНЫХ ПОЧАТКОВ. Листья свежей кукурузы эластичны и легко принимают любую форму. Сухие листья перед работой следует намочить в теплой воде. Хотите сделать человеческую фигуру — выгните каркас из гибкой проволоки, окутайте его листьями, перевяжите ниткой талию, руки, ноги. Одежда делается тоже из листьев. Для головы пойдет небольшая маковка.

СОЛОМА. Возьмите пучок соломы, согните его пополам и на месте сгиба крепко перевяжите ниткой. Другой пучок, поменьше, сплетите в виде косички — это будут руки. Подсуньте их под соломинки первого пучка и перевяжите ниткой «талию». Головку можно сделать из маковки или грецкого ореха, волосы — из льна.

Попробуйте — не получится ли у вас соломенная лошадка, олененок, птица. А чтоб солома не ломалась во время работы, сутки подержите ее в воде.

СУХИЕ КОРНИ И ВЕТКИ. Одни из них напоминают вам фигуру человека, другие — рыб, птиц. Вот корешок — вылитая ящерица, только ножек не хватает. Значит, нужно их добавить. Поищем подходящие кусочки дерева, близкие по цвету. Вырежем ножки и приклеим их столярным клеем или БФ-2.

РЕЧНЫЕ И МОРСКИЕ РАКУШКИ. Давайте смастерим из них птичку. Вылепим из глины туловище, вместо головки насадим ракушку соответствующей формы. На крылья пойдут длинные раковины. Хвост сделаем из перьев, а ноги — из прутиков. Для подставки подойдет кусок сосновой коры.

Зеленые каштаны

А теперь придумайте сами — что еще можно сделать из ракушек. Только не раскрашивайте их, самый красивый цвет — естественный.

Пробка, маковка и береста

КАШТАН. Свежий каштан легко разрезается ножом. Поэтому для работы надо брать еще не высохшие плоды. Найдите на снимке утенка. Он сделан из колючих незрелых каштанов. В месте их соединения сделаны зазоры, и плоды плотно скреплены друг с другом при помощи проволоки. Клюв и лапки утенка вырезаны из красного сукна.

(Вообще наиболее трудная и увлекательная задача состоит в том, чтобы сделать всю игрушку из природных материалов, не прибегая к помощи материи, пуговиц и т. п.)

Пробка и трут

РЕПЕЙНИК, ЖЕЛУДИ, ФИГУРНАЯ ТЫКВА, ОРЕХОВАЯ СКОРЛУПА...

Да разве все перечислишь! У северян одни растения, у южан — другие. На востоке и западе — свои. Поэтому чем больше ребят примет участие в творчестве, тем интереснее и разнообразнее получатся игрушки, тем больше открытий и волшебных превращений нас ждет.

Приближается лето — самая лучшая пора для сбора природных материалов. Запасайтесь, друзья, и — за работу!

Кукурузные листья

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС НА САМУЮ ИНТЕРЕСНУЮ, САМУЮ ОРИГИНАЛЬНУЮ ИГРУШКУ ИЗ ПРИРОДНЫХ МАТЕРИАЛОВ. СРОК КОНКУРСА — 1 ОКТЯБРЯ 1964 ГОДА. ГОТОВЫЕ ИГРУШКИ ПРИСЫЛАЙТЕ В РЕДАКЦИЮ „КОСТРА“ НАДЕЖНО УПАКОВАННЫМИ.

Игрушку надо поме-

Солома и маковка

Соцветие мордовника (эхинопс)

Кедровая шишка

Еловые шишки

стить в фанерный ящичек или коробку из толстого картона и обложить вокруг скомканной бумагой, чтоб игрушка не ударялась о стенки.

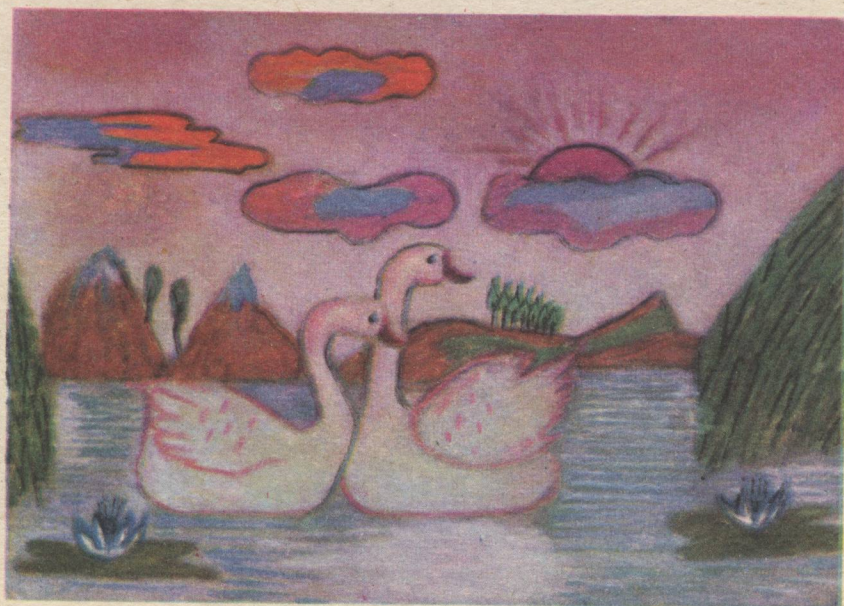
По окончании конкурса все игрушки будут возвращены их авторам. **ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДУТ ПРЕМИИ И НАГРАДЫ.**

Веточка и жёлудь

Лён

КАКОЙ РИСУНОК ЛУЧШЕ?

Эти два рисунка прислала в редакцию шестиклассница Таня Соболева. Какой из них вам больше нравится?

— Мне больше нравится рисунок «В спортзале», — говорит главный художник «Костра» Юрий Полиенович Мезерницкий, — потому что...

Хотите узнать, почему — читайте дальше.

...Да, в первом рисунке у тебя, Таня, много хорошего. Удачна композиция, то есть, размещение на листе всего изображенного. В самом деле, нарисовано довольно много: пять девочек, две пары колец, спортивные маты, баскетбольный мяч, гантели, окно с цветком, а за окном дерево... — но ничто не мешает, не кажется лишним. Это трудная задача — разместить на небольшом листке бумаги так много предметов, и чтоб они не теснили друг друга. На этом рисунке все хорошо видно, или, как говорят художники, хорошо «читается». Жаль только, Таня, что девочку в красном ты нарисовала на первом плане такой маленькой. Нужно внимательно подмечать, как меняются размеры предмета в зависимости от расстояния.

Рисунок «В спортзале» хорошо передает ощущение бодрости спортивных занятий. Со вкусом подобраны основные цвета: синяя футболка девочки с обручем, красноватый пол, оранжевый мат, бледно-голубая стена.

А теперь о втором рисунке. Откуда взялись эти «Лебедей»? Похоже, что они срисованы с настенного коврика. Такие коврики когда-то

в изобилии продавались на рынке, их рисовали не художники, а бессовестные мазила, не имеющие никакого отношения к искусству, но желающие на нем заработать. Рисовали десятками, грубо размалевывали и продавали не понимающим в искусстве людям. Те брали на расхват: ярко и дешево!

Теперь ты понимаешь, Таня, почему не следует копировать таких «Лебедей», которые, кстати сказать, больше похожи на гусей...

Тому, кто хочет серьезно учиться рисовать и писать красками, вообще нежное срисовывать чужие картинку. Рисовать надо с натуры — небо, землю, людей, животных; или фантазировать на любые темы, выдумывать «из головы».

И запомни, Таня: хороший вкус — очень важная часть таланта. Без него даже очень умелые художники остаются всего лишь ремесленниками. Приглядишься к природе — как все в ней гармонично! Чаше рассматривай книжные иллюстрации, репродукции, знакомься с народным искусством — вышивками, резьбой по дереву, керамикой. Вкус можно и должно развивать.

ЧТО?

ГДЕ?

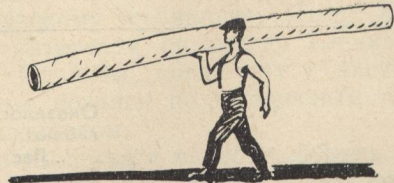
Есть в нашей стране районы, где солнца много, а воды мало. В этих засушливых местах подают воду на поля по трубам. Для орошения, как правило, применяются цементные трубы. Изготавливать такие трубы нелегко, а требуется труб много.

Разработали новый вид труб — из полиэтилена. Гидротехники сконструировали машину, которая делает их необычным способом.

Широкой полиэтиленовой лентой забинтовывают форму. Места соединения краев ленты обжимают и склеивают. Проходит минута, другая. Поворот рычажка машины, и форма сжимается в диаметре, с нее снимают готовую, изгибающуюся, как змея, трубу. Полиэтиленовой лентой можно обмотать форму круглую и овальную, и даже многоугольную.

Труба из асбеста и цемента весит килограммов триста, ее надо везти на автомашине, а полиэтиленовую трубу может поднять один человек.

Полиэтиленовые „змеи“

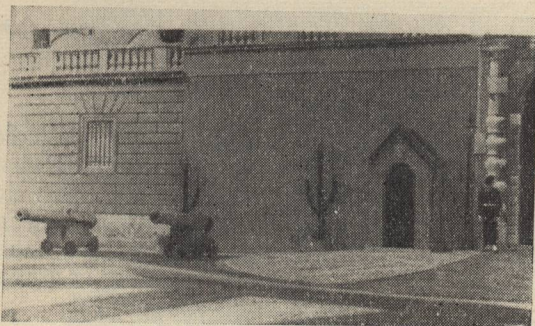
Дом в плаще

Дома из газосиликатных и пенобетонных плит — не новинка в больших городах. Но в одном эти плиты уступают камню — промокают во время дождя. Словно губка впитывают влагу. Для таких домов потребовалась специальная краска. Сотрудники Московского института железобетона составили необходимый рецепт. Для изготовления краски взяли латекс — из него делают детские воздушные шарики разного цвета. Латекс смешивают с краской и мелом, добавляют немного химического раствора, отбеливающего ткани, разбавляют смесь водой и — краска готова. Покрасят дом этой краской, пористый бетон впитает воду, и латекс снова превратится в пленку, такую же тонкую, как в цветном воздушном шарике. Дому в таком «плаще» не страшен дождь.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

Как в настоящем государстве

Здесь все как в настоящем государстве: и своя армия, и свои пушки. Важные гвардейцы в пышной форме охраняют замок принца Монакского. А все государство можно проехать за какие-нибудь полчаса.

Рассказывают, что недавно между Францией и Монако произошел пограничный конфликт, и больше всего пострадал... спортивный клуб. Теперь одна половина поля находится во Франции, другая — в Монако.

Но — шутки шутками, а сюда, в это карликовое государство стекаются огромные деньги. Со всех концов света съезжаются в Монако бездельники. Знаменитые игорные дома привлекают их. Нередко за одну ночь какой-нибудь капиталист здесь проигрывает больше, чем рабочий может заработать за всю свою жизнь.

Фото Б. Никольского

Круглый год выращивать десятки тонн овощей. Продвинуть фруктовые сады еще дальше на север...

Пройдет всего несколько лет и это станет возможно: искусственная — полиэтиленовая пленка защитит нежные растения от холода. Такая пленка хорошо пропускает солнечные лучи и сохраняет тепло, а огурцы и помидоры, выращенные под ней, сочны, ароматны и вкусны.

Прочнее металлической

Теперь уже не скажешь — хрупкое, как стекло, а если скажешь, то ошибешься.

В нашей стране стали производить строительные материалы прочнее железобетона — стеклобетон. В железобетоне под бетонной одеждой каркас из железных прутьев — арматура. В стеклобетоне — стеклянные нити, смешанные с пластмассой. Это уже не стекло, а стеклопластик. Из такого пластмассового стекла можно делать тонкие пружины прочнее металлических.

Голубые гортензии

Химики меняют окраску растений, добавляя в почву разные соли. Розовые гортензии от алюмо-аммиачных квасцов или солей железа становятся голубыми. Голубой оттенок розам придают медные стружки. Листья растений от марганца становятся светло-зелеными, от меди — сизыми.

Сколько лет пластмассе?

Ответ на этот вопрос есть в записках римского историка Плиния. Он сообщает, что во времена императора Тиберия художник, имя которого неизвестно, изобрел плексиглас. Когда художник принес императору изделия из плексигласа, властитель Рима — вместо награды — приказал отрубить изобретателю голову, разрушить мастерскую, уничтожить рецепт изготовления чудесного материала. Император боялся, что плексиглас станет дороже золота и серебра...

Хвойная лапка

Оказалось, что от тех веществ, которые содержатся в хвое, микробы погибают.

...Лес распиливают на бревна, бревна увозят, сучки и хвойные лапки бросают. Долгое время хвойные лапки никому не были нужны. А ведь в простой сосновой лапке есть хлорофилл и крахмал, витамины, фитонциды и смола.

Активное исследование ценных свойств хвои началось давно. Но научным опытам помешала Великая Отечественная война. И все-таки не прекращалось изучение хвойной лапки в осажденном Ленинграде: фронту нужны были лекарства.

В лаборатории Лесотехнической академии была получена хвойно-каротиновая паста-смола. Эта вязкая жидкость стала применяться для лечения раненых, обмороженных, тяжело больных. Самые страшные ожоги заживали под густой массой чудодейственной смолы...

Опыты продолжались и после войны. И наконец удалось отделить хвойно-каротиновую пасту от смолы. Паста из хвойной лапки теперь легко смывается водой, хотя и не потеряла своих целебных свойств.

Уже давно люди заметили, что в сосновом бору особенно легко дышится, что лесной воздух живителен, способен исцелить больных.

ВЕЛОСИПЕДЫ ЛЕНИНА

Владимир Ильич увлекался разными видами спорта. Любил он охоту, коньки, шахматы. Очень любил езду на велосипедах.

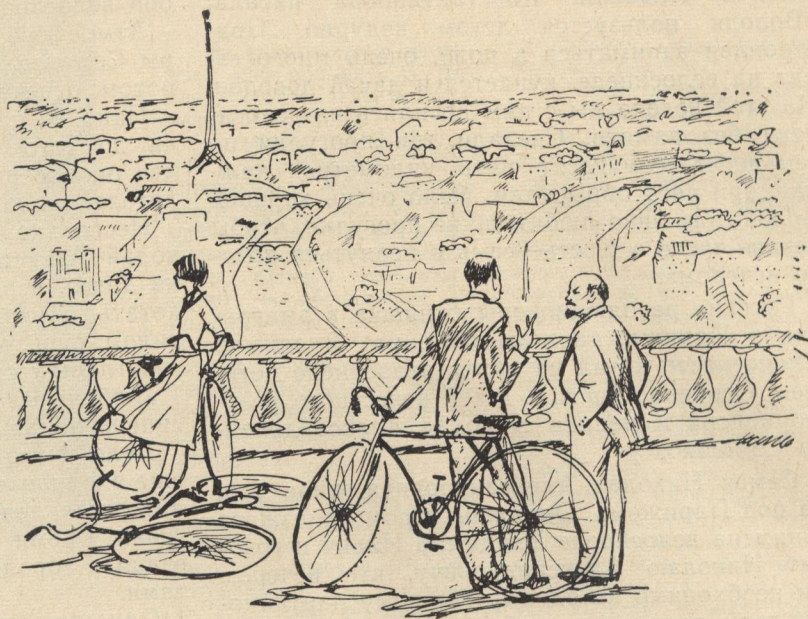
В 1909—1912 гг. Ульяновы жили в Париже. Париж — город громадный, а Владимиру Ильичу приходилось ежедневно ездить в библиотеку и другие места. Можно было, конечно, добираться метро и другим городским транспортом, но это стоило дорого, а денег у Владимира Ильича и Надежды Константиновны было в обрез.

Жили Ульяновы первоначально на улице Бонье, а затем на улице Мари-Роз. И та и другая квартиры находились близко от красивого парка Монсури, где росли древние деревья и плавали лебеди в пруду, но зато очень далеко от Национальной библиотеки. Вот и решили обзавестись велосипедами.

В Национальной библиотеке Ленин просиживал обыкновенно шесть — восемь часов. Места для хранения велосипеда у самой библиотеки не было, а оставлять его где-нибудь далеко без присмотра было опасно: украдут.

Владимир Ильич обратился к консьержке (так во Франции называют швейцаров или старших дворников) одного большого дома с просьбой разрешить ему оставлять велосипед во время занятий на лестнице. Консьержка вначале отказала. У нее, мол, в доме живут важные господа, они могут выразить свое недовольство, если на лестнице будет стоять велосипед, да к тому же ей, бедной вдове, придется заниматься уборкой. Достаточно было, однако, Владимиру Ильичу вставить фразу о том, что он согласен платить 10 сантимов ежедневно, как все изменилось. Консьержка стала уверять, что лучшего места для велосипеда и не придумаешь, что он, Владимир Ильич, может спокойно заниматься, сколько ему угодно. На том и порешили.

Все шло прекрасно, пока в один прекрасный день велосипед не украли. Случилось ли это с ведома «бедной вдовы», или без нее — сказать трудно. Одно известно: на все претензии Вла-

димира Ильича консьержка кричала, что она не бралась стеречь велосипед, а лишь разрешила его держать на лестнице. Что оставалось делать политическому эмигранту из России? Молчать. Так Владимир Ильич и сделал.

Случай с недобросовестной консьержкой не умерил однако увлечения Владимира Ильича. Вскоре он купил другой велосипед.

Владимир Ильич сам занимался мелким ремонтом машины.

Один старик-парижанин по имени Жюль Эстакье, сосед Ульяновых, рассказывал недавно французскому журналисту Пьеру Жуэну, с каким интересом он всегда следил за Владимиром Ильичем, когда тот с засученными рукавами возился по воскресным дням со своим велосипедом.

Как только выдавался свободный день или даже час, Владимир Ильич брал велосипед и говорил, что «едет проветрить мозги на свежем воздухе».

Большей частью поездки эти были не очень далекими. Ездили, например, из деревушки Бонбон, где одно время жили Ульяновы, в Клармарский лес, расположенный в пятнадцати километрах. Однажды В. И. Ленин и Н. К. Крупская поехали на велосипедах в гости к дочери Маркса Лауре и ее мужу Полю Лафаргу, жившим в Дравейле, километрах в двадцати пяти от Парижа. Случались дни, когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна совершали настоящие путешествия.

В одном из писем к матери Владимира Ильича Надежда Константиновна писала: «Володя пользуется летом недурно. Пристроился заниматься в поле, очень много ездит на велосипеде, купается и дачей доволен. На этой неделе мы с ним носились на велосипеде без памяти. Сделали три прогулки по семьдесят—семьдесят пять километров каждая, три леса обрыскали, было очень хорошо. Володя страшно любит такие прогулки, чтобы уехать часов в шесть—семь и вернуться поздно вечером».

Русские революционеры, жившие в эмиграции в Париже, рассказывали, что Владимир Ильич часто катал на своем велосипеде детишек. Особенно часто — детей известного революционера и медика Николая Александровича Семашко.

Семья Николая Александровича жила тогда под Парижем... Однажды утром приезжает к ним на велосипеде Владимир Ильич и говорит Николаю Александровичу, что вечером им необходимо по одному важному партийному делу поехать на собрание. А так как до вечера еще времени много, добавил он, то не поехать ли на велосипедах «проветрить мозги»? Николаю Александровичу очень понравилось это предложение и они начали вслух обсуждать вопрос, куда бы это лучше поехать.

— А что, Владимир Ильич, — говорит Николай Александрович, — не катнуть ли нам на знаменитую «террасу»?

— Это что же за терраса?

— О, это чудесное место. Представьте себе длиннейшее возвышение в форме террасы, с которого открывается вид на Париж с Эйфелевой башней, всеми монументами, парками, зданиями...

Конечно, в эту поездку захотелось поехать и тринадцатилетней Гале Семашко. С помощью Владимира Ильича девочка уговорила отца, чтобы ее взяли с собой...

К сожалению, Галя была плохо тренирована. И вот, когда через несколько километров пути ехавший впереди Николай Александрович обернулся назад, он увидел странную картину: Владимир Ильич толкал в гору два велосипеда, на одном из которых восседала еще Галя, пот градом катился с его лица и он то и дело смешно нагибался, чтобы вытереться рукавом.

— Послушайте, Владимир Ильич, — сказал Семашко, — я врач, и уверяю вас, что с девочкой ничего не случится, если она сама поведет велосипед в гору...

Владимир Ильич молча продолжал катить оба велосипеда.

Атмосфера накалялась. На горячие уговоры Семашко Владимир Ильич, весь обливаясь потом, отвечал, что ничего с ним не случится.

Наконец настояния Николая Александровича до того рассердили Владимира Ильича, что он в сердцах крикнул: «Вот у таких родителей надо отбирать детей!»

Несколько секунд Владимир Ильич и Николай Александрович сердито смотрели друг на друга, и вдруг оба начали безудержно хотать. Лукавая Галя, напуганная гневным видом отца, глядя на них и сама залилась счастливым смехом...

Любовь Владимира Ильича к езде на велосипеде однажды чуть не привела к беде.

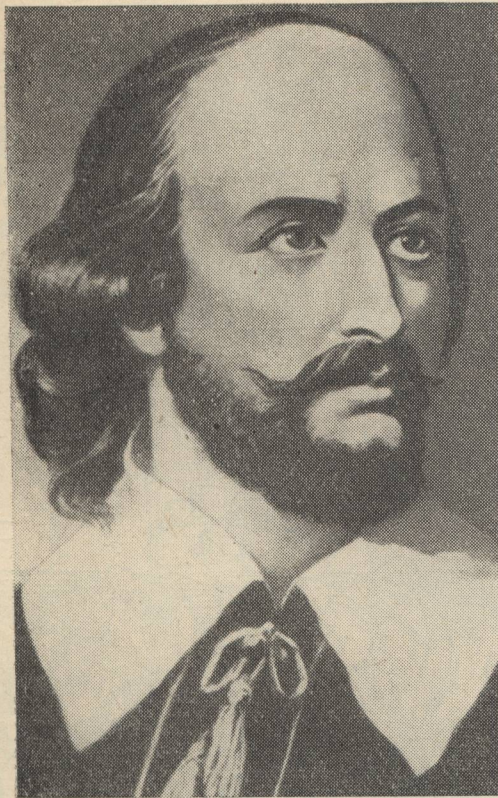
Дело было так. Аэропланы тогда только еще входили в моду, и Владимир Ильич очень интересовался этой новинкой человеческого гения. Время от времени он брал велосипед и ездил в городок Жювизи наблюдать за полетами.

Однажды во время поездки в Жювизи на Владимира Ильича наехал мчавшийся с бешеной скоростью автомобиль. К счастью, сильный и ловкий Владимир Ильич успел спрыгнуть с велосипеда и отскочить в сторону. От велосипеда остались лишь сплюсненные кусочки железа, а шофер-лихач успел скрыться. Вокруг Ленина собралась толпа сочувствующих. Все возмущались хулиганским поступком. Один рабочий даже успел заметить номер умчавшейся машины. Номер записали, а свидетели происшествия тут же сообщили свои имена и просили Владимира Ильича вызвать их, если нужны будут показания. После долгих поисков удалось разыскать владельца машины. Шофером-хулиганом оказался аристократ, который упорно все отрицал. Пришлось нанять адвоката, вызвать свидетелей и подать на титулованного бездельника в суд. На суде виконт (таков был титул этого лихача) всячески изворачивался, лгал и пытался во всем обвинить Владимира Ильича, который, мол, ехал не по правилам. Но все свидетели, в особенности рабочий, успевший записать номер машины, уличили его во лжи и заставили суд вынести справедливое решение.

В конце января 1910 года Владимир Ильич сообщил своей младшей сестре Марии Ильичичне, или как называли ее родные, Маняше: «Велосипедное мое дело кончилось в мою пользу».

На полученные по суду деньги Ульяновы купили третий велосипед.

ТРИ ЧАСА В „ГЛОБУСЕ“

23 апреля этого года исполняется 400 лет со дня рождения великого английского поэта и драматурга Вильяма Шекспира.

„От лиц самых образованных до тех, кто едва разбирает по складам,— таков круг его почитателей. Он был удачливым подражателем природы и благородным выразителем ее...“

(Из предисловия к самому первому изданию произведений Шекспира)

Совсем недавно случилось мне побывать в Англии, стране, где родился великий Шекспир.

Это было нелегко, попасть в знаменитый Шекспировский мемориальный театр сразу же, в день приезда, да еще когда все билеты полностью распроданы. Однако магическое слово — ленинградец — подействовало. Шеф-менеджер театра провел меня в сдержанно-жужжащий, переполненный зал и поставил к медному поручню, отгораживающему партер от прохода.

Давали «Двенадцатую ночь». Спектакль, полный волшебства, музыки, остроумия и головокругительного блеска. И вот, в антракте, я подумал, что мое стояние в партере в какой-то степени даже почетно.

Ведь подлинный шекспировский зритель, постоянно и неизменно преданный «Глобусу» и его гениальному драматургу, часами простаивал на представлениях, хотя бы той же «Двенадцатой ночи», да еще под открытым небом, и не всегда в хорошую, солнечную погоду. В те далекие времена на крытые боковые ложи и галереи были привилегией местной и приезжей знати: раззолоченных вельмож, состоятельных купцов, путешественников. А партер заполняло шумное собрание мастеровых, матросов, кожевников, рыбаков, словом, самого простого люда.

И так ясно представилась мне эта картина, что захотелось взяться за карандаш и тут же изобразить всю эту далекую старину на листе бумаги.

В театре «Глобус» не было ни ламп, ни свечей, ни сальных плашек. Большая рукописная афиша при входе предупреждала, что спектакль начинается в три часа пополудни, а в ненастные, осенние дни даже в два.

Задолго до начала к театру прибывали нарядные кареты, подплывали многовесельные лодки, тащились

на подводах крестьяне из ближних деревень.

Шутливо перебраниваясь с привратником, весело теснящаяся толпа заполняла мощный двор театра.

В этой толкотне курили, жевали табак и пахучий чеснок, тянули из глиняных кружек имбирное горькое пиво, галдели, смеялись, спорили. И все это были знатоки и ценители театра, непримиримые враги всяческой фальши и дурной актерской игры.

А в ложах тускло поблескивала тяжелая парча нарядов, переливались на солнце драгоценные камни перстней и ожерелий, светился атлас и бархат всех цветов и оттенков. Великосветские дамы презрительно поглядывали сквозь узкие прорези черных, кружевных полумасок. Веера из страусовых перьев отгоняли едкий табачный дым и чад партера.

Там, внизу, среди простонародья, попадались и набожные ханжи-пуритане. Они старались держаться стороной: зрелище хотя и заманчиво, но греховно, святая церковь осуждает бесовские игрища и развлечения. Женщинам и девушкам в те времена строго-настрого запрещалось выступать на сцене. Корделию, Джульетту, Дездемону, словом, все женские роли приходилось исполнять юношам и подросткам, не успевшим познакомиться с бритвой.

И вот, наконец, стук в дощатый пол сцены возвестил начало представления, и все смолкло.

В театре не было декораций.

— О долгая, мучительная ночь! — читал в полном молчании зала актер. — Умерь часы, пошли хоть луч с востока...

И, хоть солнце восточное припекало затылки, — перед глазами всей этой жадной до зрелищ толпы стояла глубокая, звездная ночь.

Полное ее впечатление создавал кусок черного сукна, растянутый на заднике сцены.

Если же действие происходило в комнате или во дворцовых покоях, — там же, в глубине стены вешали гобелен, выдвигали на просцениум золоченое кресло, изображавшее королевский трон. Иногда картину дополняла табличка с надписью ЛЕС или ПЕЩЕРА. Этого было достаточно, чтобы перенести доверчивого зрителя в новую обстановку.

Случалось и так, что внезапно во время действия между обитателями пышных лож и стоящей внизу толпой вспыхивали горячие затяжные перепалки.

Оглушительным дружным смехом, свистом и криками отвечал партер на негодующие возгласы знатных господ, если в спектакле задевалась честь напыщенных аристократов, обличались расточительство и обжорство богатей.

Тут уж дело едва не доходило до потасовки.

А какой шум, суматоха поднимались в партере, когда все принимались ловить воришку, стянувшего чей-то кожаный кошелек, туго набитый золотыми гинейми!

Вполне вероятно, что в подобных случаях сам Шекспир выходил к разбушевавшейся публике с призывом успокоиться и досмотреть спектакль до конца.

Вот так я думал и представлял себе старинный шекспировский театр, пока мой карандаш выводил на свет фигурки людей, о которых мне рассказали старые книги.

Здесь изображено немного из того, что я задумал. Конечно, мне и самому было бы интереснее нарисовать целиком всю сцену, весь партер, ложи и привратника-контролера. Однако для

этого понадобились бы не две странички, а гораздо больше.

Мне вспоминается пожелтевшее от времени стекло в одном из окон домика Шекспира в Стрэтфорде. На стекле этом оставили свои подписи Вальтер Скотт, Диккенс и многие другие замечательные классики мировой литературы.

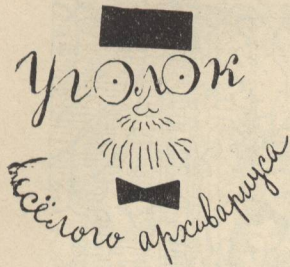
Там нет, к сожалению, подписи

Пушкина, путь которому за рубежом был закрыт волею русского самодержца. Но пусть не побывал Пушкин в Стрэтфорде, — дань любви и уважения отдал Шекспиру и он.

«Читайте Шекспира, — писал он в письме Раевскому, — читайте Шекспира, вот мой припев».

И этого прекрасного совета Пушкина мы не должны забывать всю свою жизнь.

Борис Семенов, художник

Из произведений Шекспира

БЫЛ ЛИ ШЕКСПИР ШЕКСПИРОМ?

... Будь верен самому себе.
И следственно, как дважды два четыре, Ни перед кем не будешь ты фальшив.

Страх — всегдашний спутник неправды.

... Истинному чувству не дано
Высказываться в громких выраженьях,
Оно без них само собой полно,
И нет ему нужды в их украшеньях.

Принимай мнение каждого — придержишься своего собственного.

Пусть порицают тебя за молчание — не бранили бы только за говорливость.

Небольшой огонь затоптать нетрудно, но дай ему разгореться — не потушить и реками.

Непрошенные гости зачастую приятны только по уходе.

Закружился — кружись в другую сторону.

Общая участь всех хвастунов: рано ли, поздно ли, а все-таки непременно попадешь впросяк.

При жизни Шекспира ни у кого, разумеется, не возникало сомнения в том, что этот человек живет на белом свете и сочиняет пьесы.

Лишь в середине XIX века на родине драматурга появился человек, утверждавший: «У Шекспира на жаловании состоял бедняк-ученый, который за определенную сумму снабжал драматурга своей ученостью». Но особенно постарались в распространении всяческих статей и книжонок на эту тему американцы. Тогда же в Америке появилось больше 160 книг и брошюр по этому поводу. Авторы лишь двадцати трех из них соглашались признать Шекспира Шекспиром.

Ученая, но крайне истеричная исследовательница, девица Делия Бэкон утверждала, что замечательные трагедии и комедии написаны целым кружком людей, во главе которых стоял философ Фрэнсис Бэкон. Она говорила, что документы, подтверждающие это, хранятся в гробнице Шекспира. Она поехала в Стрэтфорд, добилась позволения открыть гроб, обшарила его, но, конечно, ничего не нашла. После этого Делия сошла с ума...

Доказательства, приводившиеся сторонниками «бэконовской» теории, порой забавны. Так госпожа Потт изучила записные книжки Бэкона и нашла в них немало восклицаний, которые встречаются в произведениях Шекспира. Как-то: «аминь», «слава богу», «помилюйте» и т. д.

После провала «бэконовской» теории одна за другой появились «рэтлендовская» (утверждавшая, что «шекспиром» был граф Рэтленд), дербйская («шекспир» — граф Дерби), «оксфордская» («шекспир» — граф Оксфорд). Уж очень не хотелось аристократическим ученым признавать, что великий драматург был выходцем из простонародья.

Недаром наш Маршак написал:
«Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром,
Не сразу он из ряда вышел вон.
Века прошли, пока он целым миром
Был в звание Шекспира возведен.»

КАКОЕ ОБРАЗЦОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕК! КАК БЛАГОРОДЕН ЕГО РАССУДОК! КАК БЕЗГРАНИЧНЫ ЕГО СПОСОБНОСТИ! ОБРАЗ БОЖЕСТВА, КРАСА МИРА!

ВИТАМИН „А Ж“

РАССКАЗ

Рисунок Ю. Шабанова

Вл. Разумевич

С Симой Вобликовым в каникулы, когда он гостил у бабушки, приключилось что-то невероятное — он стал непохож сам на себя. Растолстел — не обхватишь! А все потому, что жил он фон-бароном: много ел и ничего не делал. Симиной полноты, пожалуй, хватило бы на целых двух мальчишек. А таких, как тощий Женька Харьков, из Симы можно было бы слепить сразу троих.

— Может, это от великой силы? — допытывался завистливый Женька. — Давай померяемся силой!

Стали поднимать огромный камень во дворе школы. Худенький Женька поднял, а Сима, как ни пыжился, ничего не мог поделать.

— В тебе не сила, а один жир! — разочаровался Женька и перестал завидовать.

И только толстушка Катя Мухина отнеслась к Симе сочувственно:

— Теперь нас двое, — сказала она. — Не так обидно. Прежде надо мной одной смеялись...

Что смеются — это еще полбеды. Главное — жизни веселой настал конец. Нырнешь в воду — ко дну тянет. Пойдешь в лес с друзьями — в хвосте плетешься. Сядешь за книжку — сон одолевает.

Казалось, нет никакого спасения от такой жизни.

Но однажды, роясь в старом бабушкином комоде, где хранились разные ненужные вещи, Сима обнаружил пожелтевшую бумажку. На ней — рисунки. На одном изображен солидный дяденька с обвисшими, как у Тараса Бульбы, усами и с огромной медалью на груди.

«Доктор Шиндлер-Барнай, — было написано под портретом, — обещает всем лицам, страдающим излишнею полнотою, молниеносное избавление от тучности, если они пожелают употреблять пилюли, изготовленные по его образцу. Благодаря этому новейшему средству лечения, получается облегчение и приятное самочувствие, тотчас же исчезают многочисленные, сопряженные с тучностью, неприятные ощущения, как-то: одышка, приливы, бессонница, болезненные давления и проч. Процесс худения останавливается с прекращением лечения и полученные результаты могут быть сохранены бесконечно».

Другой рисунок убедительно доказывал, какие чудеса могут творить пилюли. Рядом с безобразно толстым, злым человеком был изображен стройный, улыбочивый красавец — хоть в кино снимай!

Счастливый красавец написал доктору письмо. Оно было напечатано рядом с рисунком:

«Милостивый государь! Я в восторге от лечения вашими пилюлями. Раньше мне было стыдно появляться в обществе, ибо неизмеримые размеры моего тела вызвали усмешки и неодобрение среди моих знакомых, друзей и особенно женщин. Употребляя ваши пилюли против ожирения, я за одну неделю потерял в весе ровно пять фунтов и теперь со спокойной душой принимаю участие в каком угодно обществе и всеми любим. Прошу вас прислать как можно скорее еще коробку спасительных пилюль. Буду всех моих многочисленных знакомых убеждать лечиться этим средством.

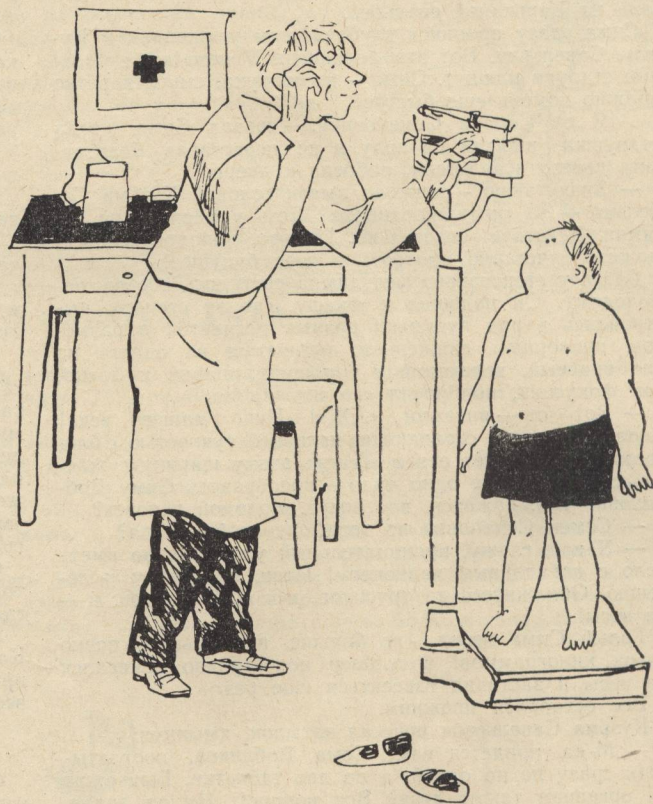
Благодарный Вам

Г-н Н. К. из Самары».

Письмо привело Симу Вобликова в неопикуемый восторг.

«Побегу-ка к доктору Семену Семеновичу, — решил он. — Пусть даст такие же пилюли!»

Доктор Семен Семенович, прежде чем решиться прописать какое-нибудь лекарство, простукал Симу моло-

точком по спине и коленке. По коленке он ударил так лихо, что Сима подпрыгнул и лягнул доктора ногой.

— Нервный, — определил Семен Семенович, поправляя на носу съехавшие очки. — Физзарядкой занимаешься?

— Как же я буду заниматься? После зарядки, знаете, как тело ломит. Ух! Суставы трескаются...

Доктор посмотрел на Симу рассерженно:

— Нет, такого Обломова лечить не берусь!

— А вот Шиндлер-Барнай вылечивал! От его пилюль люди в один миг уменьшались. Мне бы такие пилюли...

Семен Семенович развернул бумажку, которую принес Сима.

— «Молниеносное избавление от тучности». Да это ж шарлатанство чистой воды! И ты клонул на приманку? Ха-ха ха! — доктор, насмеявшись досыта, вытер платком глаза. — Подобный метод лечения я категорически отрицаю!

Сима приуныл, решив, что его дело гибнет. Но Семен Семенович сжалился над ним:

— Если уж так захотелось пилюль, ступай в соседнее село Студенцы. У моего коллеги — фельдшера Сосудина имеется витамин «АЖ», или, попросту говоря — «антижиротин». Лечись у него, благо он верует в силу этих пилюль. А я — умываю руки...

Фельдшера Сима застал в сельской больнице. Сухонький, седенький, в белом халате, Сосудин стоял возле большеглазой старушки с забинтованной шеей и давал ей разные медицинские наставления. Старушка, сидя во врачебном кресле, охала и причитала:

— Благодетель ты наш, Кузьма Савельевич, исцели-тель ты наш. Как бы жилось-мыкалось без твоих ле-карств?! Света белого не видела. А теперь, слава богу, вернулось здоровье. Намедни даже «барыню» пля-сала на Варькиной свадьбе...

Сима сразу проникся глубочайшим уважением к Ку-зьме Савельичу. Вот это фельдшер! У него даже боль-ные старухи пляшут. Сима — не старуха, ему лекарство должно помочь еще быстрее.

— Я от Семена Семеновича, — сказал Сима, когда старушка, шаркая по полу и не переставая благода-рять своего исцелителя, побрела к двери.

— Знаю, знаю, — закивал лысой головой Кузьма Са-вельич. — За «антижиротином»? Есть у меня такой ви-тамин. Действует безотказно. Так что, молодой человек, можете лучезарно смотреть в свое будущее!

Глаза у старенького фельдшера светились весело, по-молодому. Он подошел к шкафу, где за стеклом вы-строились в ряд пузырьки разных расцветок и разме-ров, проворным движением вытряхнул из одного из них красный, величиной с горошину, шарик и ловко, как фокусник, подбросил его на ладони:

— Вот он — витамин «АЖ»! Чудо нашего века! Сколько людей, страдающих излишней тучностью, с бла-гоговением думают о нем. Теперь этому шарикуну сужде-но совершить еще одно чудо — преобразить Симу Воб-ликова! Так, кажется, вас зовут, молодой человек?

— Семен Семенович по телефону сообщил, да?

— У вас, гляжу, проницательный ум. Приятно иметь дело с догадливым пациентом! Итак, приступим к ле-чению. Обнажитесь до трусиков, молодой человек, и — на весы!

Голый Сима весил — не больше, не меньше — ровно сорок килограммов! Фельдшер недоверчиво покосился на весы и заставил взвеситься еще раз.

Вес оставался прежним.

Кузьма Савельевич почесал затылок, хмыкнул:

— М-да, придется вам, Сима Вобликов, проглаты-вать сразу не по одной, а по две таблетки. Выдержит ли организм такую дозу? Вот вопрос!.. Ну да ладно, рискнем! Риск, говорят, благородное дело. Но постоль-ку, поскольку я, как лечащий врач, несу полнейшую ответственность за состояние здоровья своего пациента, вам, молодой человек, придется каждое утро являться ко мне на врачебный осмотр. Будем исследовать реак-цию лекарства на организм. Итак, вот вам витамины. Глотайте немедленно!

На другое утро Сима своими глазами убедился в чудодейственной силе витамина «АЖ» — шкала на ве-сах показывала ровно на пятьсот граммов меньше, чем вчера!

Кузьма Савельевич был в восторге от своего па-циента. Он сказал, что все идет просто замечательно, даже лучше, чем он ожидал. Витамины, судя по всему, принимаются организмом отлично. Фельдшер сообщил об этом таким важным и торжественным тоном, слов-но читал сводку о состоянии здоровья космонавта в безвоздушном пространстве.

Каждый день, являясь на прием к фельдшеру, Сима проглатывал по две витаминины и тут же вставал на весы. Весы не могли обманывать — они неопровержимо свидетельствовали, что лечение протекает успешно.

Постепенно Вобликов превращался в прежнего Симу, который мог свободно бегать наперегонки по улице, прыгать через две ступеньки на лестнице и даже без особого труда доставать правой ногой вытянутую впе-ред левую руку.

Толстушка Катя Мухина смотрела на Симу во все глаза и просила:

— Симочка, дорогой, достань мне хотя бы один ви-таминчик!

— Кузьма Савельич не дает лишних. Он должен вна-чале организм проверить.

Окрыленный собственным успехом, Сима Вобликов в тот же день сел писать благодарственное письмо че-ловеку, который придумал чудесный витамин «АЖ»:

«Милостивый товарищ... — в этом месте Сима по-ставил много точек, так как не знал фамилии изобре-тателя. — Ваш «Антижиротин» — просто чудо! Раньше мне было стыдно появляться в обществе, ибо неизме-ренные размеры моего тела вызывали усмешки и не-одобрение среди моих знакомых, друзей и особенно женщин. Витамин «АЖ» помог мне за один месяц уменьшиться в весе на семь килограммов двести грамм.

Опубликуйте, пожалуйста, в газете мою старую фо-токарточку, где я толстый. Новую я пришлю потом, ко-гда сфотографируюсь.

А еще пришлите коробку с витамином «АЖ» для Кати Мухиной, она хочет, как я, со спокойной душой принимать участие в каком угодно обществе и быть всеми любимой.

Благодарный вам

ученик С. В. из села Криволучье».

Фамилию «милостивого товарища» Сима Вобликов узнал лишь на следующий день от фельдшера Сосуди-на. Им оказался — кто бы вы думали? — врач местной больницы Семен Семенович. Это он надумил бедного Симу каждое утро совершать семикилометровые про-гулки до села Студенцы и обратно. Волей-неволей по-худеешь!

Теперь за витамином «АЖ» к Кузьме Савельевичу ходит Симиной одноклассница Катя Мухина.

СОЮЗПЕЧАТЬ

У прозрачного киоска
стены — книги,
а не доски.
Можно вычитать из книги
о былом татарском иге.
Можно вычитать в газете
о космической ракете,
улетающей за тучу.
Был бы грамоте
обучен!

Ноет зуб у человека,
помогает кто?
Аптека.
Голова твоя болит —
боль аптека
утолит.
Это белый и стеклянный
ароматный магазин.

АПТЕКА

... Кто-то вышел на поляну,
взял и травки накопил.
Травка правильная та
от больного
живота.
Вот она стоит на полке,
а ее кусали волки,
ели дикие коты,
поправляли животы.

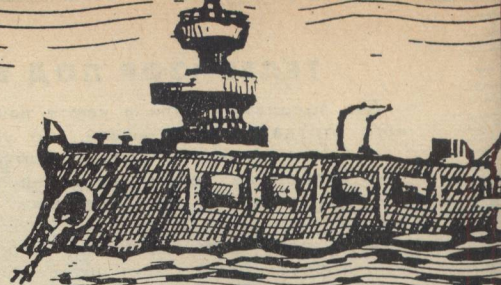
Глеб Горбовский

ПО МОРЯМ ОТ «А» ДО «Я»

БЛОКШИВ — На якорях, у набережных стоят старые, неспособные плавать суда. Потухли их котлы. Спущены флаги с мачт. И все же эти суда в строю. На них складывают уголь. К ним подходят и стоят, как у причалов, другие корабли. На них временно хранят грузы. Эти старые суда называются блокшивами. У них трудовая старость.

ДЕВИАЦИЯ — Много веков показывали магнитные компасы путь в море. И сейчас стоят на каждом корабле. Но самое интересное, что все они и во все века врал и врут! Одни больше, другие меньше. Каждый из них показывает не точно на магнитный полюс, а чуточку в сторону. Эта ошибка называется девиацией. А что такое ошибка в курсе корабля? Зазевался и на камнях сидишь! Моряки внимательно следят за девиацией. Все время исправляют ее. Не хотят сесть на мель.

север

девиация

юг

Главный редактор
Морской Энциклопедии —
капитан второго ранга,
писатель С. Сахарнов

ЧТО ТАКОЕ МАЧТА

Я хорошо помню, как нам в морском училище вполковывали, что такое мачта. «Мачтой называется круглое дерево, стоящее вертикально...»

Тогда же я попал на шлюпку, в первый свой морской поход. Смотрю — мачта. И верно — круглое дерево, стоящее вертикально.

Потом пришел на учебное паровое судно. И там мачта. Круглая и стоит вертикально. Только не деревянная, а железная.

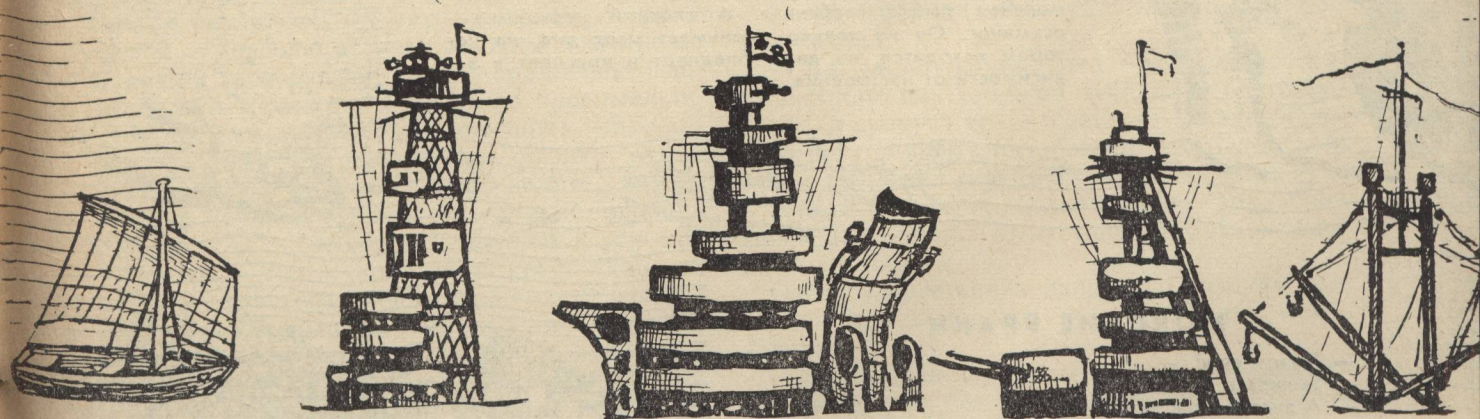
Потом во время войны случилось мне плавать на линкоре. Поднялся я первый раз по трапу и вижу перед трубой высоченную стальную башню. Мостики

на ней, надстройки, прожектора, дальнометры, одних антенн без малого десяток. «Это мачта», — говорят. Ну и ну!

Каких только мачт я потом не рассмотрел: деревянные, стальных, ажурных, башеннообразных, трехногих!

Например, у грузовых судов мачты иногда строят над трюмом в виде буквы «П», чтоб удобнее было поднимать и опускать груз. Такие мачты — это целое семейство машин — краны, стрелы, лебедки...

Вот тебе и круглое, вот тебе и дерево... Видно, мне в училище про мачты больше говорили, да я прослушал.

ВИКТОРИНА МОРСКИХ СЛЕДОПЫТОВ

1. Куда приплывет бутылка, брошенная в море у северного берега Кубы?
2. Сколько ног у морского ежа?
3. Может ли человек нырнуть на сто метров в глубину?
4. Что потеряли за время кругосветного путешествия спутники Магеллана?
5. Кто путешествует по морю бесплатно?

В КАЖДОМ ВЫПУСКЕ МОРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ МЫ СТАНЕМ ПЕЧАТАТЬ НЕСКОЛЬКО ПОДОБНЫХ ВОПРОСОВ.

ЧИТАТЕЛЯМ, КОТОРЫЕ ДАДУТ НАИБОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ПРАВИЛЬНЫХ ОТВЕТОВ, БУДЕТ ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ «МОРСКИХ СЛЕДОПЫТОВ».

ТЕЛЕВИЗОР ПОД ВОДОЙ

Два водолаза стояли в каюте начальника спасательного отряда и рассказывали, что увидели под водой.

— Судно лежит на правом борту, — сказал один.

— Скорее на левом, — перебил его другой.

— До половины оно зарылось в песок, — сказал один.

— На одну треть, не более, — поправил его другой.

— Корпус судна имеет штук десять пробоин..

— Гораздо больше!

— Ну, а теперь, — сказал начальник, — посмотрим, что покажет телевизор.

Вспыхнул голубой экран. Из сложного сплетения полюсов и пятен выступили очертания судна. Оно лежало на дне. И не на правом борту, и не на левом, а на ровном киле..

— Приготовить фотоаппараты, —скомандовал начальник отряда. — Будем снимать, замерять и считать.

...А глубоко под водой вдоль борта судна медленно двигалась на стальных тросах телевизионная камера. Она внимательно осматривала затонувший корабль, чтобы помочь спасателям поднять его из глубин моря.

НЕВИДИМКИ

Нырнул я на дно. Присмотрелся: песок. Желтый. С черными точками. На песке два бугорка. Вдруг шевельнулись бугорки и поплыли. И не одни бугорки плывут — будто кусок дна с места тронулся. Да это рыба! Плоская, как блин, желтая, с черными точками. Подплыла к бурым камням, легла на них — и сама бурой стала. Вот какая хитрая камбала — водяной хамелеон! Если под аквариум, где сидит камбала, положить шахматную доску — рыба станет клетчатой.

Много невидимок в море. Рыбка талассома, бросаясь на дно за добычей, меняет темно-синюю окраску на желто-зеленую. Умеет прятаться наша черноморская рыбка «собачка». А главный невидимка — осьминог. Он не только принимает цвет дна, на котором находится, но даже бледнеет и краснеет в зависимости от настроения.

МОРСКИЕ ВРАКИ

— Ты что ешь?

— Бычков в томате.

— А знаешь, как их ловят?

— Известно как: удочкой или сетью.

— А вот и нет. Помню, стоял наш пароход у одного острова. Пошли мы в лес гулять. Смотрим — вылезли из воды бычки — целая стая. Мы за ними. Они на деревья. Только мы к дереву — а бычки с него градом! Как воробьи. Наловили мы их и — в котел. Славный получился ужин.

— Много соврал?

— Нет. Точно так все и было. Не сказал я только, что лес, в котором ловили мы бычков, — мангровый, и растет он в Индонезии. Бычки тоже индонезийские — периофальмы, или, как их некоторые называют, — илестые прыгуны. Мангровые леса то затопливаются, то сохают, а бычки приспособились к этому.

ХИТРЫЙ КРЕСТЬЯНИН

Панджабская народная сказка

Гравюра К. Овчинникова

Жил-был один крестьянин. Посеял он как-то на своем поле сахарный тростник, — сначала землю как следует вскопал да разрыхлил, удобрил ее и обильно полил. Удался тростник на славу. И был этот тростник лучше, чем у всех остальных жителей деревни — уж такие были у него стебли мягкие, сочные, длинные.

Крестьянин зорко охранял свое поле, но однажды случилось ему уйти по какому-то делу домой, в деревню. А тем временем к его полю подошли трое людей — жрец, брадобрей и деревенский музыкант. Они давно прослышали, что тростник у нашего крестьянина — ах, какой вкусный. Увидели поле — слюнки у них так и потекли. Огляделись, видят — никого нет. Не мешкая, взялись они за дело, вдоволь наломали себе стеблей и двинулись к деревне.

Подошли они к дому того крестьянина, а он — им навстречу, за водой идет. Увидал крестьянин столько стеблей, догадался, откуда они, и страсть как рассердился. Но поразмыслив, что разом с тремя ему не справиться, он решил действовать иначе. Крестьянин приветливо поздоровался с путниками, разостлал возле колодца коврик, предложил им присесть, отдохнуть да поговорить о том о сем.

— Вы, пандит джи, — обратился крестьянин к жрецу, — человек высокодостойный. Почитать вас — мой долг. Беды нет, коли вы наломали моего тростника, кушайте на здоровье.

И вы, соседшка брадобрей, лицо уважаемое. Так кушайте на здоровье мой тростник. А вот ты, музыкант, ты что же это столько стеблей наломал?

С этими словами крестьянин кинулся на музыканта и побил его. Тот бросился бежать со всех ног, даже тростник забыл с собой захватить.

Когда музыкант был уже далеко, крестьянин сказал:

— Да, да, вот пандит джи — человек достойный, встретишь его — он тебе даст благословение, и супруга его — женщина отличнейшая. Мой долг служить им обоим, а ты, брадобрей, зачем ты ломал мой тростник? Отвечай!

И крестьянин пребольно избил брадобрея своим башмаком. Тот пустился бежать — только его и видели.

Остался крестьянин вдвоем со жрецом. Посидели они немножко, вот крестьянин и говорит:

— Послушай-ка, брахман, ты разве поливал мое поле, что без разрешения наломал себе сахарного тростника?

После этих слов крестьянин больно-пребольно побил жреца и отнял у него тростник.

Вот какую хитрость придумал крестьянин. С тех пор слава о его силе да храбрости пошла так далеко, что никто больше уже не покушался на его поле.

Перевела с панджаби Н. Толстая

Если ты ОЧКАРИК...

СВЕТЛАНА ЯНКОВСКАЯ. Школьница. Она сомневается: «Могу ли я заниматься в очках спортом?»

РИТА ХОРКИ. Баскетболистка. Во встречах с нами американки были слабее, но Рита играла отлично.

ЦЮ ЧЖУН-ХОИ. Чемпион мира по настольному теннису. Мастер «скрытой подачи». Но сама поспеивает за маленьким мячиком по полю.

ЛЕНЯ К. Школьник. Носит очки.

КОСТЯ: — Все началось с письма. Его прислал нам Леня К. Он живет в Пермской области, в поселке Усть-Егва. В своем письме он спросил...

ЛЕНЯ: — Можно ли с плохим зрением стать космонавтом? Я ношу очки. У нас часто заходит разговор о профессиях. А космос меня очень интересует...

КОСТЯ: — Валентина Николаева-Терешкова говорила так: «Все, кто мечтает о полетах в космос, должны знать, что нельзя стать космонавтом, минуя спорт»...

СВЕТЛАНА: — А тогда у меня вопрос... Я из города Волковиска Гродненской области. Тоже ношу очки. Из-за них у меня много неприятностей. Некоторые ребята даже не хотят со мной играть. Говорят: еще очки тебе разобьем. А в самом деле: могу я, не боясь за глаза, заниматься спортом — или нет?

КОСТЯ: — Недавно я познакомился с одним американ-

ДЖЕЙМС БЛОММЕР. О нем сказали: «По очку на стеклышко». Что означает эта таинственная фраза — узнаете из нашего разговора.

КОСТЯ ТЕРКИН. Сотрудник редакции журнала «Костер».

ПЕТР ИВАНОВИЧ ЛЕБЕХОВ. Хирург-глазник. Наш консультант по вопросам очков и спорта. Советует не пугаться первого и любить второе.

ским мальчиком. Он — наш гость сегодня. Джеймс, расскажи, пожалуйста, о себе. А ты, Светлана, слушай внимательно.

ДЖЕЙМС: — It was happened in 1960...

КОСТЯ: — Я сразу же буду переводить... «Это случилось в 1960 году. Советские школьники играли с нашей сборной в настольный теннис. Мы не ожидали, конечно, что русские так разгромят нас. Они выиграли семь партий. А на нашу долю досталось всего две...» И вот эти-то два спасительных очка принес американцам не кто иной, как Джеймс Бломмер. А он, как видите, такой же, как и вы, «очкарик». Вот тогда-то, хлопнув Джеймса по плечу, кто-то и сказал: «Ты нам принес по очку на каждом стеклышке своих очков...»

СВЕТЛАНА: — Значит, в пинг-понг мне играть можно?

КОСТЯ: — Не только играть, но и выигрывать. И не только в пинг-понг. Ведь все наши гости, известные спортсмены, носят очки... Надо только запомнить несколько правил. Вот о них-то и расскажет нам Петр Иванович Лебехов, доцент кафедры офтальмологии Ленинградского Института усовершенствования врачей.

ПЕТР ИВАНОВИЧ: — Офтальмология — наука врачевания глаз. Но лечить их — это уж последнее дело. Как же сделать так, чтобы слабое зрение не портилось дальше? **НАДО НОСИТЬ ОЧКИ.** Школьники часто их стесняются. Это — зря. Напрасно твои товарищи, Светлана, смеются над «очкариками». Это просто глупо. **ШКОЛЬНИКОВ, КОТОРЫМ ПОЛЕЗНЫ БЫЛИ БЫ ОЧКИ, МНОГО.** Около двадцати процентов. Каждый пятый...

ЛЕНЯ: — Значит, каждый пятый не сможет стать космонавтом?

ПЕТР ИВАНОВИЧ: — Пока — это вопрос сложный. Может быть, к тому времени, когда ты вырастешь, это и будет возможно. Так что готовиться к этому не мешает. И прежде всего — заниматься спортом. **А СПОРТУ ОЧКИ, КАК ПРАВИЛО, НЕ ПОМЕХА.** Вот если у тебя очень слабое зрение, надо быть поосторожней. Сходи к врачу. Он посоветует, каким видом спорта тебе заниматься. **ИНОГДА ПОЛЕЗНО ПЕРЕМЕНИТЬ ВИД СПОРТА.** Например, ты занимаешься боксом, а у тебя — повышенная близорукость. Тогда на футболь-

ЮРИЙ ВЛАСОВ. Самый сильный человек планеты.

БЕСЕДА
ЗА КРУГЛЫМ
СТОЛОМ
„Колтра“

ТОММИ КОНО. Неоднократный чемпион мира. Снимает очки лишь тогда, когда не в силах сдержать слезы при поражении от советских штангистов.

ГАВРИИЛ КОРОБОВ. Десятиборец. Его пример доказывает: «очкарик» может заниматься десятками видами спорта сразу.

БОРИС ШИЛКОВ. Конькобежец. Никто, правда, не знал, что Шилков носит очки, но этот снимок — доказательство.

ХЕЛЕНА ПИЛЕЙЧИК. Польская конькобежка. Бежит только в очках. Так даже лучше — ветер не режет глаза!

ном поле, скажем, твоим глазам будет больше простора...

КОСЯ: — Вы сказали: бокс. Но боксировать в очках не будешь...

ПЕТР ИВАНОВИЧ: — Если разрешит врач, очки можно снять. Обычно ноносишь их месяц-другой, и можно на время игры обходиться без них. Будешь чуть хуже видеть — не пугайся. Даже в этом случае ты можешь заниматься гимнастикой, плаванием, всеми играми в мяч, борьбой, тяжелой атлетикой. Если же, сняв очки, видишь хорошо, — смело подключаешь сюда бокс, легкую атлетику, коньки и лыжи... Я ГОВОРЮ СЕЙЧАС ЛИШЬ ДЛЯ ТЕХ РЕБЯТ, КОТОРЫЕ РАНЬШЕ БОЯЛИСЬ СПОРТА ИЗ-ЗА СВОИХ ОЧКОВ. ПУСТЬ ОНИ ПРИСЛУШАЮТСЯ К ЭТИМ СОВЕТАМ... Сложнее, конечно, тем, кому вообще нельзя снимать очки. Если глаза косят, например. Но и такие ребята могут заниматься фехтованием, рыбной ловлей, стрельбой, спортивной ходьбой... Но первый мой совет каждому, у кого слабое зрение: **СРАЗУ ЖЕ НАДЕТЬ ОЧКИ, ЧТОБЫ ВЫЛЕЧИТЬ НАСТУПАЮЩУЮ БЛИЗОРУКОСТЬ.**

СВЕТЛАНА: — Вылечить... Это, наверное, очень трудно...

НЕИЗВЕСТНЫЙ: — У нас это делается просто!

КОСЯ: — Но кто же вы, наш неизвестный гость?

НЕИЗВЕСТНЫЙ: — Я — один из героев книги известного детского писателя Сетона-Томпсона о жизни индейцев. К советам доктора Лебехова я хочу присоединить свои. Для этого я прошу прочитать вот эту главу из книги моего друга Томпсона...

КОСЯ: — «...Для предупреждения близорукости ежедневно совершайте в течение нескольких минут упражнения для зрительного вдаль. Этого можно достигнуть с помощью обычной таблицы для проверки зрения, какой пользуются глазные врачи. Повесьте ее в классе как можно дальше и тренируйтесь. Старайтесь прочесть самые мелкие буквы... Хорошим испытанием остроты зрения всегда считалось созвездие Плеяд. Однажды я спросил группу ребят, сколько Плеяд они могут насчитать невооруженным глазом.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Очков не носит. Как он тут появился — узнаете из беседы.

Шумливый мальчик, любивший выставлять свое превосходство, заявил: «О, я вижу сотни...» — «Садись, — сказал я. — Это невозможно». Другой мальчик сказал: «Кажется, я вижу шесть...» И он доказал, что действительно видит их, изобразив на столе камушками расположение звезд. У этого мальчика было хорошее зрение. Близорукие видят на месте Плеяд просто дымку. Но у другого мальчика глаза были еще лучше: он видел семь звезд. Такое зрение считается отличным. Индейцы обычно видят семь Плеяд, ибо они называют их Семь Звезд...»

НЕИЗВЕСТНЫЙ: — Так что вы можете упражняться и на Плеядах. Но сосчитать их все до одной сможет лишь тот, кто поднимется к этим далеким звездам.

КОСЯ: — Слышишь, Леня! Становись спортсменом. Это будет твой первый шаг в космос.

ВЛАДИМИР ГОРЯЕВ. Мастер тройного прыжка. Если при тройном прыжке не случается, то простые прыжки в высоту и длину и подавно никому из очкариков не заказаны.

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ. Чемпион Москвы по бадминтону. Бадминтон требует быстроты и глазомера. Николаю очки только помогают.

АНТОН ЯСИНСКИЙ. Его мировой рекорд по стрельбе из матчевого пистолета — 566 очков из 600 возможных — до сих пор не побит.

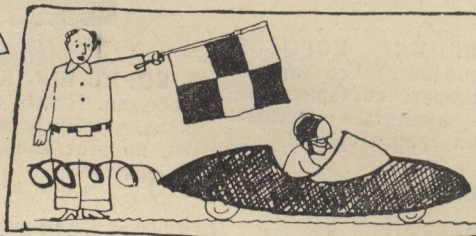

Спортивный корреспондент Алексей Лось опаздывал на футбольный матч. Он спрыгнул с подножки трамвая, перемахнул через большую лужу, припустил вдоль улицы и — хлоп! — растянулся на панели. Спортивный чемоданчик отлетел в сторону, раскрылся как раз вот для этого, четвертого, номера «Костра». Ветер подхватил их и перепутал как мог. «Помогите!» — закричал Лось, позабыв про футбол.

РЕБЯТА! ПОМОГИТЕ РАЗОБРАТЬСЯ: К КАКОМУ РИСУНКУ ОТНОСИТСЯ КАЖДАЯ КОМАНДА И ЧТО ОНА ОЗНАЧАЕТ? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ.

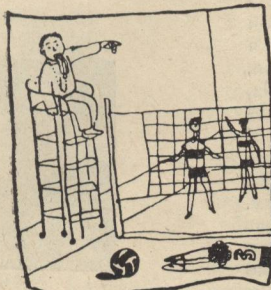
- Готовы?
Начинайте!

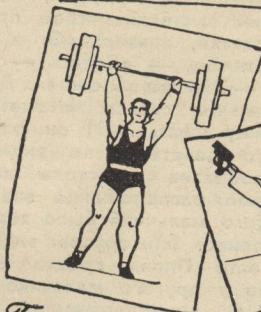
- Дай!

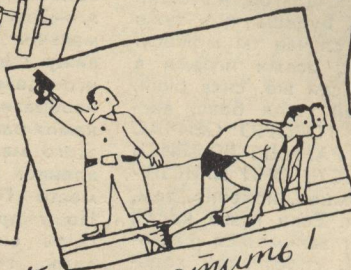
- На старт...
Внимание...

- Внимание...
Марш!

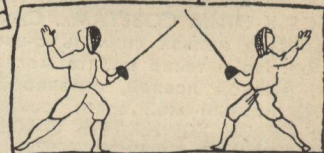
- Последний
круг!

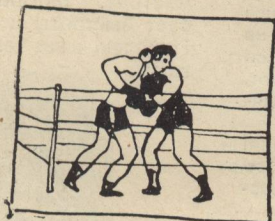
- Опустить!

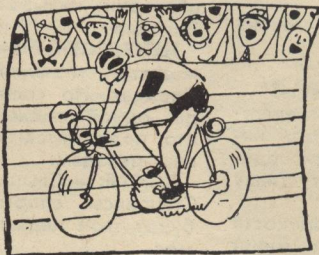
- На центр!

- Брэк!

- Две минуты!

- Сверху ложко!

- Мяч направо!

На третьей странице обложки рисунок Ю. Мезерницкого
На четвертой странице обложки рисунок А. Януса

Рисунки О. Земцова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Паптелова, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Черникова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Дворниковская

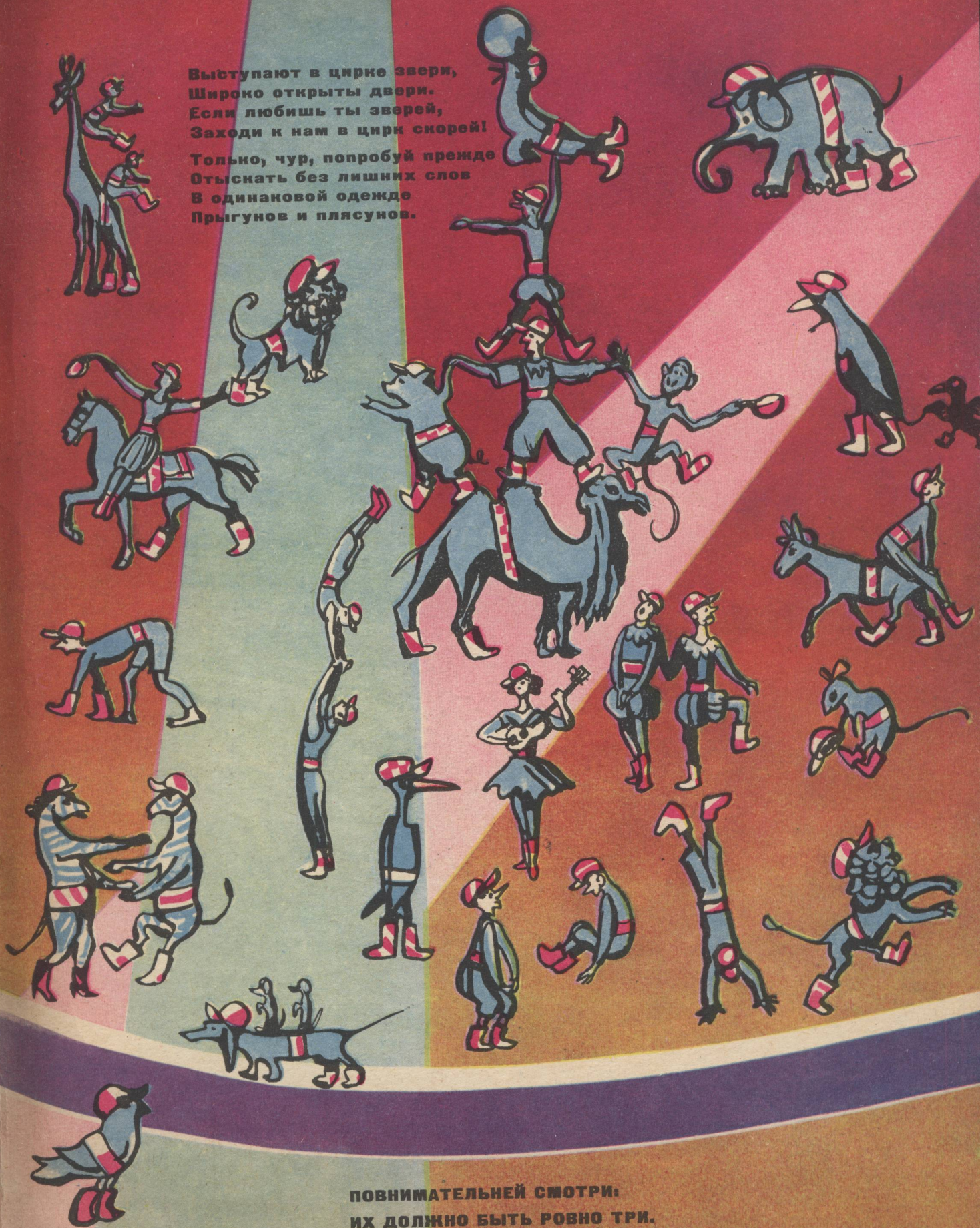
Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая 37, телефон А4-57-76.

М-21395. Подписано к печати 23/III 1964 г. Формат 84x108¹/₃₂. Печ. л. 8+1 вкл. 6,56 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 285 100 экз. Заказ № 129. Цена 25 к.

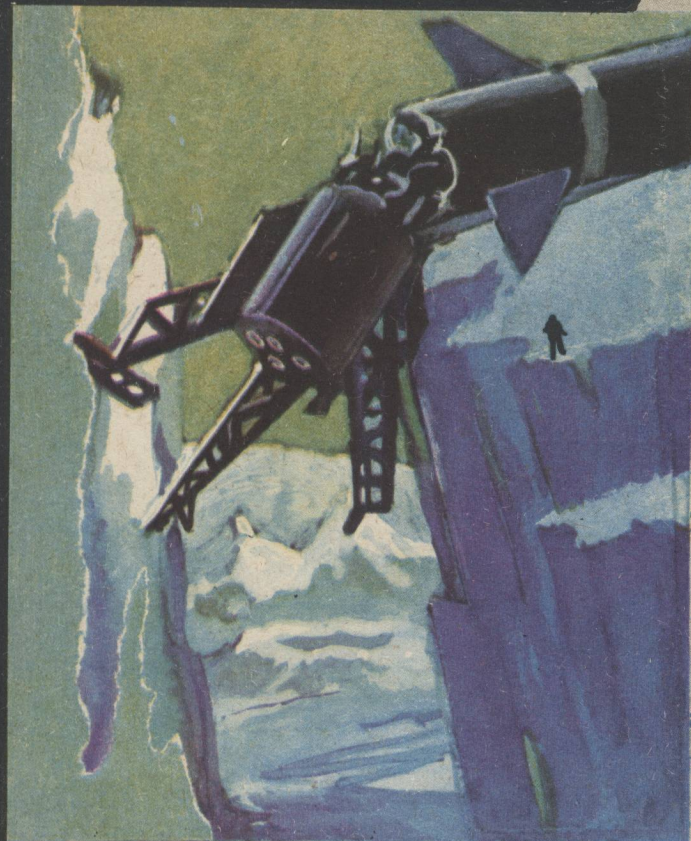
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Измайловский проспект, 29,
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Выступают в цирке звери,
Широко открыты двери.
Если любишь ты зверей,
Заходи к нам в цирк скорей!

Только, чур, попробуй прежде
Отыскать без лишних слов
В одинаковой одежде
Прыгунов и плясунов.

ПОВНИМАТЕЛЬНЕЙ СМОТРИ:
ИХ ДОЛЖНО БЫТЬ РОВНО ТРИ.

Знаете ли вы, что
вот сейчас
мы отправляем
в космос
еще одного
человека
Иваном
Ситниковым
оставивший
в своих
участках
всех
лучших
исследователей

**ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ „КОСТРА“
НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКУЮ
ПОВЕСТЬ А. ШАЛИМОВА
„ПЛЕННИК
КРАТЕРА
АРЗАХЕЛЯ“**

Почему же
Космос не пришел
только к нам
и сам
Мирно
Голова и мени
Крутилась
Ирки и не
дротами
роздь прог
визеть неподви
Я направился к
Заладка на
Скрыта в
Ито была шир
ночь Дви
Мирно

